

ВААН МЕЛИКЯН

БОРЬБА ЗА БАКУ

(ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.)

*Издание осуществлено
благодаря финансовой поддержке
руководства транспортной компании “Апавен”.
Выражаем свою благодарность
Гагику Агаджаняну и Арсену Казаряну.*

*Издание монографии приурочено к 100-летию
героической обороны Баку в марте 1918 года*

*Исследование посвящается
светлой памяти моего отца – видного историка
и общественно-политического деятеля,
доктора исторических наук, профессора
ГЕНРИХА МЕЛИКЯНА*

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАН РА

ВААН МЕЛИКЯН

БОРЬБА ЗА БАКУ

(ноябрь 1917 г. – апрель 1918 г.)

Р II
658246

ЗАНГАК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЕРЕВАН • 2019

УДК 93/94
ББК 63.3
М 474

Рекомендовано к изданию ученым советом
института истории НАН РА

Редактор: член-корр. НАН РА, д. и. н., проф. Симонян А. Г.
Рецензенты: д. и. н., проф. Степанян Г. С.,
д. и. н., проф. Балаян В. Р.

Перевод с армянского: Ерануи Петросян
Перевод резюме: Марина Мелик-Адамян

Меликян Ваан Г.
М 474 БОРЬБА ЗА БАКУ (ноябрь 1917 г. – апрель 1918 г.) / Меликян В. Г.;
пер. с армянского Е. Петросян. – Ер.: «Зангак», 2019. – 216 + 8 с.

В монографии на основе широкой источниковедческой базы, в контексте послеоктябрьских политических событий 1917 г. в Закавказье, освещается история мартовских событий 1918 г. в Баку и сопредельных проблем. Книга предусмотрена для историков, политологов–международников, политических деятелей, педагогов, студентов и для широкого круга читателей.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-9939-68-729-2

© Меликян В. Г., 2019
© ООО «Зангак-97», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
-------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ (ноябрь 1917 г.– февраль 1918 г.)

1.1. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ТИФЛИСЕ И БАКУ ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА	16
1.2. ПЕРВЫЕ ШАГИ В БОРЬБЕ ЗА БАКУ	24
а) Погромы и разоружение отступавших с Кавказского фронта русских частей – события в Елизаветпольской губернии	24
б) Фактор большевистского центра и большевизированных войсковых частей Сарикамышы	47
в) Чрезвычайные меры Закавказского комиссариата	53
1.3. МУСУЛЬМАНСКИЕ МЯТЕЖИ В ЕРЕВАНСКОЙ ГУБЕРНИИ	63

ГЛАВА ВТОРАЯ ПРОБЛЕМА ВЗЯТИЯ И ОБОРОНЫ БАКУ

2.1. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЕЛИЗАВЕТПОЛЯ И БАКУ КАК НОВЫХ ЦЕНТРОВ ПАНТИЮРКИЗМА В 1914–1918 гг.	77
2.2. НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В БАКУ: ПОЗИЦИЯ АРМЯНСКИХ КРУГОВ И МУСАВАТ	93
2.3. ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ ДАШНАКЦУТЮН–БОЛЬШЕВИКИ–МУСАВАТ	107

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ОБОРОНА БАКУ: СОЛИДАРНОСТЬ АРМЯНСКИХ ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

3.1. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЯ АРМЯНСКОЙ ВОЕННОЙ СИЛЫ В БАКУ И ВОКРУГ НЕГО.	127
3.2. ПОДГОТОВКА МУСАВАТИСТСКОГО МЯТЕЖА: БОИ ЗА БАКУ ..	137

3.3. АРМЯНСКИЙ ВОЕННО–ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В БАКУ	149
3.4. ТАКТИКА СЕЙМА В ОТНОШЕНИИ НОВОГО МУСАВАТИСТКОГО НАШЕСТВИЯ В АПРЕЛЕ 1918 г.	158
3.5. ОЦЕНКА АРМЯНСКИХ ПАРТИЙ И ДЕЯТЕЛЕЙ БАКИНСКИХ СОБЫТИЙ И ДАШНАКСКО–БОЛЬШЕВИСТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192
SUMMARY	197
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	208

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Бакнинские события не носили характер армяно–татарских столкновений, в течение всех боев турки не трогали армян, живущих в турецких кварталах и домах. А армянские военные части спасли и дали убежище 14 000 мусульман, которых вернули обратно с помощью персидского консула».

Гаджи Зейналабдин Тагнев

Одна из ключевых мишеней широкомасштабной антиармянской пропаганды властей современной азербайджанской республики – это мартовские события 1918 г.

В качестве глубинных политических причин проблемы выступают, с одной стороны, Февральская революция 1917 года и Октябрьский большевистский переворот в России, с другой, как следствие этого – беспрецедентная активизация пантюркизма в Закавказье.

В освободившейся от вековой российской гегемонии в шовинистической, в основном помещичьей татарской среде, с весны 1917 г. стала формироваться идея создания тюркского или мусульманского государства.

Она подпитывалась и поддерживалась непосредственно Османской Турцией и рассматривалась как первый и важнейший оплот реализации пантюркизма.

Поскольку основные носители этой идеи – руководящие деятели партии «Мусават», после большевистского переворота были активно вовлечены в состав не признающего советскую власть Закавказского комиссариата, поэтому они непосредственно содействовали скорейшему привлечению единокровной и единой Турции к разрешению внутренних национально–политических проблем Закавказья. Этой политике немало спо-

собствовал и решающий фактор сотрудничества с руководящим составом грузинской меньшевистской социал–демократической партии, окончательной целью которой было отделение от России, а также ослабление армянского элемента в Закавказье, а в контексте пантюркизма – объективно также его устранение.

Понятно, что кавказские татары в одиночку, без поддержки не в состоянии были осуществить «национальные» чаяния. В сложившейся военно–политической ситуации, когда уже не было царской России – единственного реального препятствия для турецкого вторжения в Закавказье, когда, как в известной басне Крылова, три национальные партии Закавказья (сплоченные в борьбе против большевизма в объединенных краевых правительствах), пытались совершенно отдельно решать вопросы – порой взаимоисключающие, и особенно когда против армянства и его главной национально–демократической партии «Дашнакцутюн» (АРФД) формировался и укреплялся грузино–татарский тандем, подпитывающийся все той же турецкой политикой, открывались все возможности для наступления на Закавказье и взятия Баку и Тифлиса.

В контексте пантюркизма Баку приобретал новое значение. Теперь этот нефтяной город оказывался в центре внимания не только Османской Турции и кавказских татар, но и советской власти. Большевики рассматривали его как основной способ советизации края, иными словами – возвращения подобным путем территорий Российской империи. Для партии «Мусават» город превращался в собирательный центр «национального идеала». В этом эпицентре сталкивались интересы пантюркизма и советской власти. И коль скоро бакинская советская власть в лице Ст. Шаумяна, а с апреля – Коммуна, турко–татарско–грузинской триадой представлялась как проармянский национальный фактор, то и борьба за Баку в марте–апреле 1918 г. приобретала характер национальной борьбы, а для армян – борьбы за выживание.

Говоря о географии событий, разворачивавшихся вокруг Баку, следует отметить, что кроме самого Баку, в этот процесс

были активно вовлечены и губернии – Бакинская, Елизаветпольская (Гандзак), Северный Кавказ, Иранская Атрпатаена (Атрпатакан), основной путь сообщения Закавказья – железная дорога Тифлис–Баку, районы Шемаха, Карабах, Нухи.

Что касается хронологии проблемы, то, говоря «мартовские события 1918 года», необходимо иметь в виду период с декабря 1917 г. до начала апреля 1918 г. Увертюрой большой борьбы за Баку следует считать антирусские и антиармянские насильственные действия, организованные Комиссариатом в декабре 1917 г. – январе 1918 г. вдоль Закавказской железной дороги, шамхорскую резню, антиармянские мятежи турок и курдов в Ереванской губернии, армянские погромы в Атрпатакане, этнические чистки русского, армянского, еврейского населения Восточного Закавказья и, наконец, многопластовую и бескомпромиссную борьбу за власть в Закавказье, проблему захвата Тифлиса.

Проблема мартовских столкновений 1918 г. в Баку в советской историографии более чем политизирована. Представители ее, в данном случае Е. Токаржевский¹, А. Сургуладзе² и др. считают гражданскую войну точкой отсчета для анализа бакинских событий и отсюда – проблемы разделения конфликтующих сторон, а именно: с одной стороны, советская власть, а с другой – мусаватистские силы и «Дикая дивизия».

Когда доминантной отправной точкой выступает конфронтация между германо–турецким империализмом и советской властью, становится очевидным, что полностью игнорируется присутствие армянского фактора в Баку и Восточном Закавказье, и уж тем более – факт сотрудничества большевиков и дашнаков. Авторы подчеркивают именно это обстоятельство: о ряде видных деятелей армянской влиятельной национально–демократической партии, а также о и соглашении, подписанном с советским руководством Баку (в частности, со Ст. Шаумяном) и

¹ Токаржевский Е. А., Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане, Баку, 1927.

² Сургуладзе А. Н., Закавказье в борьбе за победу социалистической революции, Тбилиси, 1971.

их совместных действиях речь не идет. И это понятно, поскольку до основания рушится надуманная историографическая концепция, в которую не укладываются такие явления, как сотрудничество большевиков и партии Дашнакцутюн, позиция Ст. Шаумяна – в данном случае как национального деятеля, а также проблема самообороны армянского населения Баку и соседних провинций, и т.д. Посему вопрос о пресечении якобы армяно–татарских межнациональных погромов со стороны партии Дашнакцутюн выводится на первый план.

Бакинские события, как сугубо межнациональный конфликт, позднее пытались представить многие зарубежные – английские, французские, немецкие и турецкие авторы: М. Ларше, И. Помянковский, Рюшту, У. Аллен и др.³

Мартовские события 1918 года политизируют и в наши дни. На азербайджанских вэб–сайтах многие историки – азербайджанские, турецкие и их «единомышленники» Т. Атаев, А. Эйваз, А. Балаев, А. Иголкин, Э. Исмаилов, М. Смит, З. Ализаде и др. пытаются параллельно с внутривосточными процессами Баку представить «все мучения, которые выпали на долю азербайджанского народа»⁴.

В марте 2011 г. по случаю годовщины событий 1918 г. азербайджанские СМИ, посольство Азербайджана в России и другие организации предприняли очередную бесстыдную, надуманную акцию. Приглашенным в Баку израильским журналистам и политологам был преподнесен следующий «факт»: якобы в марте и мае 1918 г. дашнаки вместе с большевиками осуществили не только азербайджанские, но и еврейские погромы. И с 1998 года этот день – 31 марта, в Азербайджане считается днем скорби⁵.

³ См. Токаржевский Е. А., указ. соч., с. 51–53.

⁴ См. Оганисян М. С., Отношения АРФД–большевики в Закавказье в 1917–1918 г., автореферат кандидатской диссертации, Ереван, 2009, с. 14–15 (на арм. яз.).

⁵ См. Новос Время, Ереван, 2011, 29 марта, № 1997, 31 марта, № 1998, 5 апреля, № 2000, также – Томас де Ваал, «Черный сад», Ереван, 2007.

Английский журналист–исследователь Томас де Ваал в своей книге «Черный сад» акцентирует то существенное обстоятельство, что соединение понятий «31 марта 1918 г.» и «геноцид» свидетельствует о том, что «день памяти касается не столько прошлого, сколько сегодняшней политики. Если у армян есть день геноцида, то почему бы не иметь такого и Азербайджану?», – пишет автор⁶. С точки зрения перспективы развития событий Т. де Ваал совершенно трезво приходит к выводу о том, что «использовав это понятие, Алиев развязал поединок между двумя народами»⁷.

Горячее воображение официального Азербайджана дошло до такой степени, что, по сообщению агентства «Туран», с легкой руки Г. Оруджева в оборот пущена чудовищная цифра жертв азербайджанского «геноцида»: якобы «2,5 млн азербайджанцев в XX веке стали жертвами геноцида, осуществленного армянами»⁸. В ходе мартовских событий 1918 г. религиозный обряд Магеррам или известный шахсей–вахсей стал моделью азербайджанского национализма. Это помогло бакинским татарам–мусульманам в понимании своей исторической идентичности, политической консолидации и формированию нового национального сообщества.

Для мусаватистов же это стало одним из основных элементов в построении «трагической идентичности» азербайджанцев, что сегодня последовательно насаждается⁹.

В октябре того же 2011 г., в ответ на статью из цикла сетевых публикаций С. Тарасова, профессор Бакинского государственного университета Эльдар Исмаилов, в очерке «Как Шаумян преднамеренно вводил Ленина в заблуждение», обвинял Шаумяна в том, что он, вместе с Лениным провалив осуществление декрета о «Турецкой Армении», приезжает в Баку и с «целью превратить его в новый армянский город, развязывает вакхана-

⁶ Ваал де Томас, «Черный сад», с. 146.

⁷ Там же, с. 146–147.

⁸ Там же, с. 147.

⁹ См. Казниян А., Полигон «Азербайджан», Ереван, 2011, с. 269.

лию среди азербайджанского населения»¹⁰. На каждом шагу фальсифицируя факты и хронику событий, даже идентифицировав события марта и августа 1918 г., историк–фальсификатор пишет, что «во время кровавых бакинских событий Шаумян был уволен с поста чрезвычайного комиссара», в качестве обоснования приводя письмо Сталина от 1 апреля 1918 г.¹¹ Отметим только то обстоятельство, что 1 апреля 1918 г. Ст. Шаумян пребывал на пике своей деятельности и 12 (25) апреля еще возглавлял Бакинскую коммуну.

Одним из ярких примеров азербайджанских фальсификаций следует считать сетевую публикацию научного сотрудника Института истории Национальной академии наук Азербайджана Захиды Ализаде, озаглавленную «Политические отношения Азербайджана и Армении в 1917–1918 годах».

Прежде всего отметим, что столь претенциозный заголовок отнюдь не соответствует материалу и поставленным в них вопросам, и что в интересующей автора промежуток времени использование искусственно созданного топонима «Азербайджан» наряду с Арменией – само по себе уже фальсификация. Иногда используя с виду «объективные» формулировки, она также преследует несколько важных целей: исказить причины и следствия мартовских событий 1918 г. в Баку, «обосновать» предпосылки создания государства Азербайджан, рассматривать Баку как «столицу» этого образования и, наконец, обвинить армян и большевиков в истреблении «азербайджанцев».

Утверждая, что «Баку был городом мечты большевиков», З. Ализаде кажется, что она хитрит и пытается протащить именно их, азербайджанцев, бредовую мечту, выраженную в идее «столицы азеров»¹². Непрерывно педалируя факт большевистско–дашнакского сотрудничества (понятно, имея в виду

¹⁰ Исмаилов Э., Как Шаумян преднамеренно вводил Ленина в заблуждение, <http://regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1447229.html#ixzz1ZF69ayGO>.

¹¹ Исмаилов Э., там же.

¹² Alizade Zakhida, Political realations between Azerbaijan and Armenia in 1917–1918, См.: www.ca-c.org/c-g/2008/iournal eng/c-g-2/14.shtml

Ст. Шаумяна), автор почему-то забывает большевиков татаро-азербайджанского происхождения, большевистскую партию «Гуммет», М. Азизбекова, Н. Нариманова и десятки других деятелей.

Псевдопоборница правды, З. Ализаде пишет: «Великое множество крайностей, допущенных азерами в марте 1918 г., позволили большевикам и дашнакам на какое-то время прийти к власти в Баку. Обстоятельства были не в их пользу, и их политические ожидания в регионе свелись на нет. Союз дашнаков и большевиков никак не достиг своей стратегической цели, и в результате зародилось азербайджанское национальное движение»¹³.

Во-первых, партия «Дашнакцутюн» не приходила к власти в Баку, да и цели такой никогда не преследовала. Существенно то, что молодой научный сотрудник даже не сдерживает радости от того, что этот союз распался, однако скрывает главное – то, что Баку пал в результате турецкого похода, и в сентябре 1918 г. руками турок и единокровных им татаро-азербайджанцев в Баку было истреблено 30 тысяч армян.

Что же касается придуманного факта о якобы 12 тысячах татар, убитых армянами и большевиками, то посоветуем этому и остальным азербайджанским авторам вспомнить слова признательности их именитого соотечественника З. Тагиева, направленные бакинскому армянству и его национальным организациям.

Мартовские события 1918 г. – это результат мусаватистского мятежа. Целью этой смуты было свергнуть власть демократического социалистического совета в Баку, захватить город и провозгласить его столицей искусственно созданной татарской республики. И поскольку в центре нефтепромышленного края доминировало влияние армянского элемента и национальных организаций и учреждений, то борьба за власть и Баку вылилась в борьбу за выживание армян Баку и всей губернии.

¹³ Alizade Zakhida, там же.

После армяно–татарских столкновений 1905–1907 гг. мартовские события 1918 г. в Баку фактически можно рассматривать как второй этап ослабления и изгнания армянского элемента.

В этом контексте состоялось явление беспрецедентного согласия и взаимодействия всех армянских течений и партий.

Не разделяем того мнения, согласно которому вопросом защиты физической безопасности бакинского армянства были озабочены только Армянский национальный совет Баку и партия «Дашнакцутюн» и более того – они не преследовали политических целей.

Один из организаторов самообороны Баку, генерал А. Г. Багратуни, об этой славной героинке выступил 17 февраля 1919 г. с позиций национальных армянских интересов. «Оборона Баку имела большое значение для российских границ, но исключительное значение – для армян. Для меня было совершенно ясно, – писал преданный национальный деятель, – что захватив Баку (со всеми возможными последствиями для армян) турки станут господствовать в спасенных армянских районах – Карабахе, потом в Ереване, что для нашего народа может означать только одно: окончательное рассеивание и физическое исчезновение. Вот почему я неизменно защищал идею о необходимости – глубоко с армянской точки зрения (ведь армяне составляли преобладающую часть защитников Баку), чтобы не дать туркам окончательно истребить армян. Героическая и славная оборона Баку (при недостаточной организованности армии, ее слабого руководства, неурегулированности снабжения) сыграла колоссальную роль в спасении остатков армянского народа. Огромную роль в осуществлении этой задачи сыграла 3–я бригада Амазаспа – самая большая по численности, исключительно армянская, лучше всех организованная, остававшаяся на позициях с самого начала и до конца»¹⁴.

¹⁴ См. Национальный архив Армении (НАА), ф. 121, оп. 2, л. 94, л. 49.

Бакинские события марта 1918 г. имели для Закавказья радикальное, переломное политическое значение. Речь идет не только о Бакинских событиях марта 1918 г. разоружении «Дикой дивизии» и подавлении мусаватистского мятежа, но и прежде всего о пресечении решительного наступления пантюркизма.

Большое столкновение свидетельствовало о бескомпромиссной борьбе за власть в этом крае и о вопросе советизации Закавказья.

Впоследствии это подтвердилось: взяв Баку 15 сентября, Нури паша в одном выступлении на летучке немедленно стал угрожать армянам Карабаха, а через неделю 6-тысячная турецкая бригада вошла в Шуши.

Продолжение этому было в 1989–1993 годах, когда армянскими погромами в Сумгаите и бакинскими – в январе 1990 г., завершился процесс изгнания и вытеснения армян из Баку, Елизаветпольской губернии и армянонаселенных районов Восточного Закавказья.

Наша задача в этом исследовании: во-первых, представить цельную картину развития военно-политических событий в Баку в марте–апреле 1918 г., а также выявить взаимосвязь и особенности нескольких движений, одновременно происходящих внутри этого процесса. В частности, это: 1. Разворачивание борьбы за власть в Баку после Октябрьского переворота. 2. Превращение внутренней политической борьбы (в какой-то степени – гражданской войны), возникшей в результате турецкого нашествия, в противостояние внешней агрессии. 3. Для армянского населения и партий: превращение этой войны в национально-освободительное, движение самообороны. 4. Во всем этом процессе: беспрецедентная взаимосвязь национального интереса не только местных армян, но и всего армянства Закавказья с приоритетной задачей борьбы за власть в крае.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ (ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.)

1.1. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ТИФЛИСЕ И БАКУ ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА

Вопрос о развернувшейся в Закавказье борьбе за власть в 1917–1918 гг. напрямую увязывается с политической историей края 1917–1921 годов, проблемой Западной Армении, межнациональными отношениями и целым узлом многопластовых территориальных проблем независимых национальных государств.

В эпицентре этой проблемы были согласованные действия известных деятелей, бросивших альтернативный вызов установления советской власти в Баку – носителей этой идеи и стратегии: Степана Шаумяна, Ростова (Ст. Зорьян), Акопа Багратуни, Арама Манукяна (Саркис Оганисян), Амазаспа Срвандзтяна, Акопа Заврияна, Рубена Тер–Минасяна и др.

Особенно после Октябрьского переворота, огромную роль в борьбе за владение армией Тифлиссский крайком РСДРП(б) придавал местному гарнизону.

В дни восстания в Петрограде в Тифлисе продолжалось совещание большевистских солдатских организаций Кавказской армии. Начавшиеся с 26 октября митинги в разных воинских частях города, выражали поддержку действиям центра. 28 октября было создано собрание делегатов Тифлисского гарнизона – по сути, это был совет, представляющий большевистские гарнизоны, параллельно действующему совету. Получилось так,

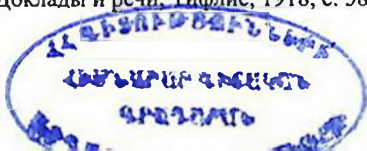
что в конце октября – начале ноября 1917 г. Тифлисское депутатское собрание стало эпицентром политической борьбы¹⁵.

С момента создания Закавказского комиссариата 15 ноября 1917 г. вопрос захвата большевиками власти в Тифлисе стал приоритетной задачей – как для кавказского краевого центра, так и Бакинского совета. На первом этапе, в ноябре–декабре 1917 г. вопрос большей частью поднимался в контексте победы большевиков «против контрреволюции». В период за январь–март 1918 г., когда стало совершенно явным намерение краевого грузино–азербайджанского большинства изолировать армянство и АРФД, а также подавить в лице Ст. Шаумяна советскую власть в Баку, сотрудничество с другими армянскими деятелями из бакинской власти и с подконтрольной им военной силой приобрело хотя и временный, но национальный характер.

Вначале действия Комиссариата были обоснованы: все делалось для нейтрализации влияния большевиков в Тифлисе. А этого можно было достичь, если б из города были выведены большевистские военные части, установлен контроль над Арсеналом и ликвидирована большевистская организация. Относительно первого вопроса сложилась следующая ситуация: когда в Тифлис вошел Карсский полк, он сразу же довел большевистскую пропаганду до уровня призывов свергнуть Комиссариат. Полк остался в городе, а своих представителей направил в национальные военчасти с поручением – получить их согласие, содействовать или хотя бы не препятствовать¹⁶. 4 декабря на заседании совета рабочих и солдатских (далее – р. и с. – В. М.) депутатов Н. Жордания объявил, что 23 ноября один из большевистских уполномоченных крайкома отправил в Петроград телеграмму о захвате власти. Речь шла о двух телеграммах Ст. Шаумяна, адресованных Ленину 23 и 25 ноября. Во–первых, Ст. Шаумян не был полномочным членом Тифлисского комитета, к тому же небезызвестным на Кавказе человеком, чтобы

¹⁵ См. Меликян Г. С., Октябрьская революция и Кавказская армия, Ереван, 1970, с. 303–311 (на арм. яз).

¹⁶ См. Жордания Н. Н., За два года, Доклады и речи, Тифлис, 1918, с. 58.

27
658246

его имя не было упомянуто на заседании совета. Была искажена и дата телеграммы и, в связи с этим – и ее содержание. «Мы можем с помощью армии заставить комиссариат признать власть народных комиссаров. Просим немедленно сообщить – как действовать дальше», – писал Шаумян в первой телеграмме. Во второй он представил то обстоятельство, что части Кавказской армии рассматривают деятельность Комиссариата как отделение от России, поэтому повторял главный вопрос: «Опираясь на войска и Бакинский совет, можно принудить местную власть признать вашу власть»¹⁷. Внятного ответа и поддержки от В. Ленина Шаумян так и не получил. В разъяснении этого вопроса в какой-то мере нам помогает сам Н. Жордания, который на упомянутом Тифлисском совете добавил: «Во второй телеграмме говорилось, что ждем ответа у аппарата»¹⁸. Добавим, что ответной и жизненно необходимой помощи Ст. Шаумян не получил и в период за август–сентябрь 1918 г., вследствие чего и пала Бакинская коммуна.

Не поверив заверениям большинства большевиков крайкома в том, что у них нет намерения вооруженного выступления и отдав предпочтение мирному варианту взятия власти, Комиссариат во главе с Н. Жорданией и другими меньшевистскими лидерами, тем не менее, выразил тревогу: «Когда мы узнали об этих телеграммах, – говорил Н. Жордания, – стало ясно, что в Тифлисе готовится вооруженное восстание»¹⁹.

26 ноября бюро меньшевистского крайкома и Тифлисского Исполнительного комитета предпринял превентивные меры – была создана «Красная гвардия».

На следующий день было созвано совместное чрезвычайное заседание совета р. с. и к. (крестьянских) депутатов, крайкома и Тифлисского совета р. с. депутатов: 28 ноября в Тифлисе было

¹⁷ Шаумян Ст., ПСС, т. 4, Ереван, 1978, с. 45, 47 (на арм. яз).

¹⁸ Жордания Н. Н., указ. соч., с. 59.

¹⁹ Там же.

объявлено военное положение²⁰. Это был первый шаг, направленный на сохранение власти.

В тот же вечер Карсскому полку было объявлено, что он должен немедленно отбыть на Северный Кавказ, что и было сделано в ночь на 28 ноября, поскольку большевистский полк почувствовал решительность Исполнительного комитета²¹. Это была первая победа меньшевиков и вторая попытка удержать власть. Следующим был вопрос взятия тифлисского Арсенала. Закавказский комиссариат и Тифлисскую государственную думу серьезно беспокоил вопрос главного оружейного склада, большевистское руководство которого не подчинялось власти и не предоставляло оружия Комиссариату. Опасность стала максимально реальной, когда с фронта стали возвращаться большевистские военчасти. С целью обеспечить оружием подконтрольные власти части, Исполком требует оружия и в этой связи направляет циркуляр в артиллерийский склад Арсенала. В Исполкоме, конечно знали, что Арсенал охраняют солдаты-большевики, которые не согласятся с приказом – это был повод оправдать дальнейшие действия.

Как и ожидалось, охранники Арсенала отказываются выдать оружие. Ночью меньшевистская гвардия нападает и захватывает артиллерийский склад. На заседании от 4 декабря Н. Жордания сообщает, что 28 ноября Исполнительный комитет потребовал у Арсенала 2000 винтовок и получил отказ²². Для захвата Арсенала меньшевистский центр в срочном порядке формирует сборный отряд, состоящий из «Красной гвардии», солдат грузинского и армянского полков. 30 ноября 150 солдат 4-го батальона 218-го полка совершают нападение, однако не получив серьезной помощи, возвращаются в свои ка-

²⁰ См. Национальный архив Грузии (НАГ), ф. 1838, оп. 2, д. 68, л. 108, а также Известия совета рабочих и солдатских депутатов гор. Тифлиса, Тифлис, 1917, № 198.

²¹ См. Жордания Н. Н., указ. соч., с. 59.

²² См. там же, с. 59–60.

зармы²³. Инициатор событий Н. Жордания из всего этого делает вывод, что «тем самым отряд Исполнительного комитета идет против советской власти, провозглашенной в Тифлисе»²⁴. Большевистский крайком понес очередное поражение. В тот же день меньшевики разгромили в Тифлисе редакции газет «Кавказский рабочий», «Брдзола» («Борьба» – В. М.) и «Борьба рабочего», арестовали сотрудников²⁵, 218-й полк уходит из города в направлении Траpezунд–Эрзерум.

Возвращаясь к заседанию 4 декабря, отметим, что Н. Жордания там намеревался окончательно дискредитировать Ст. Шаумяна. Размахивая известными телеграммами В. Ленину, в присутствии главнокомандующего Кавказской армией М. Пржевальского, американского консула Ф. Смитта, глав национальных частей и других, он обвинил большевиков – в частности Ст. Шаумяна, в «заговоре» и «бонапартизме». Выступивший на заседании Ст. Шаумян, не отрицая, что автором этих телеграмм действительно является он, в то же время сделал весьма ценное разоблачение: представители находящихся в Тифлисе «крупных» и «хорошо вооруженных» подразделений в те дни предлагали большевистскому крайкому «за два дня разогнать весь Комиссариат»²⁶.

Намерения большевиков были ясны, однако одни только события Арсенала свидетельствуют о том, что первыми напали антибольшевистские силы и особенно грузинские меньшевики, которые координированными и целенаправленными действиями фактически сумели предотвратить третью попытку захватить Тифлис.

Что же касается большевиков, то в деле захвата Арсенала есть два подхода: а) большевистский крайком и Тифлисский комитет допустили ошибку в том, что захват власти в Закавказье, в частности – в Тифлисе, можно было осуществить мирным пу-

²³ См. НАГ, ф. 1844, оп. 2, д. 67, л. 155.

²⁴ См. там же.

²⁵ См. Сургуладзе А. Н., указ. соч., с. 82.

²⁶ См. Дубинский–Мухадзе И., Шаумян, Москва, 1965, стр. 277.

тем, как в Баку; б) исходя из того, что первый этап захвата власти в Закавказье продолжался до декабря – до взятия Арсенала и расстрела большевистской демонстрации в Александровском саду в феврале 1918 г., следовательно, факт сравнительно легкой сдачи Арсенала следует объяснять не тактическими ошибками части руководящей группы большевиков, а имеющимся в то время в крае целым рядом объективных обстоятельств²⁷. Считаем важными также запросы Ст. Шаумяна от 23 и 25 ноября – относительно вооруженного восстания в Тифлисе. В чем были причины этих запросов кавказского большевика № 1. Проблема во все более углубляющихся разногласиях крайкома и Тифлисского большевистского комитета. Когда невозможно было на месте решить вопрос вооруженного выступления, Шаумян обращался к посредничеству Ленина. Не получив в Тифлисе поддержки большинства большевистского руководства, Шаумян, как раз 23 ноября прибывший в Тифлис из Елизаветполя, пытался осуществить свой план вооруженного восстания. По мнению знатока проблемы проф. Г. Меликяна, запросов Ст. Шаумяна могло и не быть, если бы большая часть руководителей большевиков в Тифлисе согласилась с необходимостью вооруженного восстания. Если бы это было тактическим шагом, то в решающий момент надо было поднять на ноги гарнизон и пробольшевистских рабочих и не позволить захватить Арсенал²⁸.

В «ошибках» большевиков есть и другая основа – здесь еще раз проявляется роль национального фактора. Даже столь сплоченная организация, как партия большевиков, в Закавказье давала трещину. Националистами были не только грузинские меньшевики, но и грузинские большевики. Взятие Тифлиса и свержение власти Комиссариата под руководством Ст. Шаумяна и при содействии Кавказской армии – в основном русских солдат, воспринималось как антигрузинский шаг и победа преи-

²⁷ См. Сеф С. Е., Революция 1917 г. в Закавказье (Документы и материалы), Тифлис, 1927, стр. 337.

²⁸ См. Меликян Г. С., указ. соч., с. 428.

мущественно не столько большевиков, сколько в первую очередь – армянского фактора. У Тифлиса был опыт Баку, и он вовремя сумел предотвратить поражение. Фактически в борьбе против Ст. Шаумяна и на первом этапе захвата власти грузинские меньшевики и большевики действовали сообща. Получается, что на этом историческом этапе грузинский национализм победил. Преднамеренно, конечно, но не была использована решающая роль большевизирующихся частей Кавказской армии и их преданность делу захвата власти в Закавказье. Более того, в отношении этих частей была разработана и применена грубая политика.

Преобразование власти в Баку происходило следующим образом. 26 октября 1917 г., когда сюда дошла весть о победе вооруженного переворота в Петрограде, исполком совета при участии партий, профсоюзов, представителей гарнизона и по настоянию национальных и социалистических партий решил сформировать высший орган власти – Комитет общественной безопасности. Местные большевики не согласились с таким решением и потребовали передать власть Совету рабочих и солдатских депутатов. К тому же они потребовали созвать расширенный совет. 27 октября антибольшевистским силам удалось вновь отказать большевикам в требовании передать власть советам. На следующий день Бакинский большевистский комитет обратился с призывом к трудящимся и потребовал поддержать восстание петроградских рабочих, солдат и матросов, осудить антибольшевистское поведение эсеров, меньшевиков и дашнаков. Большевистские призывы возымели действие, и 29 числа на демонстрацию вышли матросы Каспийского военного флота, среди которых большевики имели заметное влияние. На демонстрации звучали призывы поддержать большевиков. Единогласно была принята большевистская резолюция – с предложением передать власть советам. Проголосовав за принятие резолюции, солдаты и матросы также проголосовали и за пере-

дачу власти совету. В тот же день большевистская резолюция была принята и на гарнизонном митинге²⁹.

Это важное событие по достоинству было оценено Степаном Шаумяном. Оценив факт сплочения армии вокруг большевиков, он делает решительные выводы относительно не только Бакинского гарнизона, но и Кавказской армии³⁰.

31 октября на расширенном заседании совета большевики одержали победу: было принято решение о передаче власти советам р. и с. депутатов и распустить Комитет общественной безопасности³¹.

2 ноября на расширенном заседании совета, где у большевиков было большинство (344 голоса из 486), обсуждался вопрос о передачи власти совету.

124 человека из правых эсеров, меньшевиков и дашнаков покинули заседание. После этого поворотного шага Ст. Шаумян поднял вопрос об установлении полного контроля в отношении вооруженных сил в городе. Избрав новый состав Исполкома, было решено переименовать «совет рабочих и солдатских депутатов» в «совет депутатов рабочих и солдат». *Высшей властью Баку провозглашается Исполнительный комитет совета*³².

4 ноября в «Вестнике» Бакинского совета было опубликовано обращение исполкома совета, адресованное всему населению Баку, солдатам и матросам, где отмечается, что исполком совета опирается на революционный гарнизон Баку³³. За этим следует резолюция, принятая 6 ноября на съезде Каспийского военного флота, которая приветствовала Исполком Баксовета и выражала готовность защищать советскую власть в Баку. 10 ноября пробольшевистскую резолюцию принял и дислоцированный в Баку 156-й Елизаветпольский пехотный полк³⁴. Таким

²⁹ См. Бакинский рабочий, Баку, 1917, № 73, 1 ноября.

³⁰ См. Шаумян СТ., ПСС, т. 4, с. 20–22.

³¹ См. Меликян Г. С., указ. соч., с. 427.

³² См. там же, с. 300.

³³ См. Известия Бакинского Совета, Баку, 1917, № 178, 5 ноября.

³⁴ См. там же, № 199, 2 декабря.

образом, при поддержке большевизированных солдат и матросов Бакинского гарнизона и Каспийского военного флота Бакинский совет р. и с. депутатов принял пробольшевистскую резолюцию, тем самым признав большевистское советское правительство Петрограда и выразив свою полную поддержку.

1.2. ПЕРВЫЕ ШАГИ В БОРЬБЕ ЗА БАКУ

а) Погромы и разоружение отступающих с Кавказского фронта русских частей – события Елизаветпольской губернии

С конца ноября 1917 г., в условиях массового отступления русских войск с Кавказского фронта, эти части столкнулись с препятствиями в виде последовательных и целенаправленных антирусских действий, с одной стороны, руководящего грузино–татарского большинства Закавказского комиссариата, антибольшевистского краевого центра совета р. и с. депутатов, а с другой – Мусульманского национального комитета, руководимого «Мусават». Эшелоны, в которых перевозили эти части, останавливали на главных узловых станциях участка Баку–Тифлис Закавказской железной дороги, при этом отмечались факты конфискации оружия и массовые погромы солдат.

Борьба за власть, развернувшаяся между левыми и правыми группировками политических сил Закавказья, после большевистского переворота вступила в этап непримиримого соперничества и немирного развития. И особенно после формирования Комиссариата, эта многосторонняя борьба, в конце концов, привела к уходу российских фронтовых войсковых частей из края, что развалило фронт и обезлюдило его оборонительные линии.

По данным на 1 декабря 1917 г., в действующих войсках насчитывалось 253 батальона, 238 конных сотен и эскадронов, 42 инженерные роты, 3 авиаотряда, 298 легких и 243 горных орудий, 69 гаубиц, 1533 пулеметов. Личный состав: 7351 офицер, 11 7970 пехотинцев, 25 632 конармейца и 6744 сапера – итого 15 7697 человек. Из них 101 891 боец (из которых 4790 офице-

ров) были в составе действующей Отдельной кавказской армии, остальные 55 806 в персидской части³⁵. На Кавказском фронте остались также 3 казачьи дивизии, 2 бригады, 2 полка (в персидском секторе), которые постепенно должны были быть выведены территории Ирана³⁶.

В течение двух месяцев боевой состав войск Кавказского фронта уменьшился на 28 016 человек, состав Отдельной кавказской армии – на 25 225 человек, в персидской части цифра была незначительной – 2791 человек. Общее число военнослужащих Кавказского фронта сократилось на 200 тысяч человек, составив всего 400 тысяч. В резерве находилось 36 566 солдат, что составляло 23% войска, они были расквартированы в ближайшем тылу³⁷.

40–42% личного состава составляли русские, около 30% – украинцы, 10% – армяне, 8% – грузины, 4,5% – русскоподанные немцы, 1,5% – поляки и др. Национальный состав офицеров определенным образом отличался: 60% составляли русские, 10% – украинцы, 8–9% – армяне, столько же грузин, 3–4% – поляки, 3% – немцы и др.³⁸.

Выполняя указание комиссара по делам Военно-морского министерства Закавказского комиссариата эсера Д. Донского, командующий действующей Кавказской армией 1 декабря 1917 г. приказал сформировать в 5-и корпусах и гарнизонах армянской части фронта национальные роты и батальоны. На

³⁵ См. подробнее – Меликян В. Г., Проблема власти в Закавказье: деятельность Закавказского комиссариата и армянская действительность (ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.), Ереван, 2010, сс. 181–211 (на арм. яз.); Меликян В. Г., Грузино-татарские антироссийские мятежи в районе Закавказской железной дороги и армянская позиция (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.), Историческое пространство, № 1, Москва, 2010.

См. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2100, оп. 1, д. 72, л. 270, по:

Арам Назарян, Формирование армянских войсковых частей (1914–1918), Ереван, 1999, с. 140 (на арм. яз.).

³⁶ См. РГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, л. 93, по – указ. соч., стр. 139.

³⁷ См. НАГ, ф. 1838, оп. 2, д. 5, л. 301.

³⁸ См. Назарян А., указ. соч., стр. 140.

практике с этого дня начался процесс тотальной национализации войск Кавказского фронта³⁹.

Решением Заккомиссариата от 11 декабря, кроме армянского и грузинского национальных подразделений, было разрешено сформировать корпус, состоящий из мусульманских подразделений края. Для этого намечено было использовать часть военных Кавказской «дикой дивизии», которая была переведена сюда с западного фронта, а также добровольцев⁴⁰.

С целью координации работы по формированию новой армии по национально–территориальному принципу на Кавказском русско–турецком фронте 22 декабря 1917 г. в Тифлисе, при комиссариате по делам Военно–морского министерства был создан Межнациональный солдатский совет (МСС). На начальном этапе его представляли делегаты 8 национальных советов и организаций. Также был избран президиум МСС: Н. Рамишвили (председатель), М. Пападжанян (заместитель), Ляхницкий (национальное бюро русских Закавказья), Хурамович (мусульманин), Хоменко (украинец), Ярецкий (поляк), Спилитти (грек), Ванеев (осетин). В январе 1918 г. в состав президиума совета вошел представитель ассирийского национального совета Бит–Айваз⁴¹.

Этот орган временно должен был решать вопросы (военно–технического характера) организации воинских частей – до съезда представителей национальных воинских объединений края. МСС выступал как руководящий орган по формированию и снабжению национальных войск.

План эвакуации и национализации войск может дать некоторое представление о трудной ситуации, сложившейся в результате процессов, происходящих в тот же период среди войск на фронтах. Украинизировался 5–й Кавказский корпус, дислоцированный в Трапезундской области, 2–й Туркестанский корпус должен был дислоцироваться в Баку – на свои довоенные

³⁹ См. РГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 90, л. 15.

⁴⁰ См. «Мшак» («Труженик»), Тифлис, 1918, 4 января, № 1.

⁴¹ См. НАГ, ф. 1968, оп. 1, д. 1, лл. 3, 5, по: Назарян А., указ. соч., стр. 142.

позиции, 6-й корпус со своим штабом, с 5-й и 7-й кавказскими стрелковыми дивизиями, имуществом и канцелярией был отдан Мусульманскому корпусу, 1-й корпус полностью был передан Армянскому корпусу, 4-я кавказская стрелковая дивизия подвергалась огречиванию – в Карсской области⁴². *7-й отдельный корпус из района Урмия–Ван эвакуировался по маршруту Ереван–Гандзак–Баку на Северный Кавказ, по дороге сдав имущество сформированным в Ереванской губернии армянским и русским частям* (подчеркнуто мной – В. М.). Подразделения 1-го отдельного конного корпуса должны были быть переправлены с территории Ирана в Россию по маршруту Энзели–Баку–Петровск⁴³.

Совершенно четко было запланировано национализировать и укрепить 20 полков Кавказского военного округа. Здесь нас интересует дислоцированный в Гандзаке 219-й полк – он был переформирован в татарский полк⁴⁴. Продолжалось и формирование русского добровольческого корпуса. Основными его кадрами стали офицеры и солдаты, признающие большевистскую власть, интересы, всероссийской государственности. Русский корпус комплектовался также за счет проживающих в Закавказье русских и немцев. Развернувшиеся в крае с конца 1917 г. мусульманские волнения были направлены не только против армян, но и против других христианских народов – обстоятельство, толкнувшее русское и немецкое население обратиться в Межнациональный солдатский совет с просьбой дать им право сформировать 1-й Закавказский русско–германский полк⁴⁵. Он был сформирован и вошел в состав Русского корпуса.

Если агенты турецкого командования, развязав мусульманские беспорядки, пытались путем полного расформирования русских, а также тыловых и отступающих частей организовать новый широкомасштабный поход, то Комиссариат и краевая ре-

⁴² См. РГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, л. 68.

⁴³ См. РГВИА, ф. 2320, оп. 1, д. 216, л. 115.

⁴⁴ См. Там же, ф. 2100, оп. 1, д. 72, л. 160.

⁴⁵ См. НАГ, ф. 1968, сп. 1, д. 1, л. 3.

волюционная организация намеревалась предотвратить реализацию плана взятия власти, осуществляемой скоординированными действиями Бакинского совета и большевизированных частей.

Прикрываемые меньшевистским центром и этим словно обеспечивая законность, меньшинство краевого совета армии, действуя фактически большевистскими методами, захватил центральный аппарат совета и провозгласил себя Бакинским советом. Эти силы действовали смело, дерзко, потому что большевистские части еще до этого были выведены из Тифлиса. Приоритетной задачей нового совета стало разоружение русских частей. Хотя это и была победа в отношении большевизма, однако в рамках этой проблемы и в сложившейся ситуации это было отнюдь не в интересах армянского населения и национальных сил, поскольку конфискованное оружие и боеприпасы доставались мусульманским, а также грузинским частям. Разоружение осуществлялось при участии национальных полков, а это в условиях и без того напряженных межнациональных отношений, было явно провокационной политикой.

В эти дни в Баку был получен издаваемый в Тифлисе под редакцией Ст. Шаумяна «Вестник» (официальный печатный орган Совета народных комиссаров – *В. М.*), согласно которому с 1 января в Казахском уезде началось аграрное движение и распространилось по другим районам Гандзакской губернии⁴⁶. Нельзя игнорировать то серьезное обстоятельство, что в конце 1917 г. – начале 1918 г. в Елизаветпольской губернии, под влияние продекларированной той же самой советской властью Декрета о земле, в татарской среде начались массовые крестьянские движения, отмечались многочисленные погромы ханов, беков и их семей, а также факты конфискации земель⁴⁷.

И поскольку многие из крупных помещиков были также членами закавказского правительства – «социалисты» беки и ханы,

⁴⁶ См. «Арв» («Солнце»), Баку, 1918, 4 февраля, № 27.

⁴⁷ См. Ратгаузер Я., Революция и гражданская война в Баку, ч. I, 1917–1918 гг., Баку, 1927, с. 124–125.

то и разжигаемые насилия по отношению к уходящим русским частям и процесс создания национальных полков – все это в какой-то мере отвлекали крестьянство от выдвижения жизненно важных социально-экономических вопросов. А одной из целей было провозглашение азербайджанского ханства. Сколько бы Комиссариат и Тифлисский крайком ни скрывали реальное положение дел, особенно межнациональные столкновения и проявления откровенной антиармянской политики, все равно факты свидетельствовали о неоспоримом.

В реалии Первой мировой войны Елизаветпольская губерния по праву считалась центром пантюркизма в Закавказье. Оттуда и разошлись волны мусульманского движения. Вначале всю губернию охватила лихорадка вооружения, что началось еще с лета 1917 г. Уже на начальном этапе формирования национальных военчастей случались вооруженные столкновения между мусульманскими частями с одной стороны и русскими и армянскими – с другой. Вначале разбойные нападения, грабежи и насилие в Елизаветпольской губернии не носили откровенного национального характера, и углубляющиеся межнациональные отношения пока развивались в атмосфере взаимного недоверия и отчуждения. Особенно отличался Нухинский район, где антирусские и антиармянские насилия осенью 1917 г. переросли в погромы. В итоге только в декабре 1917 г. были разгромлены 11 армянских сел Нухи, а русское население полностью покинуло Северный Кавказ.

18 ноября 1917 г. в Елизаветполе впервые вспыхнули широкомасштабные беспорядки, которые в основном объяснялись решениями Тифлисского межнационального военного совета, согласно которым оружие и боеприпасы русских частей, расположенных на маршрутных станциях, должны были перейти в руки мусульманских частей⁴⁸.

27 ноября Комиссариат принимает решение национализировать вышеупомянутый 219-й резервный пехотный полк – тот

⁴⁸ См. НАА, ф. 121, оп. 1, д. 26, л. 21.

самый, действия которого позднее власти предъявили как главную причину елизаветпольских событий. 29 декабря на заседании Комиссариата А. Чхенкели сообщил, что мусульманские организации жалуются, что армянские военчасти заняли Карсскую крепость, что они откровенно недовольны этим фактом и будут бороться, чтобы армяне не укрепились в Карсе⁴⁹.

Истоки бакинских событий формировались и в Гандзаке (Елизаветполь).

Местные армянские военные отказались сдать татарам боеприпасы и имущество, конфискованные у переведенного из Атрпатакана 269-го «Асландузского полка». Волнения на железной дороге и этот инцидент довели армяно-татарскую напряженность в Гандзаке до кульминации. Относительно гандзакских событий очевидец А. Назарян считал, что «главной причиной следует считать то распоряжение Закавказского комиссариата, по которому разрешалось туркам разоружать русскую армию, чтобы вооружить мусульманские национальные полки. Этот приказ не только вложил в руки туркам в огромном количестве оружие и боеприпасы, среди которого были пушки и пулеметы, но и внушил несознательной турецкой толпе обманчивую мысль о том, что тем самым правительство страны дает санкцию на их образ действий и не против той цели, к которой стремится мусульманство Закавказья»⁵⁰.

В Баку это пока выражалось в большой тревоге армянских военных. Председатель местного Армянского национального совета А. Гюльханданян считал: «Мы были уверены, что скопление армянских военных могли стать большим злом для бакинского населения, особенно для татар. По этой причине Бакинский национальный совет на 36-ом заседании решил вновь обратиться к татарским руководителям и объяснить им, что большое количество армян, которое вернулось с Западного фронта с оружием и пребывает в грязи, голоде и бездействии, не может длительное время оставаться в бездействии, тем более

⁴⁹ См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 141, л.304.

⁵⁰ «Оризон» («Горизонт»), Тифлис, 21 марта, № 60.

что каждый день слышит вести с железной дороги о насилии в отношении армян. Понятно было, что такое скопление армянских солдат в Баку действительно внушало татарам большое опасение. Свой страх татары не скрывали и делились им с татарами, находящимися вне Баку»⁵¹. Но теперь в ужасе были гандзакские армяне. Стало уже печальной традицией, что при каждом произошедшем здесь инциденте они устремляли взор в Баку, осознавая, что уязвимое место татар – это Баку, и только организованными действиями бакинских армян можно обуздать гандзакских татар. А татары придерживались обратной тактики: направляли угрозу безопасности армян Гандзака и Еревана против Баку.

Вначале мусульманской интеллигенции удавалось предотвратить и локализовать большую катастрофу в Елизаветполе, однако в дальнейшем, когда всё приняло характер последовательных и координированных действий, противостоять волне насилий стало уже невозможно. «Банды разбойников разграбили соседние с Елизаветполем населенные пункты, – писала газета «Каспий», – все станции от Елизаветполя до Евлаха разграблены. В Елизаветполе разгромлены казармы, продуктовые магазины, склады. «Дикая дивизия», находящаяся в Елизаветполе, не предприняла никаких действий для предотвращения грабежа и разбоя»⁵². 19 декабря из Гандзака сообщили по телефону в Тифлис: В 13:00 станцию окружила 10–тысячная армия турок, 7–ю железнодорожную роту разогнали, есть много убитых и раненых солдат, железнодорожных служащих, разграблен продовольственный склад. Железнодорожные пути между Гандзаком и Шамхором разобраны. Все ценные товары 22–го поезда захвачены, магазины и частные квартиры ограблены и теперь сжигаются – создавая угрозу для государственных зданий.

⁵¹ См. Гюльханданян А., указ. соч., с. 88.

⁵² См. Беленький С. и Манвелов А., Революция 1917 г. в Азербайджане (Хроника событий), Баку, 1927, с. 234.

На следующий день на совместном совещании Исполкома совета р. и с. депутатов Баку и Военно–революционного комитета обсуждались события в Елизаветполе. Хотя из Тифлиса сообщали, что это все – разбойные нападения с целью грабежа, однако совещание отметило межнациональный характер столкновений⁵³. В свою очередь Бакинский военно–революционный комитет, услышав сообщение центра – об организации защиты до железнодорожной станции Елизаветполь, а также сообщения солдат о событиях 19 декабря, принял решение усилить оборону железнодорожной станции Баладжар, выдать оружие военно–народному сторожевому отряду, а также организовать депутатский поезд, состоящий из представителей партий, национальных организаций, который при сопровождении вооруженного отряда будет контролировать дорогу Баку–Елизаветполь. 21 декабря в Баку была сформирована Красная гвардия, переформирована милиция, усилен гарнизон, и причиной всему этому стали елизаветпольские столкновения⁵⁴.

22 декабря на заседании Закавказского комиссариата Е. Гегчори предлагает организовать особую делегацию Комиссариата, в состав которой, помимо татаро–мусульманских членов, включить «нейтральное» лицо.

В качестве нейтрального представителя решили утвердить А. Чхенкели⁵⁵. Это не соответствовало занимаемой им должности, хотя этим шагом еще раз подчеркивался уголовный характер событий, а не опасная межнациональная суть столкновений. И отнюдь не случайно было, что через несколько дней на посту военно–морского комиссара Д. Донского сменил грузин В. Гобечия. Таким способом мусульманско–татарская – бековская элита, а также чиновники–татары Комиссариата пытались осуществить, в первую очередь ослабление и уничтожение армянского элемента, а также активизирующееся грузино–татарское сотрудничество против советской власти Баку.

⁵³ См. там же, с. 235.

⁵⁴ См. там же, с. 236–237.

⁵⁵ НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 141, л. 292.

Примечательно, что планомерное затягивание Временным правительством процесса, когда наряду с армянскими и грузинскими национальными частями не поощрялось создание мусульманских полков, стало ясно только после большевистского переворота – несмотря на то, что основной мишенью мусульманских национальных подразделений был именно большевистский Баку и отступающие большевизированные части Кавказской армии.

В Елизаветполе делегация встретила командиром татарской «дикий дивизии», грузинским князем, полковником Леваном Магаловым и другими представителями мусульман, которые провели совместное собрание. Л. Магалов заявил, что если бы «мусульмане были уверены в мирном прохождении армии, то дали бы им продолжать путь вооруженными»⁵⁶. Аслан-бек Сафикюрдский был более искренним в своих высказываниях. Он напоминал присутствующим, что в течение всей войны русская армия насмеялась над мусульманами, «очень часто стреляя по мусульманским папахам»⁵⁷. Резню и захват оружия татарские руководители обосновывали следующим образом: поскольку мусульманам дали право иметь свою армию – Мусульманский корпус, стало быть, у них тоже должно быть оружие. «Мусульмане не виноваты, – говорил тогда А.–б. Сафикюрдский, – что вынуждены добывать оружие путем насилия, потому что Комиссариат не выполняет своих обязанностей. В то время как наши младшие братья – армяне и грузины, вооружены, у их старшего брата – закавказского мусульманства, оружия нет»⁵⁸. Традиционный, проверенный временем турецкий шантаж – в лице А.–б. Сафикюрдского, в данном случае полностью раскрывает прямое соучастие Закавказского комиссариата и, что намного важнее, двуличную и очень опасную политику. Последний надменно утверждал, что татары имеют полное право разоружать эшелоны, поскольку у них есть

⁵⁶ НАА, ф. 121, оп. 1, д. 28, л. 9.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

телеграмма краевого центра за подписью Н. Жордании, который «предлагал воспользоваться проходящими эшелонами и отбирать оружие, чтобы вооружить Мусульманский корпус»⁵⁹.

Газета «Кавказское Слово» писала: «Достоверные источники сообщили нам, что решение разоружить эшелоны принято краевым центром, которое комиссар по линии Военно-морского министерства В. Гобечия поручил привести в действие».

29 декабря Комиссариат заслушал доклад наделенного чрезвычайными полномочиями А. Чхенкели о елизаветпольских событиях. Причиной и началом «беспорядков» он считал разоружение 219-го резервного полка. Выяснилось, что это разоружение действительно было совершено по полученным из Тифлиса «противоречивым приказам», когда неизвестно почему это разоружение стали осуществлять ворвавшиеся на станцию вооруженные татарские отряды. Как и ожидалось, А. Чхенкели в очередной раз отрицал национальную подоплеку событий, несмотря на совершенно очевидную пока антирусскую направленность варварства. «Нейтральный» председатель А. Чхенкели выразил негодование по поводу того, что «в отношении татар несколько раз был учинен самосуд», и это в том случае, когда в деревнях уничтожалось русское население. Он пришел также к заключению, что в этих событиях делегация не заметила системности и что главная причина – месть по отношению к «совершающим варварства эшелонам»⁶⁰. Весь вопрос был в том, что гнев и даже анархические выступления отступающих солдат были ответом на пока неявные действия грузинских и татарских комиссаров Комиссариата, которые достигли кульминации в связи с шамхорскими событиями.

Известный генерал А. Кулебякин же добавил, что партия «Мусават» на своих политических знаменах пишет социалистические лозунги постольку, поскольку они могут способствовать тому, чтобы все достижения революции (Февральской – В. М.) среди других национальностей стали применимы и для

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 141, л. 292.

мусульман: «Мусават» последовательно и целенаправленно старалась отделить мусульман от христиан. Особенно после шамхорских событий, когда 30 января турки, нарушив перемирие, возобновили атаку, татары перестали скрывать прежнюю осторожную тактику и сконцентрировали силы для достижения одной цели – вооружить всех закавказских мусульман и объявить борьбу против христиан⁶¹.

Для политической борьбы, а в случае армян – для защиты родины, нужно было оружие. Каждая национальная политическая сила тянула воз в свою сторону, преследуя собственную выгоду. Мусульманам–татарам выгодно было разоружать русских солдат в эпицентре крестьянских беспорядков под Гандзаком для подавления стихийных выступлений против беков, для борьбы против советской власти и армянского населения в Баку; грузинским меньшевикам это же самое оружие было необходимо, в основном чтобы оградить Тифлис от реальной перспективы советизации; а партия «Дашнакцутюн», отдавая преимущество непосредственной, видимой стороне сложившейся ситуации, для защиты фронта считала целесообразным конфисковать оружие и вооружить им армянские воинские части и в этом оправданном вопросе противостояла большевизму Ст. Шаумяна. Что же касается русских солдат, то они просто спешили домой – в уже большевистскую Россию. Отделение России, признание новой власти, фактически антирусские действия Комиссариата, резня в Елизаветполе и Шамхоре – все это встречало симметричную реакцию, что и пытался использовать Ст. Шаумян и при поддержке большевистских частей свергнуть власть грузино–меньшевистского Комиссариата.

Межнациональный солдатский совет, в полномочия которого входила задача организации и снабжения военчастей, послал в Елизаветполь бронепоезд – с целью конфисковать оружие возвращавшихся с фронта солдат и передать его грузинскому корпусу. Но поскольку солдаты отказались отдавать оружие,

⁶¹ «Оризон», 1918, 24 января, № 16.

грузинский командир партизанского отряда бронепоезда, комиссар штаба Абхазова, ссылаясь на содержание известной телеграммы из Тифлиса, обратился к мусульманскому полку и мусульманскому населению – в надежде на их поддержку. Это стало знаком к нападению на эшелон. Словно насмешка судьбы – этот грузинский командир был убит одним из первых, когда с опозданием попытался предотвратить нападение⁶².

8–12 января 1918 г. под Елизаветполем и Шамхором состоялась чудовищная резня, жертвой которой стали около 2000 безоружных русских солдат. Было захвачено 15 000 винтовок, 20 пушек и 70 пулеметов. Оставшиеся в живых солдаты сбежали в Баку. Нападения имели место также на станциях Акстафа́, Долла́р, Джульфа́, Евла́х, Хачма́с, Алабашлы́ и др. Непосредственными руководителями истреблений были члены Мусульманского национального комитета А. Зиятханов, А.–б. Сафикюрдский, князь Л. Магалов, М.–б. Рустамбеков (заместитель комиссара по делам министерства государственного контроля Х.–б. Хас–Мамедова), и др. Х.–б. Рафибеков, Н.–б. Усухегов, А.–б. Хас–Мамедов (брат комиссара – В. М.), полковник Эфендиев, ротмистр Улубиев были также активными участниками армянских погромов 1905–1907 гг.⁶³.

Новый свет на елизаветпольские и шамхорские события проливает, раскрывая некоторые существенные детали, заседание Комиссариата 14 января⁶⁴. Закавказское правительство заслушало доклад летчика, поручика Тер–Мартirosяна, который по поручению Комиссариата совершил облет территории Елизаветполя и округа и теперь представлял непосредственно свои впечатления и замечания.

Тер–Мартirosян описывал, что возле Акстафы стояли 3 эшелона, а населенные пункты, расположенные вдоль всего железнодорожного пути до станции Шамхор, были объаты пламе-

⁶² См. НАА, ф. 121, сп. 1, д. 26, л. 21.

⁶³ См. Шаумян Ст., там же, с. 113–114, а также «Оризон», 1918, 22 января, № 15.

⁶⁴ См. НАГ, ф. 1818, сп. 2, д. 12, лл. 30–32.

нем, на всех станциях виднелись обломки искореженных вагонов⁶⁵. Он утверждал также, что в аэроплан стреляли, поэтому он вынужден был пойти на посадку не в мусульманской части Елизаветполя, как было запланировано, а на берегу реки Ганджинка. От прапорщика отряда убитого штабс-ротмистра Абхазавы он узнал, что как комиссар Малхазов, так и полковник татарского полка Л. Магалов получили приказы Межнационального комитета о разоружении эшелонов. Отсюда становится также ясно, что армянским национальным подразделениям таких приказов не давали.

Мы вернемся к заседанию Комиссариата 14 января, а пока обратимся к проблеме бакинской делегации.

Бакинский печатный орган партии АРФД, газета «Арев» («Солнце») публикациями в двух номерах подряд пыталась объяснить миссию этой депутации с более нейтральных позиций. Оказалось, что эта депутация намеревалась посетить не только Гандзак, но и Тифлис, что входило в далеко идущие планы Ст. Шаумяна⁶⁶. Группа проводила встречи и собрания с татарским населением на разрушенных станциях в Гаджи-Кабуле, Кюрдамире, Евлахе, Зазале, пытаясь выяснить нужды провинции, объяснить важность железной дороги. Председатель Мусульманского национального совета Н.-б. Усуббеков в свою очередь отмечал, что Армянский национальный совет отверг решение о разоружении эшелонов и что из 12 тысяч ружей ни одно не попало в руки татарского комитета – якобы их полностью растащила толпа, которую «сейчас и сам комитет не может обуздать». «Между Шамхором и Долларом эти силы напали на солдат и устроили кровавую баню», – свидетельствовал татарский лидер⁶⁷. Тифлисская депутация встретилась с членами Закавказского комиссариата. По свидетельству «Арев», прежде всего выяснилось, что «Комиссариат в полном составе все еще существует и что он не принимал участия и не давал приказа

⁶⁵ Там же, л. 30.

⁶⁶ См. «Арев», 1918, 30 января, № 22.

⁶⁷ Там же.

разоружить эшелоны в Гандзаке»⁶⁸. Вечером 2 января заседание краевого центра обсудило и елизаветпольские события, заслушало «легкомысленный доклад» В. Гобечии. Причина такой оценки была в том, что после всего этого военно-морской комиссар считал причиной политики грузинского меньшевизма то, что «один солдат навел пушку, и выпущенный снаряд разорвал бронепоезд: эта случайность и стала причиной кровопролития»⁶⁹.

О тотальной тревоге и опасности, угрожающей власти, свидетельствовало решение Комиссариата от 31 января, согласно которому председателю Е. Гегечкори давались полномочия контролировать все вооруженные силы в Тифлисе, Закавказье, а также во всем крае – фактически диктаторские полномочия⁷⁰.

И еще один частный случай говорит о том, что правительство Тифлиса с ужасом ожидало эшелоны, поскольку личный состав, кроме склонности к большевикам, уже переполнилось чувством мести к властям. 31 января председатель Тифлисской городской думы А. Ломтатидзе пошел навстречу подъезжающим к городу эшелонам – на 300 верст, намереваясь побеседовать с солдатами. На митинге он делает взаимовыгодное предложение, а именно: городская власть решит вопрос размещения и продовольствия, а взамен попросил соблюдать в городе революционный порядок и мирное отношение к горожанам. Солдатский комитет заявил А. Ломтатидзе, что «солдаты ничего не имеют против мирных жителей, но считают необходимым свергнуть власть Закавказского комиссариата»⁷¹.

Освещая елизаветпольские события, как нам кажется, следует учитывать удручающее социально-экономическое положение в губернии, которое в условиях большевистского переворота и углубления безвластия подняло на ноги мусульманское

⁶⁸ См. там же, 31 января, № 23.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См. Кавказское Слово, Тифлис, 1918, 2 февраля, № 26.

⁷¹ См. там же.

население одновременно против русских и идентифицируемых с ними солдат–большевиков.

За 4–6 января 1918 г. вооруженные крестьяне из десятков татаронаселенных сел Казахского района Елизаветпольской губернии, учинили расправу над почти 30 помещиками 4-го участка – в частности, с Зюльгадаровыми, Карабековыми, Шамхорскими и т.д. В сообщении елизаветпольского комиссара от 21 января говорилось, что из семьи Карабековых убит 21 человек. В расправе с Зюльгадаровыми участвовало 500 вооруженных крестьян. «Поднялось аграрное движение, в панике сообщал Закавказскому комиссариату помещик из Тауза Искендербеков, вырезали семьи Зюльгадаровых, Карабековых, остальные окружены, просят помощи»⁷². «Во время событий 9–12 января, – писал очевидец Ст. Шаумян, – все армянское население Елизаветполя, все армянское крестьянство Шуши, Казаха и других уездов жили в кошмаре ожидания погромов. 10 января в Елизаветполе мусульмане выдали 13 трупов убитых армян. 12-го числа опять были нападения на армян, вследствие чего было несколько десятков убитых»⁷³. Агрессивное поведение мусульман вынудило часть армянского населения (не армии – *В. М.*) втянуться в эти столкновения. В результате военных действий, руководимых большевиками, мусульмане насчитали 3000 жертв, армяне – 1200. По свидетельству нейтральной стороны, сознательные армяне, избегая превращения столкновений в межнациональные погромы, всячески пытались предотвратить катастрофу.

С середины декабря 1917 г. волна мусульманских волнений и разбойных нападений докатилась до Ахалциха – еще одного важного железнодорожного узла и района совместного проживания армян и татар⁷⁴.

⁷² См. Искендеров М. С., Из истории борьбы коммунистической партии Азербайджана за победу советской власти, Баку, 1958, стр. 184–186.

⁷³ См. Шаумян Ст., там же, с. 116–117.

⁷⁴ См. «Шаржум» («Движение»), Ахалцих, 1918, 18 февраля, № 13.

К событиям на крупных узлах Закавказской железной дороги – Елизаветполя, Шамхора, обратились партии.

26 февраля 1918 г. армянский и татарский национальные советы Баку сформировали совместную примирительную комиссию. Армянскую сторону представляли М. Шатирян (сочувствующий дашнакам), Г. Тер–Микаелян (Армянская народная партия – АНП), А. Манандян (выдающийся историк Акоп Манандян – В. М.), Г. Мелик–Шахназарян, Г. Евангулян (беспартийный), Сафаралибеков⁷⁵. В Баку прибыли также представители Сейма – А. Саакян, Х. Амаспюр, Г.–б. Шахтагинский, М. Сеидов и Г. Махарадзе (председатель)⁷⁶. Следует отметить, что беспрецедентная уступка татарской стороны вновь объяснялась скоплениями армянских военных в Баку.

Комиссия имела целью предотвратить углубление разногласий в Гандзаке и создать возможность для сконцентрировавшихся в Баку армянских солдат двинуться в Тифлис. Комиссия покинула Баку 1 (13) марта⁷⁷. Армянский национальный совет дал указание своим представителям: а) урегулировать отношения с условием, что армянские солдаты не будут разоружены ни при каких обстоятельствах, б) открыть железнодорожное движение⁷⁸, что способствовало бы плану Ростом, Ст. Шаумяна и генерала А. Багратуни направить армянские части из Тифлиса в Западную Армению. После обсуждений армянские делегаты решили: а) считать требование татар справедливым и передать им имущество 269–го полка, б) однако иметь в виду, что после этого решения татары 1) отказались защищать границы 1914 г. в случае нападения Турции, 2) мешают армянам реализовать это – закрывая пути коммуникации, 3) лихорадочно вооружаются, чтобы содействовать турецкому вторжению на Кавказ, 4)

⁷⁵ См. Мелик–Елчян., Героическая оборона Баку, “Айреник” (Родина), Бостон, 1925, № 7, май, стр. 116 (на арм. яз.).

⁷⁶ Г. Махарадзе был тогда начальником Тифлисского оружейного склада (Арсенала).

⁷⁷ По свидетельству М. Шатиряна, делегация выехала из Баку 2 марта, а до Гандзака досхала 4 марта.

⁷⁸ См. Гюльханданян А., указ. соч., с. 90.

препятствуют армянам получить полагающиеся им боеприпасы – согласно решению Центрального солдатского совета (вопрос получения боеприпасов Сальянского полка Баку), 5) татары в военном положении с армянами, поэтому армянская сторона вправе не передавать «туркам» оружие и боеприпасы 269-го полка.

Армянская делегация принимает решение отдать татарам военное имущество стоимостью 3,5 млн рублей (золотом), а 2800 ружей оставить у армян⁷⁹. Следует отметить, что армянское население Гандзака встретило это решение с возмущением и настаивало: при максимальном количестве жертв – не уступить. 7 марта на заседании комитета АРФД из 28 присутствующих 21 человек проголосовал за эти предложения, 9 марта представив их татарской делегации. По мнению М. Шатирияна, у армянства Гандзака и даже сознательных членов партии сложились опасные и антиобщественные представления, следствием которых «как правило, бывает безвластие».

По его мнению, неожиданное появление большого количества оружия в руках армян породило хаос в настроениях, что, по свидетельству очевидца, было пресечено двумя хмбапетами. Первый был западноармянский деятель по прозвищу «Бари луйс» («Доброе утро»), у которого было 22 солдата. Другой – Оганнес Карабахский с 160 карабахскими всадниками⁸⁰. После переговоров 9 марта был заключен мир, и даже подписан договор: оружие и боеприпасы оставить армянам, а имущество невоенного значения отдать татарам. Взамен татары, при посредничестве делегации Сейма, из арсенала Тифлиса должны были получить 500 ружей⁸¹.

Несмотря на то, что в Гандзаке межнациональные отношения на какое-то время успокоились, однако железная дорога не была открыта, как и не было восстановлено сообщение. В ар-

⁷⁹ См. Шатириян М., Отрывки из недавнего прошлого, Айреник (Родина), Бостон, 1923, № 7 мая, с. 118 (на арм. яз.).

⁸⁰ См. Шатириян М., указ. соч., с. 20.

⁸¹ См. Мелик-Ёлчян., указ. соч., с. 116.

мянский проект договора добавили пункты, касающиеся дорог Ереванской губернии и Карсской области, а также депортации турецких сел⁸². Взамен татары представили Армянскому национальному совету предложения, согласно которым армянские солдаты должны были покинуть Гандзак в закрытых вагонах и в сопровождении мусульманского патруля. Под этой показной заботой скрывалась ненависть к армянам и некоторая издевка, а также, почему нет, перспектива резни наподобие шамхорской. Одно из предложений татар было следующее: *«Вы как более организованная и цивилизованная нация, обязаны помочь нам, чтобы наш народ также политически организовался и оставил свои разбойничьи повадки»*⁸³ (выделено мной – В. М.). Понятно было, что татарские руководители Баку уже получили из Гандзака директиву – не открывать дорогу и не позволять бакинским солдатам–армянам попасть в Ереван и на Кавказский фронт. Армянскому солдатскому совету Баку оставалось только отправить телеграмму в президиум Сейма, представителям всех партий, Комиссариату – армянскому, грузинскому, русскому национальным советам, с описанием ситуации в Баку и армянских погромов в Шамхоре, Гёкче, Нухи, Ареше и других районах⁸⁴. Понятно, что все это не дало положительного результата. 14 марта делегация вернулась в Баку, взяв с собой около 300 армянских женщин и детей⁸⁵.

«С большим трудом нам удалось предотвратить кровопролитие в Гандзаке, – писал Мартин Шатирян, – и кто из нас мог предугадать, что всего через неделю, 18 числа, должны начаться чудовищные столкновения в Баку»⁸⁶.

Считаем совершенно обоснованной позицию эсеров, когда шамхорские события рассматривались как «политический ме-

⁸² Там же, с. 123.

⁸³ Там же, с. 115.

⁸⁴ См. Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях, 1918–1920 гг., Сборник документов, Ереван, 2000, стр. 18, (на арм. яз.).

⁸⁵ См. Шатирян М., указ. соч., с. 123.

⁸⁶ Там же.

тод, направленный против Кавказской армии»⁸⁷. Кроме того, что выводы опираются на двухмесячный анализ последовательной антирусской политики, проводимой Комиссариатом и большинством грузинских меньшевиков краевого центра, прорусская эсеровская позиция обоснована преимущественно тем, что организованная резня была направлена против русских – теперь уже большевистских частей. Фактически в этом радикальном вопросе позиции эсеров и большевиков Кавказа, в частности, Ст. Шаумяна, совпадают и взаимодополняют друг друга. И эсеры связывали шамхорские события с вопросом власти в крае, конкретнее – с ультиматумом, выдвинутым Закомиссариату большевистским военно–революционным комитетом Сарикамыша. Известно, что план свержения Комиссариата и советизации Закавказья защищал именно Степан Шаумян. В то же время кавказские эсеры забывали (или игнорировали), что их однопартийцы Д. Донской, В. Гобечия⁸⁸ вели с меньшевиками если не инициативную, то подготовленную совместную работу по разоружению.

На заседании 22 декабря Закавказский комиссариат поручил комиссару по военно–морскому министерству в самое короткое время восстановить движение эшелонов и обеспечить татарские части боеприпасами. Утвердили также проект формирования татарского корпуса, который был представлен татарским центральным национальным солдатским советом⁸⁹.

Подводя итоги, делаем вывод: мусульманские крестьянские беспорядки Елизаветполя, а также преступления, совершенные у железнодорожных узлов от Баку до Тифлиса, это только составляющие более обширной и всеобъемлющей проблемы – краевой власти.

А оружие и боеприпасы русских частей, покидающих Кавказский фронт, нужны были Закавказскому комиссариату и

⁸⁷ См. «Ашхатавор» («Трудящийся»), Тифлис, 1918, 2 февраля, № 14.

⁸⁸ Комиссары по линии военно–морского министерства Закавказского комиссариата.

⁸⁹ См. «Оризон», 1917, 24 декабря, № 271.

краевому эсеро–меньшевистскому антибольшевистскому центру Совета с. и р. депутатов прежде всего для борьбы с советской властью в Баку. Хотя грузинский меньшевизм и Н. Жордания объясняли разоружение частей исходя из соображений противостояния турецкому нашествию, которое ожидалось к весне, и в связи с этим – вооружения национальных частей, тем не менее приоритетным оставался вопрос сохранения власти Комиссариатом, а вместе с этим и борьба с большевизмом. Забегая вперед скажем, что весной 1918 г. грузинская армия почти не оказала сопротивления турецкому нашествию, а армянские части, которые не расстреливали русских солдат под Шамхором и не грабили оружие, в одиночку держали оборону фронта.

Елизаветполь и Шамхор фактически стали одними из дичайших проявлений начавшейся с ноября 1917 г. напряженной (пока еще демократической) борьбы за власть, когда борьба за оружие переросла в открытую политическую и межнациональную конфронтацию. Было положено начало процессу, который завершился лишь в сентябре 1918 г. – после взятия турками Баку. Это после шамхорской резни Ст. Шаумян тайно перебрался в Тифлис и впервые попытался при содействии дашнакских подразделений совместно осуществить свой план – свержение Комиссариата.

Тифлисский комитет РСДРП(б) 10 февраля 1918 г. в связи с похоронами убитых в Александровском саду выступил с призывом. Для нас важно то, что, наряду с критикой политики Закавказского комиссариата, в призыве подчеркивалось, что «на совести этого правительства – кровь убитых солдат в Шамхоре, Хачмасае, Сандаре»⁹⁰.

Г. Хачапуридзе отмечает: «По непосредственному приказу Н. Жордания и Н. Рамишвили между Гянджой и Тифлисом, близ станции Шамхор, во время одного из таких разоружений произошел чудовищный расстрел пробольшевистских русских солдат – беспрецедентный по своей жестокости. Большевики,

⁹⁰ См. Хачапуридзе Г. В., Борьба за пролетарскую революцию в Грузии, Очерки, 1917–1921, Тбилиси, 1936, с. 398–399.

которые кровопролитием проводили солдат, поднялись на новый уровень предательства»⁹¹.

Достоин внимания тот подход, что грузин по происхождению, коммунист по убеждениям – Г. Хачапуридзе адресует свои обвинения именно грузинским националистам, меньшевистским руководителям и ни слова не говорит о дашнакских деятелях в составе Комиссариата, не ставит между ними знака равенства.

Развитие событий неопровержимо доказывает, что главными соучастниками кровавых событий Елизаветполя и Шамхора являются лидеры грузинского меньшевизма и мусульманский национальный комитет, иными словами – грузино–мусульманское дворянско–ханское большинство. Этот якобы «оправданный», но преступный акт осуществляли не «разбойники», а огромные вооруженные толпы мусульманского населения, которыми руководил национальный мусульманский комитет и которые были уверены, что все это происходит по приказу закавказских властей.

В резолюции «О межнациональных отношениях на Кавказе», принятой в октябре 1915 г. на состоявшемся в Баку совещании кавказских организаций РСДРП(б), отмечалось: «Грузинская и мусульманская аристократии, которые свыклись с ролью первых лакеев русской власти на Кавказе, не могли смириться с преобладающим влиянием армянской буржуазии на царского наместника, а посему, заключив союз, стремились дискредитировать армян... они пытались вовлечь в свою классовую конкуренцию народные массы и разжечь в мусульманском и грузинском народах злобу и ненависть против всего армянского народа»⁹².

Считаем важным то обстоятельство, что на совещании председательствовал Ст. Шаумян, который в вопросе катастрофических последствий организации армянского добровольческого движения против Турции подвергал нещадной критике также

⁹¹ Там же, с. 91.

⁹² См. Хачапуридзе Г. В., указ. соч., с. 34, 375.

армянскую буржуазию и дашнаков, но в то же время сумел добиться принятия такой проармянской резолюции. Более того, еще в 1936 г. этот фрагмент в своей монографии цитировал Г. Хачапуридзе, объективная оценка которого в вопросе грузино–татарской антиармянской коалиции достигла кульминации в течение 1917–1918 гг.

Кстати, в первой республике Грузия был распространен еще один подход.

В 1920 г. в Тифлисе выходит в свет «Красная книга» Петра Гелешвили под псевдонимом Гариби – попытка критики известной «Красной книги» Григора Чалхушяна. В наши дни можно ее даже переиздать – как своеобразную «классическую» хрестоматию фальсификации армянской истории. С.–д. меньшевик П. Гелешвили не только все искажает и клеветает на армянский народ, на его национально–политические силы, в частности – на партию «Дашнакцутюн», но и проявляет феноменально яркую палитру политической безграмотности, которую сегодня целесообразнее было бы преподнести именно грузинскому читателю.

Мимоходом, поверхностно, в двух–трех абзацах коснувшись событиям в Шамхоре, исказив даже общественные и политические настроения, преобладающие в 1917–1918 гг., он делает вывод, что все это было делом рук большевиков и русских солдат. «Покинув боевые позиции, с оружием в руках солдат, потеряв голову, грабил и уничтожал все на своем пути – укрепления, железнодорожные пути», – писал он⁹³.

А на вопрос «как укротить эту бушующую стихию и направить ее в определенное русло, как обезоружить ее и спасти край от краха»⁹⁴, он не отвечает, фактически молча оправдывая варварство своих партийных лидеров и мусаватистов. В этом смысле вполне уместен вопрос Ст. Шаумяна: «Что это за «насильственное» разоружение было, почему оно случилось и почему для

⁹³ См. Кариби, Красная книга, Тифлис, 1920, с. 124.

⁹⁴ См. там же, с. 125.

«насильственного» разоружения из Тбилиси ехал бронепоезд?»⁹⁵

Сегодня мы можем ответить Ст. Шаумяну: чтобы руками и при содействии татаро–мусульман было выполнено то тяжелейшее дело, которое грузины не могли осуществить, а именно: держать подальше от Тифлиса и свернуть путь отступления частей большевизированных частей Кавказской армии и не дать свергнуть Комиссариат, и, наконец – удержать достигнутую гегемонию в крае. И если Ст. Шаумян выражал сомнение в отношении «Дашнакцутюн», чьи комиссары были членами той же власти, то для нас хотя бы понятно то обстоятельство, что в составе сплоченного правительства, называемого социалистическим, армянская национально–демократическая партия, во всяком случае ее руководящее большинство, на волне неприкрытой антибольшевистской нетерпимости, объективно содействовала грузино–мусульманской группировке, значительно ослабляя защиту национального интереса.

*б) Фактор большевистского центра
и большевизированных войсковых частей Сарикамыша*

С конца 1917 г. центром борьбы с властью Комиссариата стал Сарикамыш, где за счет частей, возвращавшихся с Кавказского фронта в тыл, концентрировалось и угрожающе росло количество большевизированных войск.

В требованиях сарикамышских солдат выделялся один пункт, согласно которому до окончательного укрепления власти роспуск армии считался неприемлемым. Проармянская направленность этой резолюции состояла в том, что таким образом становилось возможным удержать в Закавказье хоть небольшую часть большевизированной армии с целью: во–первых, не допустить полного оголения фронта, противостоять турецким набегам; и во–вторых – борьбы с Комиссариатом. Кроме Сарикамыша, против Закавказского правительства высказывались так-

⁹⁵ Шаумян Ст., ПСС, т. 4, с. 111.

же солдаты из Александрополя, Карса, Кахзвана и др. районов. Накануне и во время тифлисских событий, в Эрзеруме также была предотвращена победа большевиков. 19 ноября состоялось экстренное заседание представителей гарнизонных частей, партий и армейского комитета, на котором было принято антибольшевистское решение: вооруженное выступление совещание посчитало непозволительным⁹⁶.

В плане соотношения сил более благоприятной ситуации в пользу большевиков от Эрзерума трудно было и предположить, однако не имея указаний – опять же из центра, относительно решительных действий, местные большевики заколебались, проявили нерешительность по сравнению в Петрограде, тем более что в итоге через несколько дней фактическими хозяевами положения в Тифлисе стали меньшевики.

На линии фронта подобную «нерешительность можно объяснить тем, что хотя и в условиях тотальной большевизации, тем не менее налицо был фактор общегосударственного интереса (в данном случае – сохранения Кавказской армии, захватившей огромные территории) и защиты фронта. Во всяком случае, для высокого российского руководства это пока было понятной, приоритетной и ближайшей задачей – превосходящей по значению вопрос взятия власти в крае. Иными словами, фронтовой фактор имел воздействие даже на солдатские массы, обеспечивая хоть какую-то дисциплину.

Орган радикально-демократической крестьянской партии Грузии, газета «Чвени Республика» («Наша республика») отмечала, что «Грузия окружена мусульманскими странами, такими, как Иран, Турция, Крым, территориями чеченцев, черкесов и лезгин», и исходя из этого делала вывод: «Грузия должна отказаться от российской ориентации и установить крепкую связь с мусульманами Кавказа и своими соседями. *Нынешние мусульмане отличаются от прежних, поскольку время смягчило их нравы*» (выделено мной – В. М.)⁹⁷.

⁹⁶ См. РГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 485, л. 112.

⁹⁷ Там же.

Отделив татар–мусульман Кавказа, эта грузинская партия тоже выдвигала цель союзничества с кавказскими мусульманами: во–первых, отделиться от России, поскольку «рука Грузии не так длинна, чтобы поверх этих стран дотянуться до русских»⁹⁸, во–вторых, вместе с татарами выступить против армян, «соседей» (имея в виду армян, но не называя их). У Ст. Шаумяна вызывало серьезнейшую тревогу то обстоятельство, что сформированный из революционно–социалистических партий Комиссариат «кичился тем, что является «советской» властью»⁹⁹. Он имел в виду фактор большинства эсеров и меньшевиков в парламенте, который в резолюциях, принятых на съездах совета армейских, а также краевых рабочих депутатов, в корне изменился – в пользу эсеров и большевиков. Партийная позиция Ст. Шаумяна была предельно однозначной: «Комиссариат был бы уместен, если б его признал Совет народных комиссаров»¹⁰⁰. Такая уверенность исходила из влияния левых эсеров и большевиков на съезде. По вопросу текущей политической ситуации была принята их резолюция, которая отвергала власть Комиссариата и признавала власть Совнаркома. 21 декабря, принятием этой резолюции, фактически съезд провозгласил в крае советскую власть. Был избран новый краевой совет, состоящий из 100 человек – во главе с большевиком, армянином Корганяном (Корганов). О мирной, но бескомпромиссной борьбе за власть свидетельствует соотношение голосов: Совет представляли 52 представителя большевиков и левых эсеров и 48 – антибольшевиков. 28 декабря Армейский совет избрал Исполнительный орган – Военно–революционный комитет, опять же во главе с Корганяном. А чтобы иметь политическую опору, ВРК должен был работать в Баку¹⁰¹. Между тем известно, что Комиссариат предпринял превентивные

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ См. Шаумян Ст., ПСС, т. 4, с. 70.

¹⁰⁰ См. «Оризон», 1917, декабрь, № 271.

¹⁰¹ См. Церцвадзе М. В., Революционное движение в Грузии в 1914–1917 гг., часть 2–ая (1917 г.), Тбилиси, 1960, стр. 297.

действия – в частности, в Тифлисе. Как сейчас, так и в январе–феврале 1918 г., особенно в период активизации частей в Сарикамыше, грузинских меньшевиков заметно беспокоило присутствие в Тифлисе Степана Шаумяна. Когда на съезде обсуждался вопрос ситуации на Северном Кавказе, и по предложению большевиков, было решено направить туда делегацию, наделенную чрезвычайными полномочиями, примечательно, что меньшевики и эсеры настояли, чтобы эту делегацию возглавил Ст. Шаумян. Этим они пытались избавиться от авторитетного большевистского руководителя и на Северном Кавказе действительно поставить его жизнь под угрозу. Угадав махинацию Е. Гегечкори, съезд отклонил это предложение¹⁰².

По предложению большевиков, решено было отправить также телеграмму Баксовету – выявить и конфисковать 7 вагонов с оружием и боеприпасами, которые Комиссариат отправлял на Северный Кавказ. Этот факт также свидетельствует о том, что в Закавказье борьба за власть приобретала острейший и открытый характер, достигая своего апогея, а также о том, что в результате известных событий на Кавказской железной дороге оружие и боеприпасы, «выделенные» для обороны Кавказского фронта и тем самым – Западной Армении, должно было быть направлено на борьбу с большевизмом.

Вокруг этой проблемы и сталкивались интересы армянства, нарастало главное противоречие – то, что хотя присутствие в крае и Западной Армении большевизированных военчастей было направлено против демократической власти Комиссариата, не признающего Совнарком, однако именно в контексте борьбы за власть, это присутствие исходило из интересов армянского народа. И так, с целью осуществления поставленных перед ним задач, ВРК создает на отдельных частях фронта местные филиалы: 1. Восточно–персидский район с центром в Энзели. 2. Район Урмии – с центром в Джульфе. 3. Ванский район с центром в Шахтахе. 4. Район Эрзерум–Ерзнка – с цент-

¹⁰² См. Меликян Г. С., указ. соч., стр. 504.

ром в Сарикамыше. 5. Траpezундский район – с центром в Траpezунде¹⁰³.

Таким образом, Краевой совет Кавказской армии и его президиум провозгласил себя высшей властью в области военного управления и полномочным органом армии¹⁰⁴. На следующий день Совет выступил с призывом ко всем советам, комитетам и солдатам¹⁰⁵.

Однако «победа» большевиков была иллюзорной: антибольшевистская группировка Совета не подчинилась большинству и расколола армейский совет, а также сумела убрать из Тифлиса большевистское большинство Совета и, захватив армейскую власть, провозгласила себя Советом Кавказской армии. В этот раз так же, как и в случае с тифлисским арсеналом, большевистское руководство не применило силу. Не исключалось, что в духе тактики большевистского центра, прямо в зале съезда будут арестованы Е. Гегечкори, Д. Донской, М. Пржевальский, В. Гобечия и др. Однако как краевой большевистский центр Тифлиса, так и большевистское большинство армейского съезда (в данном случае – Ст. Шаумян) не сделали это.

Можно предположить, что Ст. Шаумян, Г. Корганян и другие большевистские лидеры еще не полностью отказались от плана захвата власти в Тифлисе мирным путем, избегали возможного разгорания в крае гражданской войны, и к тому же не обладали очевидным преимуществом сил.

Об этом свидетельствует и 2-й съезд рабочих депутатов, созданный по инициативе меньшевиков и эсеров 19 декабря в Тифлисе. Целью съезда было параллельно со 2-м съездом и после понесенных там поражений противопоставить большевикам эсеро-меньшевистское большинство краевых советов. Учитывалось разрушенное состояние путей сообщения, а также немаловажный фактор отсутствия финансовых средств, когда

¹⁰³ См. Борьба за победу советской власти в Грузии, Документы и материалы (1917–1921 гг.), Тбилиси, 1958, с. 178–179.

¹⁰⁴ См. Кавказский рабочий, Тифлис, 1917, 28 декабря, № 230.

¹⁰⁵ См. Борьба за победу..., с. 176–178.

представители советов, где преобладающее большинство было за большевиками, не могли попасть в Тифлис с Северного Кавказа, из Баку и других большевистских центров.

Сложившаяся политическая ситуация толкала большевиков на решительные действия. Этим и объяснялась необходимость наступления сарикамышских частей в январе 1918 г.

В конце 1917 г. Сарикамыш стал важнейшим узлом Кавказского фронта. Через него проходили солдаты фронта – из районов Битлис–Муш–Хнус–Ерзнка–Эрзерум, что чрезвычайно обостряло необходимость привлечения внимания большевиков к Сарикамышу. Там скопилось 30 000 солдат.

Вначале в Сарикамыше действовали две организации – исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов и военно–революционный комитет, «которые не могли сообщаться, и фактически сложилось двоевластие, вернее – полнейшее безвластие»¹⁰⁶.

Сарикамышский ВРК своей первоочередной задачей считал урегулирование возвращения частей, предотвращение возможной анархии. С этой целью он направлял представителей в Эрзерум, Карс, Александрополь и по другим направлениям, и налаживал связь с этими городами и Военно–Революционными комитетами.

В течение первой недели января 1918 г. ВРК предпринял отправку 8 эшелонов солдат – с целью соединения с Северным Кавказом. У станции Акстафа они были вынуждены ввязаться в бой с мусульманскими разбойничьими отрядами (12 000), которые превосходили части, движущиеся из Сарикамыша. Эти банды наголову были разбиты и под Елизаветполем¹⁰⁷.

Понятно, что наиглавнейшей задачей большевистских частей Сарикамыша было возвращение в Россию. И поскольку Россия была большевизирована, то на пути возвращения на родину эти части должны были преодолеть все антисоветские силы, а в контексте антирусских беспорядков и погромов – пода-

¹⁰⁶ См. Кавказское Слово, 1918, 26 января, № 20.

¹⁰⁷ См. Меликян Г. С., указ. соч., с. 566.

вить Закавказский комиссариат. Понятно также, что все это движение войск не имело особой армянской политики. Однако проармянской была настроенность последнего на расчленение и нейтрализацию грузино–татарского, антирусского союза. Если меньшевики и эсеры всячески старались направить эти части на восток и отдалить их от Тифлиса, Сарикамыш, то ВРК – наоборот, сократив количество движущихся на Северный Кавказ эшелонов и урегулировав их передвижение, создал надежную ударную силу, которая должна была войти в Тифлис.

16 января 1918 г. в Сарикамыше состоялся митинг местного гарнизона при участии 30 000 солдат¹⁰⁸. После того как власть перешла в руки большевиков, ВРК арестовал членов армянского солдатского правления и армейский комитет, железнодорожная станция была сожжена дотла¹⁰⁹.

В Сарикамыше солдаты захватили и почтово–пассажирский поезд¹¹⁰, и в конце января 1918 г. железная дорога Сарикамыш–Тифлис фактически перешла к большевикам.

в) Чрезвычайные меры Закавказского комиссариата

С целью предпринять чрезвычайные меры против Ст. Шаумяна и Бакинского совета 24 января Закавказский комиссариат созвал специальное заседание. И оно в основном обсуждало вопрос объединения верных Комиссариату антибольшевистских сил и их сбора в одном месте.

Эти обсуждения проливают свет не только на тактику краевой власти, но и на разногласия большевистского краевого центра Тифлиса. Считаю уместным остановиться на всех принципиальных вопросах.

Немедленно отреагировать – с таким предложением выступили председатель Е. Гегечкори и В. Гобечия. Последний считал назначение декретом В. Ленина председателя Баксовета

¹⁰⁸ См. «Оризон», 1918, 21 января, № 14.

¹⁰⁹ См. там же, 22 января, № 15.

¹¹⁰ См. там же, 1 февраля, № 23.

Ст. Шаумяна Чрезвычайным временным комиссаром Кавказа «преступлением, которому надо дать ответ, предусмотренный законом»¹¹¹. Вначале непривычное спокойствие проявлял Н. Жордания, не видевший причин для тревоги. Беспokoящим он считал то обстоятельство, что «давно уже подготовленный большевистский декрет появляется только сегодня, и очевидно, что большевики надеются на какую-то помощь: возможно, это – артиллерия Эрзерума (имеется в виду то, что сарикамышские части направлялись на Тифлис – В. М.). За спокойным тоном Н. Жордания последовал скрытый и самый кардинальный вопрос: «Что лучше – арестовать Шаумяна или не раздражать артиллерийские части и вывести их из Тифлиса?»¹¹² И сам же делал вывод, что «исходя из раскола в большевистском краевом центре и необходимости углубив его, от ареста пока следует воздержаться. Наши резкие действия могут только объединить их, что станет угрозой для Тифлиса»¹¹³. Выступление Н. Рамишвили зиждилось на тезисе о реальной угрозе со стороны большевиков – он считал, что готовится нападение на Тифлис. Фактически Н. Рамишвили предлагал большевистский лозунг «Нападение выгодно, оборона – гибельна». Их нужно обезоружить – закрытием газет, арестом лидеров и т.д. Наша сила – национальные подразделения, не будь их – в этом зале будут сидеть представители народных комиссаров»¹¹⁴. Примечательно признание Н. Рамишвили в том, что «грузинские части колеблются». Он был уверен, что нужно идти на активные действия, поскольку «уж если Шаумян решил – он ни перед чем не остановится, мы его знаем 16 лет, он фанатик и пойдет на какую угодно провокацию»¹¹⁵. Весь вопрос был в том, что эта пресловутая «провокация» если и была катастрофической для гру-

¹¹¹ НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 12, л. 51.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

зинских меньшевиков, то на наш взгляд, для армянства Кавказа она представлялась вполне благоприятной.

Следующая группа мнений касалась проблемы объединения и размещения в одном месте верных Комиссариату антибольшевистских военных сил.

Еще более усугублял и без того накаленную обстановку на обсуждении вопрос, поставленный комиссаром по линии министерства продовольствия, меньшевиком Г. Тер–Казаряном – «или мы, или Шаумян: через несколько дней Тифлис, Баку, Карс превратятся в большевистские города».

Особой агрессивностью отличалась речь Л.–б. Бейбутова, которая полностью раскрывала шамхорские события. *«На нас идет армия, а мы преданы бездействию, – говорил татарский представитель, – все силы Шаумяна должны быть самым нещадным образом конфискованы, надо задействовать все силы, таких эшелонов под Шамхором мы громили десятками – нам не страшно»*¹¹⁶ (выделено мной – В. М.). Достойную восхищения дипломатичность выказывает Н. Жордания, когда он (в данном случае – движимый эгоистической необходимостью), льстил армянам, дашнакским комиссарам – заявляя, что армянские полки готовы на действия и что они более дисциплинированные части и не подвержены разложению¹¹⁷. Эта похвала была равносильна упреку – в том смысле, что реальный глава Комиссариата Н. Жордания, пугая Шаумяном и большевизмом, держал эти «дисциплинированные армянские части» в Тифлисе в заложниках. Большая часть армянских полков, которые на тот момент были больше востребованы в деле защиты Ерзнка и Эрзерума, на деле фактически защищали власть грузинских меньшевиков в Тифлисе. Можно только сожалеть, что партийная ненависть армянских комиссаров к Ст. Шаумяну пока ничем не отличалась от слова и дела грузинских и татарских деятелей.

¹¹⁶ Там же, л. 52.

¹¹⁷ См. там же.

С уверенностью можем сказать, что именно в тот момент решалась судьба основного вопроса – национально–политического интереса армян. И в этих дискуссиях грузинский меньшевизм последовательно достигал победы. Реально страхась и обманывая Ст. Шаумяна и как армянина, и как наиболее авторитетного политика, и только в последнюю очередь как большевика и председателя Баксовета (в данном случае – альтернативную власть на Кавказе – *В. М.*), Н. Жордания с пренебрежением относился к Ст. Шаумяну, насмеялся над ним. В данном случае совершенно необоснованными были его выводы о том, что «артиллерия большевиков может разрушить Тифлис, но установить свою власть – нет, и не будем пугать сами себя: Шаумян просто авантюрист, не считайте Хлестакова настоящим ревизором»¹¹⁸ и т.д.

Комиссар по делам министерства юстиции Ш. Алексеев–Месхиев считал, например: «Мы переживаем такой момент, когда даже самая малая собирательная сила может нанести зло» – иными словами, подавить власть Комиссариата¹¹⁹. В этом смысле самый трезвый подход показал Н. Рамишвили, который благодаря длительному общению со Ст. Шаумяном в Баку, смог лучше узнать этого деятеля и не заразился такой явной ненавистью к нему, как Н. Жордания. «Н. Жордания сделал не все выводы из авантюризма Ст. Шаумяна, – писал он, надо учитывать и обостренную ненависть населения. Можно использовать недовольство железнодорожных, почтовых служащих, злобу русских мешан, накопившуюся ненависть продуктовых лавочников, обиженных духанщиков Городской Думы. Шаумян не идиот, он может опубликовать декрет по продовольственному вопросу, объявить роспуск армии, уж не говоря о его умении воздействовать на массы»¹²⁰. Очевидным был страх меньшевистского лидера в отношении реальной угрозы большевизма и сила воздействия заразных большевистских лозунгов. В то же время неподдельный ужас вызывала его и грузинского

¹¹⁸ НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 12, л. 52.

¹¹⁹ См. там же.

¹²⁰ Там же., л. 53.

меньшевизма (в лице Н. Рамишвили) откровенно антиармянская реплика о том, что «организовать в том или ином виде погромчик не получится»¹²¹. Еще одно обличение из недалекой истории – армяно–татарских столкновений 1905–1907 годов. Н. Рамишвили предлагал действовать не мешкая, иначе будет поздно: «Бездействие расшатает и без того низкий авторитет Закавказского комиссариата»¹²². А. Малхазов добавлял: «У тифлисской власти нет никакого авторитета, и выставить против нас войска совсем не трудно»¹²³.

Итоги обсуждений объединились в три предложения: 1) Н. Жордани – не спешить с репрессивными методами, а продумать ответ и симметричные действия; 2) Е. Гегечкори – арестовать Ст. Шаумяна и 3) И. Карцивадзе – сослать их.

Некоторое противоречие содержала позиция Дашнакцутюн в Тифлисе. С одной стороны, армянская национальная партия показывала достаточно определенное поведение на заседании Комиссариата, где на обсуждение был поставлен вопрос ареста Ст. Шаумяна, и дашнакские комиссары покинули зал. С другой стороны, 1 февраля эта же партия организует в Тифлисе парад армянских национальных полков, которые выражают свою верность Закавказскому комиссариату. «1 февраля у палаты состоялся смотр армянских полков. Хорошо вооруженное, образцово дисциплинированное войско под командованием штаб-ротмистра Пирумяна под исполнение армянского марша дошло до дворца, откуда вышли председатель Закавказского комиссариата Гегечкори, комиссар от министерства финансов тов. Карчикян и другие». Е. Гегечкори связывал с армянскими войсками обеспечение завоеванной свободы¹²⁴.

Становилось совершенно определенным, что с этой минуты грузино–татарское руководство Комиссариата будет проявлять недоверие к Дашнакцутюн и тем самым возьмет курс на его

¹²¹ См. там же.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ См. там же, л. 70.

изоляцию на политической арене. Тем более что в начале этого заседания они стали свидетелями постановок Х. Карчикяном принципиальных и метких вопросов. Последний упрекал краевые власти, особенно в тех вопросах, которые имели непосредственно армянский подтекст, как например, декрет о призыве в армию, отсутствие до сих пор декрета об административном делении и др.¹²⁵

И только после «обоснования» Х.-б. Хас-Мамедова вопрос вышел на финальную прямую. Он считал, что, бесспорно, необходимо предпринять решительные действия и, согласно 1416-й статье закона, в случае даже самого мелкомасштабного движения следует ликвидировать самозваную власть. По его мнению, прецеденты для подобных действий были налицо – канцелярия, заявление, митинг.

Тифлисские власти осознавали, что решение Ст. Шаумяна и сарикамышского ВРК не было авантюрой. 18 января 1918 г. губернский комиссар Тифлиса Джапаридзе сообщил Закавказскому комиссариату, что в губернии объявлено военное положение¹²⁶. В тот же день краевое правительство наделило Е. Гегечкори чрезвычайными полномочиями, отдав в его распоряжение все вооруженные силы Закавказья¹²⁷. Комиссару по министерству внутренних дел А. Чхенкели Комиссариат выделил 60 тысяч рублей – на повышение боеспособности грузинских национальных полков¹²⁸.

Комиссариат особенно беспокоило то обстоятельство, что Ст. Шаумян переезжает в Тифлис и что его наделили чрезвычайными полномочиями. Это были непосредственные признаки захвата власти.

Этому обстоятельству советская армянская историография в свое время дала одностороннюю оценку – по понятным причинам. Одно только то, что не были использованы протоколы заседа-

¹²⁵ См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 12, л. 70.

¹²⁶ См. Борьба за победу..., стр. 186.

¹²⁷ См Кавказское Слово, 1918, 2 февраля, № 26.

¹²⁸ См. там же.

ний Комиссариата, уже свидетельствует о том, что вопрос не был освещен всесторонне, тем более что отсутствовало освещение отношения и позиции армянских комиссаров по этому вопросу.

В то же время из многочисленных выступлений, в частности, комиссара по делам министерства юстиции Ш. Алексева–Месхиева, Е. Гегечкори, Н. Рамишвили и др., становится ясно, что и сами они, комиссары Комиссариата, не были уверены в преувеличенной силе закавказской власти и реальный факт краха правительства связывали с приездом в Тифлис одного большевика – Ст. Шаумяна. В этом состоит и главное политическое резюме этих обсуждений, состоящее в том, что Закавказский комиссариат в большинстве своем действительно считал возможным сдачу власти, и только решительная позиция грузинских деятелей и большевистского центра пресекла этот процесс.

Ст. Шаумяну и Н. Кузнецову предложили в течение 24 часов покинуть Закавказье, в противном случае им грозил арест. Это предложение прошло единогласно¹²⁹. Ст. Шаумян перешел на нелегальное положение. 20 февраля он вернулся в Баку с военным эшеленом¹³⁰. В условиях чрезвычайного, военного положения в Тифлис была вызвана и «дикая дивизия».

Столь ключевой вопрос, что в лице Ст. Шаумяна краевой, в том числе и большевизм Кавказской армии, идентифицировался с «панарменизмом», получил определенное отражение и в печатных органах, в частности – в национальных грузинских газетах. Одна из них, «Сакартвело» («Грузия»), писала: *«Может случиться, что присоединившись к бежавшим частям, армяне провозгласят Шаумяна национальным лидером. Во всяком случае, мы должны быть осторожны, что под знаменем интернационализма поднимут голову те крайние шовинисты,*

¹²⁹ См. НАГ, ф.1818, оп 2, д. 12, л. 104.

¹³⁰ См. Барсегян Х., Шаумян Ст., Ереван, 1968, стр. 474.

которые вместе с Шаумяном, видимо, мечтают создать “Великую Армению”»¹³¹ (выделено мной – В. М.).

Грузинских националистов особенно приводило в ужас то обстоятельство, что Ст. Шаумяна назначили чрезвычайным комиссаром Кавказа. “Эртоба” («Единение») перепечатывает то мнение, – сообщает «Оризон», – что Ленин и Троцкий пытаются угодить армянам, чтобы успешнее распространять на Кавказе свою власть»¹³². Зерно истины в этом, конечно, есть – если рассматривать вопрос в контексте декрета «О Турецкой Армении», однако дело в том, что грузинские национальные круги и в самом деле видели реальную угрозу в этом решении, то есть – в сотрудничестве армянских национально-демократических сил. Планы Ст. Шаумяна они расценивали как «узко националистическую мечту»¹³³. К этой проблеме обращались и «Сахалхо сакме» («Народное дело»), «Чвени Республика» («Наша республика»). Для нас важно то грузинское замечание, что «в армянских кругах поговаривали, что если Шаумян появится в Армении, его непременно арестуют. В Армении он появился, даже вернулся оттуда, однако же никто его не арестовал. Представьте себе, говорят армяне, Шаумян оказался хорошим армянином»¹³⁴.

Что же касается новой должности Шаумяна, то можно отметить, что в жизни Кавказа это не было новинкой. При царском режиме эту функцию исполнял наместник на Кавказе, при Временном правительстве – «комиссар по делам Кавказа в Петрограде». Теперь же должность чрезвычайного комиссара была инструментом для утверждения советской власти в крае, и это дело было доверено армянскому деятелю, что, по нашему глубокому убеждению, надо было только использовать.

Непродолжительный период сотрудничества группы дашнакских деятелей и Ст. Шаумяна отразился в мемуарах Р. Тер-Минасяна (АРФД), а также большевиков А. Мравяна и В. Мравяна.

¹³¹ См. «Оризон», 1918, 4 февраля, № 26.

¹³² Там же, 28 января, № 20.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же, 7 февраля, № 28.

В сборнике «Памяти 26 комиссаров» Асканаз Мравян отмечал, что Ст. Шаумян добрался до Тифлиса, добираясь в течение 13–21 января в объезд – через провинции Гандзак и Казах, Шамшадин, Иджеван, Дилижан, Памбак, Большой Каракилиса. В начале января Ст. Шаумян собирался отправиться из Баку в Петроград – с целью принять участие в Учредительном собрании, но 7 января его поезд сделал остановку в Гандзаке¹³⁵. «Армянская часть Гандзака, – пишет Рубен, – уже представляла собой независимое управление, для которого «власти Тифлиса» не существовало – они ждали армянскую власть, чтобы объединиться с ней. Шаумяна защищал глава Гандзакского района доктор Айк Мелкумян, который помог Шаумяну переправиться в Тифлис, под защиту дашнакских «маузеристов»¹³⁶.

В Тифлисе дважды, в квартире Дануша Шахвердяна (присутствовали С. Араратян, Р. Тер–Минасян, А. Завриян, Ст. Шаумян, Д. Шахвердян, С. Касьян, А. Назаретян, С. Ханоян, Цинцадзе), разрабатывалась программа большевистско–дашнакского сотрудничества. «В тот самый день, когда Закавказское управление издало приказ найти и арестовать Шаумяна (посланная Комиссариатом милиция не нашла его в доме 24 на Кочубеевской¹³⁷ – В. М.), когда Ерзнкян и Казарян потребовали от Национального совета голову Шаумяна, командир вооруженных солдатских формирований Национального совета Рубен Тер–Минасян и Завриев вместе с Шаумяном разрабатывали проект, уже зная из Еревана и мнение Арама (Арам Манукян – В. М.)»¹³⁸.

Содержание плана состояло в следующем: 1. Путем сопротивления туркам достичь независимости Западной Армении: Ст. Шаумян должен был помочь, чтобы русские войска остались на фронте. 2. В Закавказье должен был быть создан армянский кантон – согласно разграничительному плану Ав. Ша-

¹³⁵ См. Барсегян Х., там же, с. 461.

¹³⁶ Рубен, Мемуары армянина–революционера, т.7, Тегеран, 1982, с. 141 (на арм. яз.).

¹³⁷ См. «Оризон», 1918, 27 января, № 19.

¹³⁸ Рубен, там же, с. 141–142.

хатуняна. 3. Тифлис и Баку должны были быть провозглашены открытыми городами. 4. 39 военную часть, дошедшую до Сарикамышы–Карса, следовало удержать в Армении. 5. Одно формирование из частей отступающего из Персии генерала Баратова надо было остановить на отрезке Джульфа–Нахиджеван. 6. Путем отправки боеприпасов из Александрополя должен был быть усилен армянский сектор Гандзака. 7. Сформированный в Тифлисе полк карабахцев надо было направить в Шуши. 8. Скопившиеся под Тифлисом войска должны были через Казах идти до Гандзака. 9. Из Баку, Гандзака и Шуши надлежало отправить военные силы и с их помощью открыть дороги Баку–Тифлис, Баку–Ереван. 10. До реализации этих действий большевики не должны были поднимать вопрос захвата власти. 11. Отряд Земляка, третий армянский полк, конница Осика (Погоса) Пирумяна, артиллерия Г. Тер–Мовсисянца должны были остаться в Тифлисе. И при открытии железнодорожного пути Шуши–Баку эти силы должны были сжаться в кулак и вместе с большевиками взять власть. За это время армянские районы Еревана и Тифлиса формально должны были сопротивляться большевистскому движению и защищать власти¹³⁹. Этот план не был воплощен. Кроме переговоров со Ст. Шаумяном, признаки этого сотрудничества проявились и в Ереване. Арам командировал в Москву ставшего «дашнакофилом» П. Макинцяна. «Надежно проведите. Необходимо. Мы должны любой ценой примкнуть к Ростому (к Баку). Если наш тыл не будет крепок, повторится 1915 год»¹⁴⁰. Добавим, что следуя мемуарам Рубена, к этому вопросу обратился ряд советских историков.

¹³⁹ См. Там же, стр. 142–143.

¹⁴⁰ 1906–1907 гг. П. Макинцян и В. Терьян были членами «Дашнакцутюн». Подробнее см. Г. Эмин–Терьян, Ваан Терьян, Неизданные и неизвестные страницы (на арм. яз.), Ереван, 2014.

¹⁴⁰ См. Там же, стр. 143.

^{См.} Туршян Г. Г., Героическая оборона Сардарапата, Е., 1965 (на арм. яз.); Меликян Г. С., Октябрьская революция и Кавказская армия, Е., 1970 (на арм. яз.); Арзуманян М. В., От бедствия к возрождению, Е., 1973 (на арм. яз.); Хуршудян Л. А., Советская Россия и Армянский выюпрос, Е., 1977 (на арм. яз.).

1.3. МУСУЛЬМАНСКИЕ МЯТЕЖИ В ЕРЕВАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Увертюрой к мартовским событиям 1918 г. в Баку следует считать и организованные в Ереванской губернии мусульманские мятежи. Ереванская губерния и ее административный центр Ереван вошли в этап организованных антиармянских нападений в январе 1918 г. – несмотря на то, что инциденты частного и местного значения стали заметны уже в ноябре 1917 г.

В течение января–марта 1918 г. различные мусульманские беспорядки, разбойные нападения, случаи сбоя или срыва работы путей дальнего сообщения (железнодорожных путей и дорог) имели место в Арарате (Давалу), Веди, Арташате (Гамарлу), Масисе (Улуханлу), Сурмалу, Шаруре, Нахиджеване, Ереване и др.¹⁴¹

Основной причиной и целью этих организованных, провокационных действий была подготовка турецкого нападения с тыла, политика ослабления и деморализации армянской армии в походных условиях турецкого нашествия. В качестве сопутствующей и стимулирующей причины выступал продовольственно–экономический кризис, серьезно углубившийся в результате безвластия.

Когда с начала января 1918 г. турки, татаро–мусульмане и курды подняли голову и в Ереванской губернии, то для ереванского Особого комитета, Арама Манукяна не представляло особого труда подавить это движение в зародыше, тем более что к тому времени был сформирован Армянский корпус. Но поскольку связь с Тифлисом пока была крепка и поступающие приказы подлежали неукоснительному исполнению, то преобладала тенденция – урегулировать вопрос мирным, переговорным путем.

¹⁴¹ См. НАА, ф. 103, сп. 1, д. 113, лл. 1–3, 12, 16, 66, 71, 72, 117.

О первоочередности мирных вариантов решения проблемы свидетельствуют созданные в Ереване и Тифлисе совещания.

Прежде всего, в конце декабря 1917 г. в Ереване была предпринята попытка созвать «съезд» армянских и мусульманских национальных советов, которая была провалена с приездом атамана Баба Валиева¹⁴².

4 января 1918 г. по инициативе Армянского национального совета в Тифлисе было созвано подобное совещание, на котором решили сформировать постоянно действующее бюро в составе 8 человек. В Ереване 14 января состоялось еще одно собрание, на котором было решено направить в провинции телеграммы, призывая к сохранению мира, а также в ближайшее время созвать межнациональный съезд¹⁴³.

Положение, однако, не изменилось: примечательно было то обстоятельство, что татары и курды зачастую выступали сплоченно и с едиными требованиями, каким было, например, создание татарского корпуса. В конце января – начале февраля 1918 г., то есть накануне турецкого нападения, мусульманские мятежи в Ереванской губернии приобрели новый размах и качество, началась блокада узловых станций и железнодорожных путей. Особенно закрытие Шахтахта лишило армян жизненно необходимой возможности – переброски войск на фронт, к тому же разваливало тыл. В этом отношении наблюдались факты планирования совместных действий.

20 января в Ереване открылось межнациональное совещание, на котором приняли участие по 4 представителя армянских и татарских национальных советов и исполкома Ереванской губернии. Совещание приняло решение: 4 февраля созвать в Ереване межнациональный съезд, который должен был обсудить вопросы, касающиеся безвластия в губернии, разбойных нападений курдов, организации милиции, продовольственного снаб-

¹⁴² См. Саргсян Е., Ереван в 1917 году, Айреник, Бостон, 1950, № 9, сентября, стр. 99–100.

¹⁴³ См. Зограбян Э. А., Межнациональные столкновения в Ереванской губернии в 1918 г., Ереван, 2000, стр. 29–30 (на арм. яз.).

жения¹⁴⁴. Обстановка накалилась до такой степени, что в армянских кругах обсуждался вопрос о том, чтобы комиссар Армянского корпуса Дро (Драстамат Канаян) оставил свой пост и был назначен «руководителем организуемых партизанских отрядов для борьбы с разбоем»¹⁴⁵. В конце января из Давалу сообщили, что заметно активизировались вооруженные курды и турки, вследствие чего захватывают район южнее Давалу. Тревожные вести поступали и из Нухи¹⁴⁶.

На заседании Комиссариата 24 января обсуждался доклад комиссара по делам министерства путей сообщения Х.-б. Мелик-Асланова о необходимости защиты железнодорожных узлов Улуханлу-Джультфа и Маку¹⁴⁷. Были приглашены представители местных татар, курдов и русских. Председателем был избран Г. Енгибарян¹⁴⁸.

9 февраля главнокомандующий Кавказским фронтом «посчитал желательным и необходимым объявление военного положения в Ереванском, Эчмиадзинском и Нахиджеванском уездах»¹⁴⁹.

5–8 февраля 1918 г. в зале Городской Думы Еревана состоялся Межнациональный съезд Ереванской губернии. Он был созван по решению Губернского исполкома, Армянского национального совета и Мусульманского национального комитета¹⁵⁰.

Утром 5 февраля съезд открыл комиссар Ереванского уезда Саак Торосян: были утверждены списки делегатов по уездам. На вечернем заседании был заслушан доклад уездного комиссара о сложившейся ситуации, о продовольственном положении. Подчеркнув первоочередное значение съезда, а именно, проблеме урегулирования двух соседей – мусульманского и армянского народов, С. Торосян попытался отделить несколько вопро-

¹⁴⁴ См. «Оризон», 1918, 25 января, № 17.

¹⁴⁵ См. там же, 24 января, № 16.

¹⁴⁶ См. «Оризон», 1 февраля, № 23.

¹⁴⁷ См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 7, л. 55.

¹⁴⁸ См. «Оризон», 13 февраля, № 32.

¹⁴⁹ См. НАГ, ф. 1, оп. 2, д. 195, л. 2.

¹⁵⁰ См. НАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 1, л. 487.

сов от позиций АРФД. По его собственному выражению, главной причиной этих отношений, «с недавних пор немного испортившихся», он считал предлагаемую эсерами программу социализации земли и выступления против Мусульманского комитета.

Земельный вопрос, по мнению С. Торосяна, порождал классовую борьбу, которую «заинтересованные лица, по причине мракобесия широких масс нашего края, целенаправленным образом направляют в русло межнациональной борьбы»¹⁵¹. Он предлагал съезду найти выход и в качестве возможного пути считал формирование межнационального органа.

Съезд принял решение об учреждении фонда Межнационального совета с самыми широкими правами и полномочиями.

Наиболее бурным было заседание 6 февраля, которое фактически проходило на фоне новых случаев разбоя. Прибывшая из Александрополя в Улукханлу военная примирительная делегация сообщила, что станция горит, и попросила от имени съезда отправить делегацию – с целью усмирить беспорядки совместными усилиями. В состав делегации входили Карапет Хачатуров, Акоп Айрапетов, Аббасали Каримов и Кербалай Машеда Сулейманов, которые незамедлительно направились в Улукханлу.

Съезд в чрезвычайном порядке заслушал доклад делегации Александрополя (Головачев, Дубровченко, Тертерян, Тер-Нерсисян, Манасерян). Военный врач Тертерян сообщил, что кроме здания вокзала, горит весь железнодорожный узел, жгут и грабят склады и мастерские. Принято было решение создать еще одну межнациональную делегацию в составе К. Хачатрянца, Зубяна, Каримова, Сулейманова, Сильченко, Фатинова и Шамшадинова, которая утром следующего дня должна была отбыть в Улукханлу.

Поступило также предложение заслушать доклад Халил-бека Касумова, касающийся курдского вопроса, однако по причи-

¹⁵¹ См. там же.

не его отсутствия из губернии, краткий отчет зачитал Акоп Айрапетов. К сожалению, причину этих разбоев, грабежей и убийств, уже достигших ужасающего масштаба, оратор видел не в продовольственном кризисе, а, как он думал, в том, что «это дело рук курдов, они на это мастера»¹⁵².

На съезде было получено также чрезвычайное письменное заявление русских делегатов (Щедрина, Сильченко, Самодурова, Шермова) о том, что возвращающийся с фронта их обоз из 500 груженных телег разграблен поблизости от села Ханухлар.

В качестве важнейшего итога съезд принял резолюции двух фракций – мусульманской и армянской. Остановимся на содержащихся в них стержневых пунктах.

В резолюции мусульманской фракции отмечалось:

а) съезд декларирует мир и согласие армян и мусульман и заявляет, что беспокойная ситуация в губернии есть отражение политической анархии в целом и не имеет ничего общего с межэтническими отношениями,

б) заслушав доклад о политической ориентации мусульман Закавказья, который в конечном счете одобряет федеративное устройство Российской республики, съезд опровергает расхожие мнения о сепаратизме мусульман,

в) относительно курдского вопроса – съезд выражает сожаление в связи с насилиями в отношении лояльных курдов,

г) съезд обязал Межнациональный совет:

1. Безотлагательно сформировать армяно–татарский полк – с целью оказания физического воздействия на преступный элемент,

2. Безотлагательно сформировать сугубо мусульманские полки, наделенные правами и обязанностями государственных вооруженных сил,

3. Безотлагательно сформировать институт курдских комиссаров, которые будут наделены правами помощников уездных комиссаров и будут подчиняться губернскому комиссару¹⁵³.

¹⁵² См. НАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 1, л. 489.

¹⁵³ См. там же.

Резюмируя точку зрения мусульман, можно сделать вывод: внесенные предложения в очередной раз призваны были укрепить позиции татар–мусульман и курдов в Ереванской губернии. Искажалось положение о сепаратизме, начало которому было положено еще в мае 1917 г., фактически игнорировался серьезнейший фактор – содействие турецкому нашествию.

Что касается вопроса «сугубо мусульманских полков», то его предыстория начинается еще со времен негативного отношения Временного правительства. В этом вопросе российские власти, а теперь и командование Кавказской армии, придерживались сдерживающей роли и в антитурецкой борьбе поддерживали создание преимущественно более надежных армянских, а также грузинских национальных подразделений. Примером тому было секретное донесение от 6 марта командира Мусульманского корпуса, генерал–лейтенанта Али–ага Шихлинского главнокомандующему Кавказской армии – о сокращении национальных подразделений.

Ясно, что в условиях турецкого нападения А. Шихлинский посчитал невозможным ходатайство главнокомандующего о расформировании Мусульманского корпуса и напоминал именно то исходное положение, что «формирование национальных корпусов началось не с мусульман»¹⁵⁴.

Резолюция армянской фракции гласила:

1. Считать справедливым формирование и обеспечение боеприпасами мусульманских подразделений – с целью исполнения обязанностей соответствующего характера, и сообщить об этом Закавказскому комиссариату,

2. Считать справедливым вопрос обеспечения курдского населения одеждой и продовольствием и обратиться в губернский продовольственный комитет, чтобы назначить курдского комиссара – с целью снабжения курдов наравне с другими национальностями и организации работы,

¹⁵⁴ См. РГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1127, л. 39.

3. Принять все меры воздействия для установления бесперебойного движения – в том числе военные,

4. Распространение ложных и провокационных слухов воспринимать как угрозу мирному сосуществованию наций и

5. Сформировать постоянный совет, представляющий все национальности.

Как видим, в сложившейся ситуации, когда в губернии бушевала волна антиармянских мятежей, армянская резолюция имела уступчивый характер и, как принято говорить, была попыткой «быть бóльшим католиком, чем Папа Римский».

Этой логикой руководствовался и С. Торосян в своем заключительном слове: «Шовинизм столь же вреден, сколь и увлечение красными теориями. Мусульмане и армяне нашего края имеют одинаковые требования и чаяния. Основная задача съезда – оказать моральное воздействие на темные массы»¹⁵⁵.

21 февраля в Ереване состоялось совместное заседание представителей Мусульманского национального совета, городского и губернского мусульманского духовенства, мусульманского населения Ереванской губернии, Армянского национального совета, членов уездного исполкома – под председательством губернского комиссара С. Торосяна.

Первоочередной вопрос обсуждения съезда был посвящен блокированию железнодорожных путей и других дорог мусульманскими и курдскими разбойничьими группировками, а также применению против них карательных мер. Пришли к заключению, что «карательные меры обусловлены тем, что дороги закрыты и разбойники оказывают сопротивление при их открытии и передвижении войск, и посему Объединенное заседа-

¹⁵⁵ См. НАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 1, л. 489. Хранящиеся в грузинском архиве эти документы – оригиналы, поэтому применяемые в тексте понятия «мусульманский», «татарский» – приняты нами как этнонимы, употребляющиеся в марте 1918 г., и служат косвенным, но весьма важным доказательством против азербайджанской фальсификации.

ние осуждает любое действие – с чьей бы стороны оно ни было совершено»¹⁵⁶.

Совместное заседание призывало не придавать значения «случайным сенсационным слухам» и для получения проверенной информации обращаться непосредственно в Межнациональный совет. На основании решения армянская сторона обязалась ходатайствовать перед военным командованием – с целью пресечь карательные действия против мусульман, а сами мусульмане взяли на себя обязанность открыть железнодорожные пути и дорожные узлы в населенных мусульманами районах, восстановить почтово-телеграфную связь Ереван–Джюльфа, Ереван–Игдир.

Решение подписали Арам, С. Торосян, председатель Губернского исполкома Ванцян, градоначальник Д. Тошьян, Ов. Меликян, губернский ахунд (перс. – молла) Мирза Хусейн Казиев, Мирза Хасанзаде, Ваид Кязумов, Мирза Аласкяр Ахунзаде, члены правления Ереванского мусульманского комитета¹⁵⁷.

И еще один – весьма важный факт, связанный с этим: в Национальном архиве Грузии, в фонде А. Чхенкели хранится доклад «Мусульманские движения в 1916–1920 годах». Один из документов касается мятежей, бушевавших в Ахалцихском уезде в дни, предшествовавшие Межнациональному съезду в Ереване.

Руководствуясь резолюцией главнокомандующего Кавказским фронтом от 8 февраля, интендант (квартирмейстер) штаба армии 12 февраля передал строго секретно лично комиссару А. Чхенкели рапорт начальника контрразведки Кавказского военного округа от 17 января – «Мусульманское движение в Ахалцихском уезде»¹⁵⁸.

12 февраля в Ереван прибыла делегация Комиссариата в составе М. Джафарова, Х. Карчикяна и Ш. Алексева–Месхиева,

¹⁵⁶ См. Ван–Тосп, Тифлис, 1918, 4 марта, № 6, стр. 7–8 (на арм. яз.).

¹⁵⁷ См. там же.

¹⁵⁸ См. «Оризон», 1918, 11 февраля, № 31.

которая приняла участие в нескольких заседаниях Межнародного совета¹⁵⁹.

Однако все миротворческие усилия не дали никакого результата, да и не могли дать, поскольку действия мусульман были последовательными, целенаправленными и продуманными. Различные межнародные совещания и съезды были для мусульман всего лишь способом потянуть время, что способствовало турецкому продвижению. А остальное все было чистой воды фарисейством и фальшью.

По свидетельству Арш. Аствацатряна, руководство Мусульманского национального совета на съезде даже официально объявило, что они бессильны обуздать татар и просят помощи армянских военных отрядов¹⁶⁰.

Сложилась ситуация, которая почти зеркально повторила ход армяно-татарских столкновений 1905–1906 годов, когда миротворческие, примирительные инициативы были совершенно безрезультативными для армянской стороны, которая оборонялась и только несла потери. А теперь, в феврале–марте 1918 г., все это представляло серьезную угрозу и для губернии, и для Баку, и для армянского населения региона.

Архивный материал доказывает также, что начиная с 28 декабря 1917 г. до конца февраля 1918 г. власти Ереванской губернии посылали десятки сообщений и ходатайств в Тифлис – как в Комиссариат, так и в Исполком краевого совета, чтобы вооружить крестьянскую милицию Ереванской губернии¹⁶¹.

Считаем важным то обстоятельство, что в данном случае управделами Комиссариата по делам МВД Карцивадзе отверг эти просьбы, мотивируя это отсутствием боеприпасов в тифлисских складах, что было откровенной ложью¹⁶². Добавим, что эти волнения продолжились и параллельно с турецким нашествием

¹⁵⁹ См. там же.

¹⁶⁰ См. Арам, Айреник (Родина), Бостон, № 2, 1951, стр. 33 (на арм. яз.).

¹⁶¹ См. НАА, ф. 103, оп. 1, д. 113, лл. 1–3, 12.

¹⁶² См. Кавказское Слово, 1918, 21 февраля, № 41.

в марте–апреле 1918 г., охватывая в основном Шарур–Нахиджеванский район, Сурмалинский уезд¹⁶³.

Можно прийти к заключению, что в промежуток времени декабрь 1917 – март 1918 г. на многих станциях железной дороги Ереван–Джульфа–Елизаветполь и близлежащих территориях совместного проживания армяно–татарского населения, по приказу турецких военных агентов, а также при содействии Комиссариата и по инициативе грузинских и татарских руководящих деятелей Сейма, были осуществлены различные антиармянские операции. Если в случае с Елизаветполем и Шамхором они преимущественно имели антирусскую направленность (в контексте антибольшевизма) и объективно нацеливались против армянского населения края, то в Ереванской губернии они преобразовались в межнациональные столкновения.

Дальнейшие события показывают, что все эти действия в основном достигли своей цели. Сковав новосозданную армянскую военную силу цепью анархистских и расползающихся по всем направлениям событий в Ереванской губернии, Турция без труда захватила Западную Армению и вошла в Закавказье. По причине этой дальновидной политики не удалось защитить и Эрзерум.

Центром этого узла была, безусловно, организация мусаватистского мятежа в Баку, который (в контексте реализации основного плана – возрождения пантюркизма) преследовал свою сверхзадачу: направить армянскую военную силу Баку на Ереванскую губернию, торпедировав тем самым проблему защиты Западной Армении и одновременно – Баку.

* * *

Таким образом, в ноябре 1917 г., а также в январе–феврале 1918 г., появилась реальная альтернатива захвата власти в Закавказье. В первый раз большевикам представилась возможность взять власть до захвата меньшевиками Тифлисского арсе-

¹⁶³ См. НАА ф. 103, оп. 1, д. 119, лл. 1–2, 18, 23, 26, 31.

нала, во второй раз – продвижением частей Кавказского фронта из Сарикамыша. Однако план большевиков Баку и лично Ст. Шаумяна не был реализован вследствие ряда причин.

1. В большевистском крайкоме и Тифлисском комитете так и не удалось прийти к единому мнению в вопросе захвата власти. Большинство было склонно думать, что это было возможно – как в Баку, то есть установить советскую власть мирным путем. По нашему мнению, решающим было противостояние грузинских большевиков, в частности Ф. Махарадзе, большевику–армянину Ст. Шаумяну, и особенно изначальное мнение, что бакинский большевизм в лице Ст. Шаумяна рассматривался как преимущественно армянское явление и в первую очередь затачивалось против грузинского национализма – меньшевизма. Первые и самые решительные действия в этом противостоянии имели место на станциях железной дороги Баку–Тифлис, проявившиеся в практических антирусских шагах, что напрямую связывалось с проблемой взятия Тифлиса. Большевистский крайком со своим грузинским большинством отверг также помощь большевистских частей, движущихся из Сарикамыша в Тифлис, и вместе с ними и их руководителей.

Военные поезда, подошедшие к Тифлису, более недели прождав приказа крайкома, были вынуждены отойти на Северный Кавказ. 6 февраля эсеров в Закавказье уже не было¹⁶⁴.

2. После елизаветпольских и шамхорских событий становится ясно – особенно для «Дашнакцутюн», что в правительстве, созданном по общему согласию и для борьбы с общим врагом – большевизмом, существуют полярные разногласия, взаимоисключающие пути достижения решения национальных проблем. «Меньшевистское социал–демократическое иго с каждым днем становится все тяжелее», – писала газета «Ашхатавор» («Трудящийся») ¹⁶⁵. «С первых же дней революции меньшевизм ловко сумел адаптироваться к нашим условиям: во–первых, разукраситься пестрыми «интернациональными»

¹⁶⁴ См. «Оризон», 1918, 6 февраля, № 27.

¹⁶⁵ См. «Ашхатавор», Тифлис, 1918, 4 февраля, № 15.

перьями, во-вторых, всяческими способами изолировать от политической жизни Закавказья всех меньшевиков и в-третьих, войти в открытые и тайные блоки с помещиками. Опираясь на последних, он сумел отдалить или держать на безопасном расстоянии социалистов-революционеров, большевиков и дашнаков, и таким образом установить политическую гегемонию¹⁶⁶. Ценно то, что столь трезвый анализ производит именно партия «Дашнакцутюн» и особенно – после провала взятия Тифлиса Ст. Шаумяном. Во всяком случае, хотя бы на словах «Дашнакцутюн» убедилась, что в водовороте этих политических событий главным противником армян и АРФД является грузинский меньшевизм. Следует подчеркнуть, разумеется, что факт сотрудничества с большевиками Кавказа проявлялся постольку, поскольку его бесспорными авторитетными руководителями считались Ст. Шаумян, Г. Корганян, иными словами – преимущественно национальные деятели.

На деле, чувствуя силу меньшевизма и потерпев первое поражение в начале февраля 1918 г., дашнаки даже выступали с призывами типа «единственный путь спасения – безоговорочное и безотлагательное объединение всех социалистических элементов»¹⁶⁷. Невероятно, но в ряду социалистов «Дашнакцутюн» теперь видела и большевиков. «Меньшевики прекрасно чувствуют, насколько опасен для их диктатуры союз большевиков, социалистов-революционеров, дашнаков и турецких социалистов, активное участие в политической жизни Закавказья», – писала орган «Дашнакцутюн» в Тифлисе, газета «Ашхатавор»¹⁶⁸.

В то же время армянская национально-демократическая партия вновь оказалась в противоречивом положении: с одной стороны, она считала, что «спасения революции и свободы народов Кавказа можно достичь созданием Закавказского социалистического интернационального союза», с другой же сторо-

¹⁶⁶ См. «Ашхатавор», 1918, 4 февраля, № 15.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

ны, через неделю партия присоединилась к той же самой грузино–бекской коалиции – уже в составе Сейма. В реализации этого политического решения, на наш взгляд, решающую роль сыграл и провал стратегии Ст. Шаумяна. Не случайно, что через месяц «Дашнакцутюн» без колебаний отдала себя защите Баку и советской власти.

3. Независимо от политической позиции, уход русской Кавказской армии из Закавказья и Тифлиса в первую очередь исходил из антирусских настроений грузинских деятелей, и от страха перед возможным созданием «Великой Армении», что провозглашали, пусть даже в виде декларации, власти Петрограда. С ноября 1917 г. противостояние меньшевиков и большевиков в Закавказье представляло собой не борьбу тактик двух крыльев социал–демократии, а конфронтацию двух больших и важнейших национально–политических сил – армяне–грузины, дашнакцутюн – меньшевизм, Шаумян–Жордания.

Уход большевистской России из Закавказья создавал реальную возможность для установления в крае грузинской гегемонии. Взятие Тифлиса путем его советизации мог помочь стабилизировать позиции армян в Баку и Восточном Закавказье, обуздать волну мусульманских мятежей, и возможно – предотвратить турецкое нашествие.

Однако была одна вполне обоснованная причина, которая сводила на нет реализацию этого плана, что по понятным причинам не анализировалась и советской армянской историографией. Дело было именно в удержании большевистской власти в России. Весь процесс Брест–Литовска служил одной основной цели – сохранить власть ценой территориальных потерь. Одной из составляющих этого плана был и экстренный отзыв частей Кавказской армии на Северный Кавказ, далее – в Россию. Получалось, что большевистское центральное правительство пока не было особо озабочено планом советизации Закавказья. Наделив Ст. Шаумяна чрезвычайными полномочиями, Ленин и Сталин в то же время ни одним указом, ни одним действенным шагом не воздействовали на краевой и тифлисский большевистс-

кие комитеты. С помощью своего авторитета и одной–двух частей в Сарикамыше Ст. Шаумян должен был осуществить то, чего даже большевики собственными силами не смогли добиться в Петрограде.

Вторым важнейшим препятствием был укрепляющийся грузино–татарский союз, антирусская заостренность которого в логике военно–политических процессов края трансформировалась в антиармянскую политику. События Елизаветполя–Шамхора стали тем основным водоразделом, когда возвращающиеся домой русские части в результате грузино–татарского варварского образа действий Закавказского комиссариата с ненавистью оставили границы края и стремились как можно раньше и дальше убежать от вражеской среды.

И наконец, следует учитывать то обстоятельство, что только с помощью большевистского Баку и нескольких частей невозможно было с той же легкостью достичь успеха в политическом центре Закавказья – Тифлисе, в национальной среде которого большевизм действительно рассматривался чуждым, несерьезным и презренным явлением – врагом демократии.

ПРОБЛЕМА ВЗЯТИЯ И ОБОРОНЫ БАКУ

2.1. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЕЛИЗАВЕТПОЛЯ И БАКУ
КАК НОВЫХ ЦЕНТРОВ ПАНТЮРКИЗМА В 1914–1918 гг.

В течение января–апреля 1918 г. главной мишенью политики младотурок и татарских националистов на Кавказе стал Баку. Город воспринимался как мощный оплот армянского, русского фактора и, конечно, нежелательной советской властью, идентифицируемой с последним. Это сильно осложняло реализацию плана распространения пантюркизма и создания «национального» государства Азербайджан. Взятие и изоляция Баку (в первую очередь – от России) предполагало сложный клубок как внешних – военно–политических, пантюркистских, экономических (нефтепромышленных), так и других вопросов, а именно: борьба за власть и против большевизма, перераспределение сил в пользу мусульманства и отсюда – противодействие армянскому элементу и его сильному политическому и экономическому влиянию.

В 1889 г. городское население Баку составляло 92 600 человек, из них по религиозному признаку: мусульман–шиитов – 39 508 (главным образом таты), армяне – 25 897, русские – 22 693 (среди них незначительное число грузин), русские молokane и другие сектанты (прыгуны, духоборы, старообрядцы, скопцы и др.) – 970, католики – 1211, лютеране – 1919, евреи – 402. Из 39 508 мусульман–шиитов татов было 29 631, тюркского происхождения – 9877. В 1889 г. в столице нынешнего Азерб-

байджана проживали около 7000 кавказских татар, которые составляли 7–8% населения.

Из этого следует, что, в конце 80–х годов XIX века в Баку вторыми по численности после татов были армяне. Кавказские татары жили в Баку в основном в старой части города – в районе замка–крепости и Чемберекенде¹⁶⁹.

По данным переписи 28 января 1897 г., население Баку составляло 111 904 человек, из них армян – 19 099 (17,1% населения). Они были третьими после татар – 41 155 (36,8%) и русских – 38 965 (34,8%). По данным епископа Шемахинской армянской епархии Карапета Айвазянца, в Баку жили 45 402 армян¹⁷⁰.

С конца второй половины XIX века Баку стал вторым после Тифлиса крупнейшим центром экономической и культурной жизни восточных армян, обогнав Шамаху, Нухи, Шуши и Гандзак.

В области градостроительства значительный вклад внесли армянские архитекторы Баку Г. Тер–Микаелян, В. Саркисян, Н. Баев, Г. Тер–Ованнисянц (Каджазуни) и Ф. Агалян. Построенные ими жилые дома, монументальные общественные и культурные здания и сегодня украшают Баку.

Среди крупных промышленников Баку большой процент составляли особенно нефтепромышленники–армяне – Александр Манташянц, братья Питоян, братья Гукасян, братья Корганян, братья Орбелян, Аракел Цатурянц, Ованнес Мирзоян, Геворг Лианосян, братья Маилян, которые и основали находящуюся в зародышевом состоянии нефтяную промышленность Баку. Первый фонтан нефти забил с глубины 18 саженей на высоту 45 метров на промысле Балаханы 13 июня 1873 г., на

¹⁶⁹ См. Баку и его окрестности (Приложение к справочной книге “Старожилы Кавказа” – № 4), Тифлис, 1891, с. 63–65, 68, Подробно см. Степанян Г. С., Армяне Бакинской губернии во второй половине XIX в., историко–демографическое исследование, Ереван, 2010, стр. 109–147 (на арм. яз.).

¹⁷⁰ См. Степанян Г. С., указ. соч., стр. 109–147.

участке компании «Г. Вермишев и Ко», принадлежавшей армянам¹⁷¹.

По данным 1890 г., 46% добытых 226 млн пудов нефти принадлежало армянам, 47,3% – русским и европейцам, и только 6,7% – иным кавказским народам¹⁷².

До Первой мировой войны Баку был в эпицентре захватнических планов Германии, став носителем основного содержания экономической колонизации и присвоения края. Один из большевистских руководителей, Г. Зиновьев, в 1915–1917 гг. в эмиграции писал трактат «Кризис войны и социализма», где «турецкому вопросу» посвятил целый раздел¹⁷³.

Он был убежден, что в «турецком вопросе» переплетается основной узел мировой политики эпохи Константинополя. Исходя из ленинской доктрины «империалистических войн», Г. Зиновьев также считал, что «германский империализм пока заинтересован в вопросе так называемой «независимости» Турции. Проще говоря, он был против того плана разделения Турции, которому следуют империалисты антигерманского треста¹⁷⁴. Более того, Восточно–Азиатская внешняя политика Германии объективным образом толкала ее к защите Турции. Еще в 1888 г. кайзер Вильгельм II провозгласил защиту целостности Турции, одна германская компания получила концессию на строительство и эксплуатацию анатолийской железной дороги Измит–Анкара, а также право на отрезок Диарбекир–Багдад. В 1890 г. был заключен первый германо–турецкий торговый договор. Важнейшим из железнодорожных проектов был проект строительства Багдадской железной дороги. В 1903 г. эту концессию получила немецкая компания, за которой стоял Deutsche Bank. Дорога должна была связывать город Конью в Малой

¹⁷¹ См. Гулишамбаров С., Об изменении рельефа Каспия, Общая причина изменения рельефа суши, вып. 1, Баку, 1878, стр. 15–16.

¹⁷² См. НАА, ф. 196, оп. 1, д. 23, лл. 27–28, (по Степанян Г. С., указ. соч., стр. 145).

¹⁷³ См. Зиновьев Г., Сочинения, Война и кризис социализма, т. 8, Ленинград, 1926, стр. 313–326.

¹⁷⁴ Там же, стр. 314.

Азии с Басрой. В 1912 г. уже был готов отрезок Конья–Эргели. Позже началось строительство дороги в направлении Дамаска через Адану (Киликия) и Килису, рядом с которой тянулась уже действующая линия Бейрут–Дамаск–Медина–Мекка. И наконец, из Килисы дорога должна была идти через Харан, Мосул, Багдад и Басру, откуда должна была связываться с одним из портов Персидского залива. Согласно автору, строительство железной дороги Берлин–Багдад–Басра приобретало колоссальное значение для Турции и, разумеется, для Германии. Эта дорога становилась угрозой безраздельному владычеству Англии в Персидском заливе и, в частности, одним из основных факторов современной войны между Германией и Англией, и к тому же открывала для германского капитала возможность завоевать Переднюю Азию¹⁷⁵.

Г. Зиновьев отмечал, что «гениальный министр финансов Австрии Брук подумывал о создании единого таможенно-экономического союза от Гамбурга до Басры. Последний в двух словах «Берлин–Багдад» видел целую программу политики германского империализма против империализма английского. А в словах «Берлин–Константинополь» заключена политика последнего против русского империализма»¹⁷⁶. В ноябре 1898 г. Вильгельм II в своей речи, произнесенной в Дамаске в театральных условиях, заявил: «Пусть знает султан, и пусть знают 300 миллионов мусульман, которые рассеяны по всей земле и в лице султана видят своего халифа, что германский кайзер вечно и неизменно будет им другом»¹⁷⁷.

После англо-русского соглашения и особенно – после «ревельской» встречи «дружба» Турции и Германии укрепилась окончательно. Турецкие политические деятели руководствовались той мыслью, что отныне они не смогут использовать англо-русское соперничество – единственное, что давало Турции дышать. Турции оставалось только до конца защищаться про-

¹⁷⁵ См. Зиновьев Г., указ. соч., стр. 314.

¹⁷⁶ Там же, стр. 317.

¹⁷⁷ См. там же, стр. 319.

тив Англии, и тем самым она оказывалась в пасти Германии¹⁷⁸. Один из радикальных социал-империалистов Г. Кунов считал, что «Турция – игрушка в руках великих держав»¹⁷⁹.

Г. Зиновьев считал также, что младотурецкий переворот в то же время изменил и порядок вещей. По отношению к Германии особо нежных чувств младотурки не питали. По убеждению австрийского социал-демократа Отто Бауэра, «именно Германия покровительствовала турецкому феодализму, именно Германия помогала удушению Македонии, именно Германия поощряла искоренение армян (выделено мной – В. М.).

Однако зависимость Турции от Германии была столь сильна, что «преобразованная Турция осталась вассалом империалистической Германии»¹⁸⁰.

С конца XIX в. немецкий Deutsche Bank пытался стать полноправным хозяином нефтяного центра Кавказа, что само собой подразумевало вывод Баку из сферы российского влияния. С помощью крупнейшей нефтепромышленной компании Нобеля, а также «Компании по добыче нефти» армянина С. Лианозова (Степан Лианосян), начиная с 1913 г. «российская» нефть потекла в Германию. Уступая англо-французскому капиталу по удельному весу, немецкие предприниматели пытались также распространить свое влияние и на горнодобывающую промышленность. Компания Siemens, к примеру, получила долю в эксплуатации медных рудников Гетабека¹⁸¹. Этот процесс все более продвигал программу захвата Баку и всего Кавказа силой оружия.

Примечательно, что в итоге намечалось создать «Тифлисское наместничество». Об этом свидетельствует опубликованный в Германии еще в 1907 г. труд Рудольфа Мартина «Берлин-

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ См. указ. соч., стр. 320.

¹⁸⁰ Otto Bauer, «Der Balkankrieg und die deutsche Weltpolitik», Berlin, 1912, стр. 45, по Г. Зиновьев, указ. соч., стр. 320.

¹⁸¹ См. Токаржевский Е. А., Бакинские большевики в борьбе против германо-турецких интервентов в Азербайджане в 1918 году, Труды, IV, Баку, 1947, стр. 9.

Багдад». Создается мощная шпионская сеть, разлагающими центрами становятся германские колонии Закавказья, в частности, Екатериненфельд и др. Центром шпионской разведывательной деятельности становится также Тифлис, где работал небезызвестный граф фон Шуленбург, значительную роль играл консул Карса Андерс и другие немецкие дипломаты¹⁸².

В этой связи вкратце представим также проблему турецко-грузинского сближения накануне Первой мировой войны.

Группа грузинских националистических деятелей, выступавших под вывеской организации «Комитет спасения Грузии», летом 1914 г. при одобрении Германии заключила с Турцией соглашение, которое, по сути, носило антирусский характер и преследовало основную цель – в результате этого союза провозгласить независимость Грузии. Граница независимой Грузии должна была проходить по прямой линии до озера Севан, северная часть которого отходила Грузии, а оттуда – до Кажвана и Ардануча¹⁸³. Подобную перспективу сулил и съезд представителей младотурок и дашнаков в 1914 г. в Эрзеруме, где армянская национально-демократическая партия «Дашнакцутюн» в конце концов вынуждена была принять русскую ориентацию.

Согласно турецко-грузинскому соглашению, должность главнокомандующего объединенной армии отдавалась турецкому главнокомандующему Кавказского фронта. А взаимная выгода состоялась в следующем: турецкое правительство получало ряд прав: а) пользоваться железной дорогой и другими средствами сообщения в течение всей войны, б) при содействии грузинского правительства осуществить конфискации – для воинских нужд, в) право опубликования воинских законов отдавалось Турции. В свою очередь Турция обязалась: а) признать независимости Грузии, ее неоспоримое право на территорию, которая:

¹⁸² См. Германские оккупанты в Грузии в 1918 г. (Сборник документов и материалов), Тбилиси, 1992, с.10–11.

¹⁸³ См. Гегамянц Е. А. иерей, Тюрки на Кавказе и падение Баку, ч. первая, Баку, 1919, стр. 22–23 (на арм. яз.).

1. Включала побережье Черного моря – от Даковска по прямой линии до Абашира, оттуда тоже по прямой линии до Эльбруса (который тоже должен был быть под владением Грузии), далее до Балты и Асакова, затем – от Салавата до озера Гёкча (Севан – *В. М.*), северная часть которого должна была принадлежать Грузии. От озера Гёкча граница шла от Балвана и Ардануча, входящего в состав Грузии, а от Ардануча по русско-турецкой границе 1913 г. шла до реки Чорох.

2. Турция не должна была противиться, чтобы на правом берегу Чороха (в Лазистане – *В. М.*) сформировалось временное грузинское правительство, и др.

«Комитет спасения Грузии» обязался: а) помогать турецким войскам, б) вести турецкую пропаганду против России, в) обеспечивать дружелюбное отношение к турецким войскам, входящим в Грузию, г) сообщать турецкой стороне разведывательную информацию о событиях на русском фронте¹⁸⁴.

Еще в 1913 г. младотурки создали местные партийные комитеты в Дербенте, в Баку, в Гёкче, в Агдаше, Нухи и Кюрдамире. Что касается кавказских татар, то центром своего «национального движения» они провозгласили Елизаветполь, где власть полностью была в руках радикально-мусульманских организаций. Там действовал «Совет мусульманских общественных организаций» под руководством Али Мурад-бека Топчибашева, а также его исполнительный комитет во главе с Мамед-Хасаном Гаджинским. В составе исполкома были Адилхан Зиятханов, Шафи-бек Рустамбеков, Аслан-бек Сафикюрдский, Худаат-бек Рафибеков, Алескер-бек Хасамедов, полковник Эфендиев и ротмистр (капитан) Улубиев¹⁸⁵.

В течение 1916–1918 гг. в развитии пантюркизма происходили новые процессы.

В 1916 г. группа татарских деятелей обратилась с посланием, утвержденным «Конгрессом наций» в Лозанне, к президенту США В. Вильсону. В нем они от имени русских татар, башкир,

¹⁸⁴ См. Гегамянц Е. А. *иерей*, указ. соч., стр. 25–30.

¹⁸⁵ См. Шаумян Ст., ПСС, т. 4, с. 113–114.

киргизов, сартов, хазар, туркмен и горцев (25 млн человек) просили «прийти на помощь и спасти эти народы от окончательно уничтожения». Под документом подписались пантюркистские лидеры Гази Абдурашид Ибрагим, Ахмед Агаев, Юсуф-Акчура и Али Хусейнзаде. На том же Конгрессе в Лозанне были выдвинуты требования: для российских татар – автономия, а для Хивы и Бухары – независимость. Затем все делегаты продвинулись еще на один шаг вперед, выразив желание связать себя с союзническими отношениями с Турцией¹⁸⁶.

Февральская революция в 1917 г. среди прочих этносов открыла новые перспективы и для российских турко-татар. Она дала им возможность сформулировать их национальные требования.

Решительный поворот в появлении национального самосознания татар-мусульман Кавказа начался с Февральской революцией. «20-миллионное мусульманство, рассеянное от берегов Балтии до Аракса, от Крыма до далекой Сибири, начинает двигаться», – писала в первом номере 1918 г. газета «Оризон»¹⁸⁷. Был создан «Совет мусульманских общественных организаций» по координации партий и организаций под руководством Али М.-б. Топчибашева и Мамед-Хасана Гаджинского¹⁸⁸. На начальном этапе под татарским национализмом подразумевались тюркизм, панисламизм. На этой идеологической основе жилились Мусават («Равенство»), федералисты «Тюркской партии децентрализации» и группа Независимых демократов (А. Топчибашев, Ф. Хан-Хойский). Социалистическое пробольшевистское течение представляли партии «Гуммет» («Энтузиазм») во главе с Н. Наримановым и «Адалат», созданная иммигрантами из Ирана А. Гафарзаде, Б. Агазаде. Духовенство и помещичьи слои представляла партия мусульман России «Иттихад» («Союз»), созданная в сентябре 1917 г. объединением

¹⁸⁶ См. Зареванд, Турция и пантюранизм, Париж, 1930, стр. 110.

¹⁸⁷ «Оризон», 1918, 3 января, № 1.

¹⁸⁸ См. Балаев А., Азербайджанское национально-демократическое движение в 1917–1920 гг., Баку, 1980, стр.5.

организаций «Мусульмане России» и «Единство ислама» из Елизаветполя, а также действующий в Шемахи комитет «Милли» («Народ») и др. Партия «Иттихад» отвергала тюркизм, не принимала идеи азербайджанизма.

Центром национального движения кавказских татар, иными словами – краевого пантюркизма, по праву нужно считать Елизаветполь (Гандзак). После Февральской революции здесь была создана партия федералистов под руководством Н.–б. Усуббекова. Они были первыми, употребившими в партийной программе понятие «Азербайджан»¹⁸⁹.

В резолюциях, принятых на многочисленных мусульманских съездах в течение 1917 г., вначале не поднимался вопрос о немедленном отделении от России. По образному выражению Г. Расулзаде, турко–татары хотели «иметь собственную квартиру в общерусском доме»¹⁹⁰.

На состоявшемся 15–20 апреля 1918 г. в Баку съезде мусульман Кавказа было провозглашено, что «отныне нет различия между суннитами и шиитами, а все мусульмане мира – одно тело и одна душа»¹⁹¹.

Съезд не одобрил идею о предоставлении татарам Кавказа статуса автономной единицы, что было обусловлено необходимостью избежать разногласий с Временным правительством и выработать единую линию действий вместе с другими мусульманскими народами России¹⁹². Татарский миллионер Кавказа А. Тагиев высказался против включения слова «Азербайджан» в принятую съездом резолюцию, считая, что это вызовет беспокойство Временного правительства. Его мнение было учтено и слово «Азербайджан» было изъято¹⁹³.

¹⁸⁹ См. Князян Д., указ. соч., стр. 7–9.

¹⁹⁰ См. Князян Д., указ. соч., стр. 111.

¹⁹¹ См. Гюльханданян А., указ. соч., стр. 90.

¹⁹² См. Балаев А., указ. соч., стр. 103–104.

¹⁹³ См. Suny R. G., *The Baku Commune 1917–1918, Class and nationality in the Russian revolution*, 1972, Princeton, Newjersey, p. 86.

На состоявшемся 1 мая 1917 г. в Москве мусульманском съезде тот же Г. Расулзаде уже требовал автономии для каждой турко–татарской этнической группы, в очередной раз отложив идею объединения на будущее. «Река любой нации, – говорил он, – должна течь по своему руслу. Но настанет день, когда все турецкие реки сольются в один поток и вольются в одно большое турецкое море»¹⁹⁴.

Состоявшийся осенью 1917 г. в Казани Второй мусульманский съезд, нарушив все границы умеренности и нейтральности в отношении Временного правительства, принял решение, согласно которому предполагалось не ждать созыва Учредительного собрания и безотлагательно реализовать право наций на самоопределение. Съезд поручил Мусульманскому солдатскому конгрессу начать формирование отдельной мусульманской армии¹⁹⁵.

Более того, в случае, если бы российское правительство стало создавать препятствия этому процессу, съезд оставлял за собой право «не подчиниться и, исходя из крайней необходимости, иметь собственные вооруженные силы»¹⁹⁶.

Турецкое официальное сообщение представило большевистский переворот 1917 г. в том свете, что «большевики осуществили переворот, захватили власть и стали плясать в церквях»¹⁹⁷. Весь вопрос заключался в том, что «дьявольские хитросплетения москвитов» соответствовали целям турок¹⁹⁸. Наиболее приоритетной из этих целей было освобождение турецко–татарского населения от России и объединение с Турцией. Позднее ради этой основной цели Турция пожертвовала союзом с Германией и начала широкомасштабное продвижение на Закавказье.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ См. Suny R. G., указ. соч., стр. 86, а также Меликян В. Г., Февральская революция 1917 г. и Армения, Ереван, 1997, (на арм. яз.).

¹⁹⁶ См. Зареванд, указ. соч., стр. 111.

¹⁹⁷ См. Там же, стр. 112.

¹⁹⁸ См. указ. соч.

И в этой многомиллионной турко–татарской массе первыми скинули маску восточно–кавказские татары. 9–12 ноября 1917 г. в Баку прошло совещание национальных мусульманских комитетов Закавказья во главе с «Мусават». На нем было решено без промедления созвать Учредительное собрание – с целью создать автономный Азербайджан¹⁹⁹. В 1918 г. под воздействием турецкого нашествия самой любопытной чертой поведения закавказских татар стало то, что ими овладела идея не просто отделиться от России, а сдать самим и сдать всё Закавказье Турции. «Наконец Азербайджан достиг своей цели», – осенью 1918 г. в елизаветпольской мечети сказал глава правительства Ф. Хан–Хойский Нури паше, командующему турецкого войска, взявшего Баку. Достоинно внимания и замечание Зареванда (Завена Налбандяна) о том, что «Тюркизм – это антирелигиозное движение, он борется против ислама, поворачивая турка от Мекки к Алтаю»²⁰⁰.

С целью проведения тайной пантуранской деятельности среди мусульман Закавказья по инициативе младотурок была создана организация под названием «Особое кавказское управление» во главе с Гасаном Рушеном. Последний, приехав в Баку в начале марта 1918 г., создал агентурную сеть и установил связь с протурецкими элементами Туркменистана, Восточного и Северного Кавказа²⁰¹.

Более того, о пантюркистских действиях, которые развернули в Баку офицеры генштаба турецкой армии, прошедшей через Иран на Кавказ, стало известно из рапорта от 24 января 1918 г. старшего лейтенанта Дезидора Бранднера – военнопленного, вернувшегося из Баку в Германию. В нем говорилось, что «турецкие офицеры работают с мусульманским национальным ко-

¹⁹⁹ См. Рзаева Г., Революция в Закавказье (1917–1918 годы), Віче № 6, 2010.

²⁰⁰ Зареванд, указ. соч., стр. 100.

²⁰¹ См. Swietochowski Russian–Azerbaijan. 1905–1920. Cambridge, 1985, p. 119–120, по: Степанян Г., История армян города Баку, Ереван, 2011, стр. 349 (на арм. яз.).

митетом в направлении создания на Восточном Кавказе мусульманской государственности»²⁰².

В начале 1918 г. Энвер–паша в условиях строжайшей секретности начал разработку плана взятия Баку. Сначала он поделился своим замыслом только с председателем Государственного совета и министром юстиции Турции Халил–беем. Его невозможно было игнорировать еще и потому, что его кандидатура как руководителя предлагалась для участия в переговорах с правительством независимой республики Закавказья.

Позже Энвер–паша доверил свой план и Великому визирю Талаату–паше, а разработку военной части плана поручил брату Нури–паше, который приходился дядей Халилу.

Таким образом, бакинская операция должна была стать для Энвера и его родственников в своем роде «семейным» делом.

Суть плана состояла в следующем: Нури–паша должен был через Атрпатакан (Южный Азербайджан) выйти в Восточное Закавказье (так называемый Северный Азербайджан) и там из мусаватистских отрядов и бывших турецких военнопленных сформировать Кавказскую мусульманскую армию или Кавказскую армию Ислама.

Одновременно турецкая регулярная армия, продолжая захват Закавказья, должна была через Грузию войти в «Азербайджан» и установить связь с турецкой разведкой и мусульманскими силами Северного Кавказа.

Понятно, что в содержательной основе плана лежал пантюркизм, согласно которому турки намеревались захватить не только Закавказье, но и Северный Кавказ, Прикаспийские районы, Поволжье и Среднюю (Центральную) Азию.

С целью реализации плана 22 марта 1918 г. Нури–паша выехал из Стамбула и доехал до Мосула 12 апреля, когда мусаватистское восстание в Баку уже было подавлено²⁰³.

²⁰² См. Аветисян Г., Армянский вопрос в 1918 г., Ереван, 1997, стр. 157 (на арм. яз.).

²⁰³ См. Лудшувейт Е. Ф., Турция в годы Первой Мировой войны 1914–1918 гг., Москва, 1966, стр. 174–175.

Советский азербайджанский историк Г. Алиев детально отмечает, что из штаба 6-й турецкой армии, дислоцированной в Мосуле, Нури-паша перебрался в Южный Азербайджан. Там с Нури-пашой, Халил-пашой и мусаватистами было достигнуто согласие в том, что последние устроят восстание в Баку и тем самым помогут туркам в захвате Азербайджана²⁰⁴.

В связи с этим довольно примечательный материал предоставляет руководство исполкома Совета иранских армян Тифлиса.

Так, в конце января – начале февраля 1918 г. стало ясно, что в Джульфе появился некий «еврейский герцог», якобы по происхождению чеченец, которому удалось получить от Закавказского комиссариата должность комиссара Джульфы. Он сформировал турецкий добровольческий отряд и пытался спровоцировать в районе Джульфы армяно-турецкие столкновения, погромы, вывести из строя железнодорожные пути, разоружить движущихся по этой дороге русских солдат. Чтобы убрать из Джульфы этого деятеля, сильно напоминающего, по нашему мнению, известного Лоуренса Аравийского, иранское руководство направило 200 всадников²⁰⁵.

В документе «Разъяснения исполнительного органа» от 6 февраля 1918 г. секретарь исполкома Совета иранских армян Тифлиса В. Меграбян извещает, что главари иранской демократической партии «Амрун» под влиянием засланных с Кавказа панисламистских-пантюркистских агентов, «не столь искренни в отношении к армянам»²⁰⁶. Даже больше, в Атрпатакане власть была в руках этой партии, которая «ныне действует в согласии с партией кавказских мусульман «Мусават». А отношение этой партии к армянам, – заключил армянский деятель, – совершенно понятно»²⁰⁷.

²⁰⁴ См. Алиев Г. З., Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.), Москва, 1972, стр. 319.

²⁰⁵ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, II ч., лл. 232–236.

²⁰⁶ См. там же, лл. 237–238.

²⁰⁷ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, II ч., лл. 237–238.

В этом документе раскрывается еще одна составляющая пантюркистского плана. Оказывается, сардар Маку вступил в переговоры с турецким правительством и пришел к предварительному согласию: сардар должен восстать против иранского правительства, провозгласить себя правителем Атрпатакана – под гегемонией Турции. К 3000 его вооруженных солдат должны были присоединиться еще 5000 бойцов.

Деятели Совета иранских армян предлагали три основных пути борьбы с сардаром Маку:

а) объяснить персидскому правительству его сепаратистские устремления и помешать этому; б) прийти к согласию с Намоханом и помочь ему в вопросе свержения сардара и заменить его; в) конфисковать принадлежащие сардару миллионы, хранящиеся в Ереванском филиале Российского государственного банка – если только он не перевел их к себе в другой банк.

Кроме того, они советовали, чтобы представитель местной епархии Армянской Апостольской церкви отец Арсен был приглашен в Тифлис и лично доложил о реальной ситуации в Маку²⁰⁸.

В контексте мартовских событий в Баку мы считаем важным отметить и докладную записку «Атрпатаканская демократия», написанную под псевдонимом «Ученик» и отправленную штабс-капитану Матиняну 14 марта 1918 г.²⁰⁹ Фактически этот документ – весомое доказательство того, что в результате Российских революций 1905 и 1917 (Февральской) годов, в Иране, в частности в Атрпатакане, активизировалась так называемая демократия, а на деле – пантюркизм.

Атрпатаканский филиал «Мусават» описывался следующим образом: как и кавказские татары, так и их атрпатаканские соплеменники, маскируясь под демократов, главным образом стремились реализовать панисламистские планы и подвергались германо-турецкому влиянию. «Благодаря отходу русских войск из Персии, в частности из Атрпатакана, – пишет автор, – открылась широкая перспектива для германских и турецких агита-

²⁰⁸ См. там же.

²⁰⁹ См. там же, лл. 271–276.

торов, которые буквально кишели повсюду, причем беспрепятственно. Вместе с ними стали появляться и те беглые демократы и недемократы, которые со входом русской армии в Атрпатакан вошли в конфликт и сбежали в Турцию»²¹⁰.

Большую часть их составляли представители крупного помещичьего землевладения. Один из них, тебризец Али Ага взял на себя роль «шефа демократов» Атрпатакана и при германотурецком содействии стремился отделить Атропатенскую губернию от Ирана, присоединить к нему татаронаселенные районы и создать Большой Атрпатакан под гегемонией Турции.

В 1918 г. в Тифлисе появилась делегация Али-аги, состоящая из нескольких известных мусаватистских деятелей и офицеров персидской жандармерии. Пробыв в Тифлисе месяц, делегация неоднократно встречалась с руководителями «Мусават», посетила Закавказский комиссариат. Основной целью этих встреч было получить право на владение огромного имущества, оставленного русской армией в Атрпатакане, а также выяснить, признаются ли армяно-ассирийские роты в Урмии и Салмасте в качестве военных подразделений, подведомственных Комиссариату.

Прямым результатом этих переговоров стали, с одной стороны, погромы ассирийцев Урмии, с другой – попытка завладеть оставленным русскими имуществом в Шараф-хане, что, впрочем, хотя и частично, но удалось.

Ранее, запугав губернатора Атрпатакана, русофила Рашида аль-Малики, так называемые «демократы» сначала смогли сместить его ставленника – персидского консула Тифлиса Шерифа аль-Довлети, назначив перса по происхождению, крупного помещика Мохташама-уль Аслылтане. Последний стал слепым орудием в руках демократов и осуществлял пантюркистские планы мусаватистов: а) сменил всех градоначальников крупных городов и населенных пунктов, назначив более желательных чиновников; б) оградил Джульфу от угрозы кавказских военных (большевизированных – В. М.), создавая серьезные препо-

²¹⁰ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, II ч., лл. 271–276.

ны и угрожая применением оружия; в) закрыл железнодорожный путь Маку и пытался установить контроль над линией Джульфа–Тебриз–Шарафхана, а также над флотом озера Урмия; г) пытался всяческими угрозами разоружить местное христианское население. Автор пишет в заключение, что влияние «демократов» оказалось столь сильным, что «мусаватистам–демократам» стал подчиняться даже персидский престолонаследник²¹¹.

Нам думается, именно политикой местного филиала «Мусават» объясняется, в частности, геноцидальная политика в отношении армянства Карабаха.

Предводитель Армянской епархии Атрпатакана епископ Нерсес 13 января 1918 г. телеграфировал Персидскому шаху о тяжелом и опасном положении 30 армянских сел Карабаха: «ханы грабят, угрожают моему народу, поджигают имущество»²¹².

7 февраля 1918 г. епископу ответил министр иностранных дел Персии Мусавер–уль Мамелик, отметив, что имперское правительство «неизменно и всегда с заботой относилось к своим подданным армянам во имя их безопасности и отныне также не перестанет выказывать такую заботу и реальную безопасность»²¹³.

В борьбе за власть в Баку для «Мусават» возникали серьезные препятствия. По Б. Ишханяну, «одной из таких трудностей было то, что так называемая Советская власть все больше усиливалась и руководящими функциями наделялась в тех местах, где мусульмане чувствовали себя наиболее комфортно, как дома»²¹⁴.

Автор аргументировал это тем, что в мусульманской среде Закавказья торговая и, в частности, промышленная буржуазия находилась еще в зародышевом состоянии. «Единственный центр мусульманской буржуазии – это Баку, – писал он, – где

²¹¹ См. там же.

²¹² См. Арагат, Св. Эчмиадзин 1918, январь–март, № 1–3 (на арм. яз.).

²¹³ См. там же.

²¹⁴ Ишханян Б., Контрреволюционное движение в Закавказье, Баку, 1918, стр. 171 (на арм. яз.).

турецкий капитал в промышленной жизни убывает, вместо того чтобы расти, уступая место более сильным соперникам»²¹⁵. Прав Г. Степанян, утверждая, что финансовый капитал не превращался в промышленный, что давным-давно имело место у европейских и армянских торгово-промышленников²¹⁶.

В контексте мировой войны планы немцев и младотурок совпали в борьбе с Россией и объективно нацелились на армян. Различные проблемы накануне войны, касающиеся стран Четверного союза и особенно шпионско-разведывательной сети младотурецкого правительства, разрушительной деятельности военной агентуры, пантюркизма, подготовки к войне – все это достаточно основательно проанализировано в трудах широкого круга историков, в том числе и в исследованиях советских армянских историков²¹⁷.

2.2. НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА БАКУ: ПОЗИЦИЯ АРМЯНСКИХ КРУГОВ И «МУСАВАТ»

Пробольшевистский совет, избранный в результате второго краевого съезда Кавказской армии (10–23 декабря, Тифлис), переехал в Баку и тем самым укрепил позиции Бакинского совета. 15 декабря 1917 г. в зале Бакинской городской думы состоялось

²¹⁵ Там же, стр. 177–178.

²¹⁶ См. Степанян Г., История армян города Баку, стр. 348.

²¹⁷ См. Зареванд, Турция и Пантуранизм, Париж, 1930, Ереван, 1991 (на арм. яз.); Лудшувейт Е. Ф., Турция в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг., Военно-политический очерк, Москва, 1966, Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 году, Ереван, 1970, (составитель Х. А. Бадалян) (на арм. яз.); Пипия Г. В., Политика Германии в Закавказье 1918 году, Сборник документов, Тбилиси, 1971, Алиев Г. З., Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.), Москва, 1972, Казинян А., Полигон “Азербайджан”, Ереван, 2011, Арутюнян А. О., Турецкая интервенция в Закавказье в 1918 г. и бон самобороны, Ереван, 1984 (на арм. яз.); Шаан Натали, Тюркизм от Анкары до Баку и турецкая ориентация, Ереван, 1992 (на арм. яз.); Аветисян Г., Армянский вопрос в 1918 г., Ереван, 1997 (на арм. яз.); Князян Д., Кавказская политика Азербайджанской демократической республики в 1918–1920 гг., Ереван, 2008 (на арм. яз.).

чрезвычайное заседание городских избирателей, на котором председательствовал эсер Сако Саакян²¹⁸. Основным вопросом повестки была задача захвата власти местным Советом с. и р. депутатов. Это объяснялось также беспрецедентной активизацией беспорядков в городе, о чем на заседании сказал также бакинский градоначальник Илюшкин. Он считал, что право на высшую власть в городе должно принадлежать городской думе, действующей по демократическим принципам, и если Совет с. и р. депутатов считает себя высшим представителем, то в этом случае ему должна делегироваться исключительно контрольная роль, а не вся власть в городе²¹⁹. А издававшиеся Баксоветом приказы и постановления преследовали именно эту цель – взять в свои руки всю власть. С речью выступил также начальник милиции и член городской управы Варшамян. От имени организации «Единство» Фролов поднимает вопрос: является ли Городская дума единственным органом городской власти и если параллельно принимается власть Закавказского комиссариата, стало быть, говорить о новой власти бессмысленно. Попытку бакинских большевиков взять власть он характеризовал как «двоевластие» и осуждал ее. Большевик А. Джапаридзе обосновывал тактику партии тем, что «большевики не сегодня и не вчера защищали лозунг “вся власть Советам!”, но если мы не переходили к действенным шагам в Баку, то причина была только в том, что мы учитывали местные условия и окружающую нас реальную силу»²²⁰. Социал-демократ, меньшевик А. Айолло предлагал сформировать объединенную власть всех революционно-демократических организаций города, что, естественно, противоречило планам большевиков. Чрезвычайно любопытна позиция дашнака Арт. Чилингаряна, который при отсутствии сильного центрального правительства исключал жизнедеятельность городской думы без полного содействия Советов с. и р. депутатов. К этому он прибавлял также необходи-

²¹⁸ См. «Арев», 1917, 19 декабря, № 259.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же.

мость участия «национальных советов, представляющих реальную силу – армянских, мусульманских и других местных демократических сил»²²¹. Развитию событий посвятил статью Саркис Араратян. Он считал, что высшей обязанностью нового Совета – хотя бы в Закавказье – должно стать смягчение взаимоотношений революционно–социалистических элементов, равно как и прекращение гражданской войны между социалистическими силами²²².

2 марта 1918 г. тайно вернувшийся из Тифлиса Ст. Шаумян выступил с речью на Баксовете и удостоился бурного приема. Была принята соответствующая резолюция против деятельности Закавказского Сейма и в частности – решения последнего об отделении от России. Вместе с тем исполкому было поручено созвать съезд советов всего Закавказья и принять решительные меры – особенно относительно формирования советской Красной армии. За резолюцию проголосовали 121 большевик, левые эсеры и дашнаки – при 16 «против» и 32 воздержавшихся. В основном «против» проголосовали меньшевики, а эсеры и мусаватисты от голосования воздержались²²³. Еще 6 января заседание Комиссариата заслушало доклад Кантемирова – о предложении Бакинского совета, который ходатайствовал, чтобы военному совету было дано право назначать собственных комиссаров в правительственных учреждениях, а также выдавать оружие для комплектации Красной гвардии²²⁴.

Сложность задачи состояла в том, что создание воинских частей исключительно из русских и армян породило бы трудности. Большевики стремились вовлечь в состав интернациональных полков татар и представителей других национальностей. Влияние «Мусават» среди татаро–мусульманских масс затрудняло этот процесс: одновременное вооружение мусульман ввергало в панику рабочих и солдат, находящихся под влиянием

²²¹ «Арев», 1917, 19 декабря, № 259.

²²² См. там же, 22 декабря, № 262.

²²³ См. Ратгаузер Я., указ. соч., с. 126.

²²⁴ См. НАГ, ф. 1, оп. 2, д. 12, л. 11.

эсеров – то есть среди преимущественно русского и армянского населения. Параллельно с укреплением власти Бакинский совет решил и проблему переформирования милиции. Во время заседания 22 февраля на основании выступлений главы левых эсеров И. Сухарцева и большевика А. Джапаридзе было решено «подчинить милицию исключительно ведению совета»²²⁵.

Грузинские меньшевики немедленно использовали существующий в Баку национальный фактор и представили назревавшую конфронтацию как армяно–турецкую войну. Н. Жордания и И. Церетели направили подписанное ими письмо в центральный комитет меньшевиков, в котором мы читаем: «В борьбе против турок нас особенно удерживает политика большевиков в Баку. Для взятия власти большевики использовали здесь национальный конфликт. Гражданская война, которую вели в России большевики, в Баку была превращена ими в межэтническую резню»²²⁶.

Цели большевиков были известны и просты, однако позиция меньшевиков была поистине многозначна.

В своем отчете от 13 апреля 1918 г., направленном Совнарком, Ст. Шаумян характеризовал позицию меньшевизма в активизации Баку и мусульманства следующим образом:

«Бековская, ханская интеллигенция, закрепившаяся в Елизаветполе, в Тифлисе, в последнее время чрезвычайно активизировалась в Баку – благодаря трусливой и подлой политике меньшевиков. Если бы они победили в Баку, то город провозгласили бы столицей Азербайджана. Мусульманский элемент стал бы хозяином положения во всем Закавказье. Если исходить от их политической цели – отделение Закавказья от России и подчинение его турецкому протекторату, то понятно, что их победа в Баку будет означать для России потерю Закавказья. В Закавказском Сейме меньшевики уже пошли на уступки «Мусават» и согласились провозгласить Закавказье независимой республикой. Это не удовлетворило Турцию, которая уже приготовилась

²²⁵ См. Ратгаузер Я., указ. соч., с. 133–134.

²²⁶ Документы Музея революции Азербайджана, по Ратгаузер Я., указ. соч., стр. 134.

в поход против Закавказья. А это нашествие Турции непременно было бы связано с мусульманскими выступлениями в Закавказье, взятием власти в Баку и др.»²²⁷

На заседании бакинской организации партии эсеров 4 марта эсер С. Саакян был вынужден отметить, что политика «закавказских меньшевиков неприемлема для социалистической партии». Обвинив меньшевиков в особом отношении к советской власти, эсер Л. Атабекян заявил: «В эти дни я потерпел тяжелое поражение – не от вас (имеются в виду эсеры – В. М.), а от реальности. Все разговоры о мире, все заявления обернулись фальшивым политиканством. Турецкие войска наступают – и выхода нет. И ныне наше положение таково: *если советская власть и может дать что-нибудь, то настоятельно просим – пожалуйста, желаем ему удачи*»²²⁸. (выделено мной – В. М.) Даже у многих из бакинских меньшевиков вызвала недоумение двуличная тактика их тифлисских коллег.

Пораженческое признание Л. Атабекяна, продиктованное действительностью, заключало в себе содержание не только мартовских событий в Баку, но и проблемы советизации Закавказья. Сложность и противоречивость внутривосточных проблем в каком-то смысле навязывало укрепление и становление этой чужеродной власти. В мутных водах этих противоречий и пытались извлечь для себя выгоду грузинские меньшевики.

«Меньшевизм, одурев от самовлюбленности и кичась случайным лидерством своей позиции нейтралитета, все более расправляет крылья, чем дальше тем больше забываясь и теряя скромность», – писал В. Хорени в статье «Самовлюбленный меньшевизм»²²⁹. Дашнакский деятель по праву отмечает, что грузинская социал-демократия продолжает этот политический маскарад с одной целью – «скрыть собственный шовинизм и спасти свою политическую гегемонию, и поскольку благодаря внешним и совершенно случайным географическим обстоя-

²²⁷ См. НАА, ф. 1437, сп. 1, д. 228, лл. 2–6.

²²⁸ Знамя Труда, Баку, 1918, № 20, по Раггаузер Я., указ. соч., стр. 135.

²²⁹ «Ашхатавор», 1918, 21 марта, № 29.

тельствам грузинской национальной социал–демократической партии выпала роль «нейтрального третьего» в несчастных армяно–грузинских отношениях, посему она и продолжает играть в «социалистичность» и «интернационализм» ради спасения своей мефистофелевской «нейтральной» роли. Скрытые националисты жордании ничтоже сумняшеся объявляют нас «национальной» – националистической партией»²³⁰. Особо хотим отметить вывод, к которому пришел В. Хорени в вопросе борьбы за власть в Закавказье. «И так без конца и в любом случае, – пишет автор, – и только потому, что мы до сих пор (волей или неволей) шли *вместе* с меньшевизмом и, к сожалению, за ними (выделено мной – В. М.) и способствовали его политической гегемонии, его «революционной» диктатуре в Закавказье... (выделено мной – В. М.). Меньшевистский национал–демократизм пользуется нашей мягкостью и тяжелым положением и злоупотребляет нашим молчанием и терпением»²³¹.

В контексте турецкого нашествия откровенно антиармянская и антидашнакская политика грузинских меньшевиков Сейма уже в марте 1918 года, как видим, делала более открытыми и решительными подходы дашнакских деятелей, в данном случае – позицию В. Хорени. Тем самым опровергается предложенное, например Р. Тер–Минасяном и в дальнейшем заимствованное многими дашнакскими деятелями и другими авторами понятие «тыловая политика»²³². Она предполагала факт якобы стабильного сотрудничества между дашнаками и армянскими большевиками Баку – причем инициированного АРФД. Мартовское сближение АРФД с бакинской советской властью – в лице Ст. Шаумяна, следует объяснить именно признанием В. Хорени. Терпя неудачи и поражения почти во всех вопросах

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² См. Хуршудян Л., Советская россия и Армянский вопрос, Ереван, 1977 (на арм. яз.); Пирумян Р., Армения в сфере отношений АРФД – большевики (1917–1921), Ереван, 1997 (на арм. яз.); Оганесян М., Отношения АРФД – большевики в Закавказье в 1917–1918 гг., Автореферат диссертации, Ереван, 2009 (на арм. яз.).

послеоктябрьской военно–политической и партийной борьбы, в качестве противовеса хотя бы грузино–татарскому союзу дашнаки усматривали реальный, но временный фактор проармянской советской власти Баку – он воспринимался как единственно возможная сила против турецкой агрессии.

В этом смысле временный союз «Дашнакцутюн» и Баксовета был второй попыткой – после провала плана Ст. Шаумяна, по взятию Тифлиса²³³. Он предполагал некую взаимовыгодную сделку, когда в результате взаимодополнения национальных и марксистко–ленинских тактик в Закавказье, победили бы армянские интересы. И именно в этом смысле «тыловая политика» была искусственной и односторонней. Налицо было вынужденное и продиктованное требование собственных интересов со стороны обеих политических сил. Увы, но последовательное применение этого требования, на наш взгляд, непременно должно было иметь определенные проармянские последствия.

Глубокий и трезвый анализ проблемы мы видим и в размышлениях главного оппонента «Дашнакцутюн», одного из видных деятелей армянской эсеровской организации Аршама Хондкаряна. Он писал: «В Закавказском комиссариате, в лице его ответственных представителей (членов Бюро), он присоединился к меньшевикам и эсерам и утвердил приказ об аресте Ст. Шаумяна, а руками нескольких ответственных деятелей (тоже членов Бюро) он организовал нелегальное проживание того же Ст. Шаумяна в Тифлисе и безопасный побег в Баку. Многие склонны были видеть в этих действиях некую «высокую дипломатию». *Я думаю, правильнее было бы следующее простое объяснение: партия «Дашнакцутюн» так и не выработала твердой и определенной точки зрения на то, что более выгодно армянскому народу – советизация Закавказья (по примеру Баку) или его самоопределение под смешанной армяно–татаро–грузинской властью? Не сумев определиться и выйти из этой дилеммы, «Дашнакцутюн» пыталась маневрировать и направ-*

²³³ См. подробно Меликян В., Проблема власти в Закавказье, стр. 212–247.

лять корабль то к одному, то к другому берегу, с условием остановиться наконец в меньшевистской гавани»²³⁴. (выделено мной – В. М.).

Оставив в сторону партийные разногласия, бесконечную нетерпимость, возникающую на этом этапе, армянская национальная партия фактически молча глотала преступление Комиссариата, обличения Ст. Шаумяна в связи с Шамхором и Елизаветполем. В вопросе русского солдата – защитника Западной Армении, партия проявляла, к сожалению, недолгое и неустойчивое согласие. Дашнаки не могли не принять поставленный Ст. Шаумяном тезис: «Закавказье имеет право получить часть этого оружия для защиты фронта, но это оружие может быть дано только при согласии центрального правительства и не должно попасть в руки национальных советов, каковым является, к примеру, бекский мусульманский национальный совет Гандзака, или же в руки находящейся под их руководством разбойничьей банды»²³⁵.

В столь политизированном вопросе разоружения Кавказской армии, «Дашнакцутюн» не проявила сплочения даже в апреле 1918 г. Если в конце 1917 г. и январе–феврале 1918 г. в противоречивых, томительных условиях ликвидации Кавказского фронта и появления декрета «О Турецкой Армении» партия «Дашнакцутюн» не могла сориентироваться, определиться, избегала делать решительные шаги, особенно в вопросе Комиссариата, то весной 1918 г., когда турки захватили Западную Армению и вошли в Карс, часть руководства партии в марте, во–первых, попыталась вместе с большевиками защитить Баку, а затем во время совещания в Александрополе попыталась вернуть хоть какую–нибудь часть упущенного.

Так, последние отряды солдат русского экспедиционного корпуса, находящегося в Иране в начале апреля должны были пройти по линии Давалу (Арабат) – Александрополь. Дашнаки

²³⁴ См. Хондкарян Аршам., Оппозиция в Республиканской Армении, (на арм. яз.), Всм (Камень алтаря), Париж, 1933, № 2, с. 73.

²³⁵ См. там же.

– члены Сейма, во время совещания в Александрополе выдвинули требование – разоружить русских солдат. Было принято решение на одном отрезке пути из Александрополя в Ани разобрать рельсы и перекрыть путь эшелонов. Об этом Ал. Хатисян в присутствии участников совещания сообщил Андранику (Озанян – *В. М.*), попросив его высказать свое мнение. Андраник, верный своей неизменно русской ориентации, возмущенно высказался против и воскликнул: «Вон наш вековой враг (имея в виду Турцию – *В. М.*), его и разоружайте! Татары перед Гандзаком перебили возвращающихся домой русских солдат, а остальных вы хотите уничтожить?! Из-за нескольких ружей?! (имея в виду падение Эрзерума – *В. М.*). Лучше бы я сюда не приходил и не услышал это горькое решение»²³⁶.

В этих же событиях иной подтекст пыталась найти газета «Мшак» – в лице своего редактора Г. Аракеяна. В статье «Мы должны ухватиться за государственную политику» он ставил знак равенства между разоружением русских эшелонов и истреблением солдат и программой создания «национальных правительств» в Закавказье. Национальным советам, которым Аракеян оставлял лишь право внутреннего управления, он противопоставлял идею «сильного общегосударственного правительства». В условиях явной угрозы армянскому народу «неуместно думать о национальном правительстве», – писал автор²³⁷.

Руководитель Армянской народной партии также был уверен, что «когда на линии Тифлис–Гандзак–Евлах руками турок и грузин были разоружены русские эшелоны, это должно убедить нас, что программа национальных правительств неуместна – во всяком случае, сейчас ... план разоружения русских эшелонов привел к ужасающему результату, положив начало настоящей катастрофе. Эти бесполезные жертвы будут взывать к возмездии устами своих близких, так что мы находимся под террором более кровавых событий»²³⁸. Как видим, нетерпимая к

²³⁶ НАА, ф. 4047, оп. 1, д. 213, лл. 26–27.

²³⁷ «Мшак», 1918, 21 января, № 14.

²³⁸ «Мшак», 1918, 21 января, № 14.

«Дашнакцутюн» партия в этом вопросе почему-то не обвиняла дашнаков. Угадав антиармянскую направленность этих событий, Г. Аракелян одновременно впадал в противоречие, когда предлагал создать в Закавказье «общее, общегосударственное правительство», что принуждало «ухватиться за государственную политику».

Тот же «Мшак» 1 февраля в статье «Ко вниманию национального совета» писала совершенно обратное, теперь уже защищая от социалистов национальные советы, в частности – межнациональный солдатский совет, в составе которого были член АНП М. Пападжанян (а также член АРФД М. Арзуманян и социал-демократ, меньшевик С. Пирумян). Дашнак М. Арзуманян, преувеличив факт М. Пападжаняна, заявил в краевом совете, что «власть должна принадлежать только революционным центрам, что национальные советы контрреволюционны и их надо распустить». Газета «Мшак» совершенно справедливо возмущалась тем, что М. Арзуманян так высказывается, когда большинство Армянского национального совета составляли члены партии «дашнакцутюн», так что требовал объяснения и от Национального совета²³⁹.

Шамхорские события, продолжающиеся мусульманские волнения – и не только в Восточном Закавказье, но и тревожное безвластие в Ереванской губернии, толкали эту часть армянства к консолидации, к новому уровню организованности.

Эту же цель преследовало также состоявшееся 18 февраля в Баку общее собрание уездных комитетов проживавших в Баку армян Шемахи и Гёкчи – из Гандзакского уезда и Бакинской губернии²⁴⁰. Разъяснения относительно целей этого собрания дал председатель бывшего исполкома проживающих в Баку армян Гандзакского уезда Саркис Араратян. В условиях тяжелейших вызовов, возникших перед армянским народом, порожденный Февральской революцией демократический национальный орган нуждался в реформировании. По предложению Бакинского

²³⁹ Там же, 1 февраля, № 23.

²⁴⁰ См. «Арв», 1918, 22 февраля, № 41.

национального совета, 4 февраля на первом организационном собрании уездных представителей Гандзака было принято решение реформировать состав бывшего совета и ввести туда представителей армян двух других уездов – Шемахи и Гёкчи. С этой целью были проведены выборы, и на этом собрании уже участвовали делегаты десяти уездов. И поскольку новый совет ограничивался не только Гандзакским уездом и включал вообще армянонаселенные районы Восточного Закавказья, то С. Араратян предложил назвать новый совет «Советом живущих в Баку армян Восточного Закавказья»²⁴¹. Он считал исполком прежней организации ликвидированным и призывал сформировать новый. О мотивационных причинах организации доложил и председатель прежнего совета, видный общественно-политический деятель, эсер Левон Атабекян²⁴².

После этого председателем собрания был избран специфик (Социал-демократическая армянская рабочая организация; специфики – определение В. Ленина – В. М.) Д. Ананун (Давид Тер-Даниелян), предложив ряд организационных задач. До обсуждения этих задач собрание выразило желание заслушать доклады прибывших из уездов представителей. Слово взял градоначальник Шуши Г. Мелик-Шахназарян и отметил, что добрососедские отношения между армянами и турками Карабаха «нисколько не испортились». Он подчеркнул, что «беспорядки на перекрестке Шуши-Евлах – дело рук нескольких преступных банд, и они никогда не носили характер народных», что возвращавшимся через Шуши русским солдатам была оказана денежная помощь, однако их разоружили на станции Барда²⁴³. На следующих заседаниях реформированный состав исполнительного комитета был докомплектован заместителями и казначеем. Избрали двух вице-председателей – Ал. Пароняна и Ар. Аракеляна, и казначея – Г. Тер-Аракеляна. Были сформированы и рабочие группы (финансовая, внутренней организации),

²⁴¹ См. там же.

²⁴² См. там же.

²⁴³ См. там же.

а также секция межнациональных отношений в составе пяти человек, в основную обязанность входило сохранять тесные отношения с местными мусульманскими организациями. Не исключалась также помощь последней в продовольственном вопросе. Поскольку председателем исполкома организации проживающих в Баку армян Восточного Закавказья был Д. Ананун, то исходя из его тактики, было принято решение: призвать рабочий класс всемерно содействовать уездным национальным земляческим комитетам – с целью поставить их финансовые средства «на широкую земляческую основу». В вопросе расходов и определения размера податей уездным комитетам давалась свобода действий²⁴⁴.

Что касается включения в состав Бакинского совета представителей «Мусават», то позднее большевистские деятели признались, что привлечение «Мусават» было ошибкой, да еще при том, что в отличие от власти Баку, в Сейме не было представителей рабочих–мусульман.

А. Айолло, представляющий левое крыло бакинских меньшевиков, на конференции бакинской организации сообщил, что разрешение участия «Мусават» в составе правительства ускорило бы процесс разделения и расслоения среди мусульман²⁴⁵. Иными словами, в качестве лучшего способа вывести мусульманские массы из–под влияния «Мусават» рассматривалось их присутствие «перед глазами», в данном случае – в составе правительства. И вновь игнорировалось одно важное обстоятельство: устроившаяся в Закавказском правительстве «мусульманская демократия» развернула широкомасштабную антигосударственную деятельность в Елизаветпольской губернии и готовилась нанести решительный удар по Баку – при поддержке Турции. Когда конфронтация между Советской властью Баку и помещиками–татарами Елизаветполя стала очевидной, местные меньшевики молча согласились и одобрили факт разрома Совета.

²⁴⁴ См. там же; 6 марта, № 48.

²⁴⁵ См. Ратгаузер Я., указ. соч., стр. 135.

Существенной предпосылкой роли «Мусават» в мартовских событиях было и то обстоятельство, что в конце 1917 г., после формирования Сейма, неоспоримое влияние этой партии вызвало реальные изменения среди мусульманской общественности. Начался некий процесс: мусульмане–большевики стали отзывать из Бакинского совета мусаватистских депутатов. Если в конце декабря 1917 г. из 191 депутата Баксовета у «Мусават» был 21 человек, то в конце марта 1918 г. из 308 депутатов – только 22 мандата²⁴⁶. Подобное перераспределение сил объяснялось главным образом усилиями левых эсеров, особенно воздействием партийной прессы. Отсутствие турецкой поддержки угрожало идее национального сплочения татар Кавказа, тем более что в сфере партийной конкуренции «Мусават» терпела поражение от эсеров и большевиков. Следует выделить также то обстоятельство, что внутри этих влиятельных партий существенная роль принадлежала армянским деятелям.

На 1 января 1918 г. число депутатов реорганизованного Баксовета достигало 300, которые распределялись следующим образом: большевиков – 60 человек, дашнаков – 55, мусаватистов – 52, левых эсеров – 50, правых эсеров – 45, членов иных партий – 12. Со своей стороны совет избирал исполком в составе 30 человек – по 6 членов из пяти крупных партий.

Армянских деятелей от лица разных партий представляли: Саркисян (левый эсер), С. Саакян, Велунц (правые эсеры), А. Аракелян, Л. Зарафян, С. Мелик–Ёлчян, Е. Миракян, Ав. Нуриджанян (АРФД), Григорян и др.²⁴⁷ Четыре важнейших комитета Исполкома возглавляли армяне: С. Мелик–Ёлчян – финансово–технический, С. Маркарян – юридический, Саркисян – внешних отношений, С. Саакян – торгово–промышленный. Городской экономический совет, созданный вместо Городской думы, возглавлял К. Григорян²⁴⁸.

²⁴⁶ См. там же, стр. 138.

²⁴⁷ Авис Нуриджанян, общенизвестный как большевик, в то время был дашнаком.

²⁴⁸ См. Мелик–Ёлчян С., указ. соч., стр. 108.

Один из основных участников мартовских событий в Баку – Сергей (Саркис) Мелик–Ёлчян свидетельствовал о самом существенном: «Несмотря на участие в совете партии «Мусават», с первых же дней стало ясно, что он действует наперекор Совету, предаёт его и преследует одну цель – взять власть в свои руки и провозгласить независимый Азербайджан»²⁴⁹ (выделено мной – В. М.). Для достижения этой цели, в частности – захвата оружия, «Мусават» осуществлял организованные нападения на оружейный склад Исполнительного комитета Совета, но все безуспешно. В результате этого Исполнительный комитет из татарского района перевели в армянский²⁵⁰. И поскольку в качестве пути выхода из властного и экономического кризиса «Мусават» видела в вооруженном захвате власти при содействии турок, то с конца декабря 1917 г. она стала проводить политику армянских и русских погромов, грабежей, насильственной депортации немусульманского населения.

Вначале резня русских и евреев происходила в Муганской степи, Ленкорани, Сальяне, русских селениях, расположенных вдоль берега Куры – Петропавловке, Воронцовке, Дашково, Голицыно, а также в Шемахе, Кубе, Нухи, Дербенде. В одной только Муганской степи были разграблены и разрушены 30 богатых деревень²⁵¹. Волна армянских погромов распространилась в основном в районах Шемахи, Кубы, Сальяна, Дербенда и Нухи²⁵².

С этой озабоченностью 28 января 1918 г. в Армянский национальный совет и Особый комитет обратились офицеры и солдаты 4-го Армянского стрелкового полка Нухинского уезда. «Осознавая, что единственное наше спасение это сильная самоорганизация – в лице национальной армии, – говорилось в обращении, – мы считаем, что это злободневное и архиважное дело потерпит провал, если не будут предприняты меры для спасения сооте-

²⁴⁹ Там же, стр. 109.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ См. Байков Б., Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.), Архив русской революции, изд. Гессеномъ И. В., т. IX, Берлин, 1923, стр. 115.

²⁵² Степанян Г. С., указ. соч., стр. 343.

чественников, которые подвергаются насилию со стороны разбойников–татар. Нам невозможно представить, что мы можем отправиться на фронт (Кавказский фронт – В. М.) и защищать нашу общую родину, в то время как наш тыл не защищен, когда наших родственников безнаказанно убивают и грабят. Собрание солдат и офицеров требует незамедлительно направить соответствующие силы, что даст возможность армянскому населению переселиться в более безопасные провинции»²⁵³.

Протокол общего собрания полка от 14 января подписал командир – полковник Осепян²⁵⁴.

2.3. ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ «ДАШНАКЦУТЮН»–БОЛЬШЕВИКИ–«МУСАВАТ»

Параллельно с проблемой деятельности партии «Мусават», в контексте реализации предстоящих планов Бакинской власти и Ст. Шаумяна выделяется важность политики, разрабатываемой вместе с партией «Дашнакцутюн» и в отношении нее.

В этом процессе можно дифференцировать несколько направлений, в том числе и в рамках политики и отношения к Армянскому национальному совету Баку, местному комитету АРФД, а также к отдельным деятелям. Чтобы всесторонне осветить проблему, прежде всего необходимо выяснить роль «Дашнакцутюн» в общественно–политической жизни Баку, среди армянского населения города и всей губернии. В этом смысле важен процесс формирования Бакинского Армянского национального совета.

Согласно официальной статистике 1912 г., армянское население Баку и Бакинской губернии составляло 116 тысяч человек, из которых 73 351 – проживали в Баку и на нефтепромыслах²⁵⁵. По данным на 1 января 1916 г., армян было 77 166 чело-

²⁵³ НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, II ч., л. 182.

²⁵⁴ См. там же.

²⁵⁵ См. Гюльханданян А., указ. соч., стр. 93.

век²⁵⁶. В общественно–политической и экономической жизни Закавказья Баку играл ведущую, решающую роль. Выразителем национально–политических интересов армянства было местное Национальное бюро, которое вплоть до Февральской революции было филиалом Тифлисского центрального армянского национального бюро, не имея правомочий и содержания самостоятельного органа. После большевистского переворота назрел вопрос о необходимости наличия Бакинского центрального армянского национального органа – по форме аналогичной тифлисскому.

С этой целью в декабре 1917 г. В Баку состоялся ряд подготовительных собраний – с участием всех течений и партий. Выяснилось главное: в формируемом Национальном совете могут быть представлены четыре армянские партии – АРФД, Социалисты–революционеры, два армянских крыла Социал–Демократической партии и Армянская народная партия. В связи с неоспоримым влиянием «Дашнакцутюн» остальные три партии настаивали, чтобы в составе Национального совета было 7 человек, из которых четверо из АРФД, остальные трое – по одному от каждой партии. По свидетельству А. Гюльханданяна, «АРФД, имея в виду особые условия Баку, добровольно отказалась от одного голоса – в пользу представителя так называемого «драматического кружка»²⁵⁷. Прежде всего, выявилась проблема непримиримой борьбы АНП против «Дашнакцутюн» и в Баку, а затем возникал вопрос: какое крыло социал–демократов не должно быть представлено в остальных трех течениях – большевистское или меньшевистское? По меньшей мере странно, что один из ведущих дашнакских деятелей не только не разделял противоположных друг к другу меньшевиков–большевиков (в условиях борьбы за власть в Баку), но и полностью игнорировал из них одну часть, по нашему мнению – большевиков.

²⁵⁶ См. Кавказский Календарь на 1917 г., Тифлис, 1916, стр. 183, 185.

²⁵⁶ подробнее Дадаян Х., Армяне и Баку (1850–ые годы – 1920 гг.), Ереван, 2006 (на арм. яз.); Степанян Г., указ. соч., стр.343.

²⁵⁷ См. Гюльханданян А., указ. соч., стр. 99.

С той же пропорциональностью партии были распределены и в Национальном собрании. Высший орган законодательной власти, в какой-то степени – протопарламент, который состоял из 32 членов и по значению превалировал над исполнительным органом – Национальным советом, «со временем принял характер совещательного органа, между тем как Национальный совет, все более усиливаясь, стал рупором армян Баку и всего связанного с Баку армянства»²⁵⁸. То же явление было присуще эволюционированию Тифлисского армянского национального совета, что с одной стороны было следствием низкого уровня политической самоорганизации армянского общества, а с другой, было обусловлено решающим фактором – установлением гегемонии АРФД в этом обществе.

Первое заседание Армянского национального совета Баку состоялось 30 декабря 1917 г. В составе совета было 7 членов: Абр. Гюльхандянян, Ханасори Вардан (Саркис Меграбян), К. Парунакян (АРФД), Л. Атабекян (эсер), К. Тер-Казарян (с.-д., меньшевик), Г. Тер-Микаелян и С. Тер-Казарян (АНП). По данным А-До. (Ованнес Тер-Мартirosян), состав был следующим: от АРФД – А. Гюльхандянян (председатель), Саркис Меграбян, С. Араратян, от социалистов-революционеров Л. Атабекян – от социал-демократов меньшевик Н. Тер-Казарян, из АНП – Г. Тер-Микаелян, от Национального фонда – С. Тер-Казарян (всего 7 человек)²⁵⁹.

С правом совещательного голоса в состав были включены также Ростом (Степан Зорьян), О. Каджазуни и Т. Исаханян. Позднее К. Парунакяна, отбывшего в Закаспийскую область, сменил С. Араратян, Л. Атабекяна – Г. Тер-Оганян, а на посту вице-председателя – Н. Тер-Казарян и Арт. Чилингарян (Рубен Дарбинян). Председателем совета избрали Абраама Гюльханда-

²⁵⁸ См. там же.

²⁵⁹ См. А-До (Ованес Тер-Мартirosян), Рождение армянства, рукопись, Музей истории РА, отдел Новой истории, вспомогательный фонд, № 1590, л. 839/1957, стр. 704 (на арм. яз., впервые введен в научный оборот нами – В.М.), а также А-До, Рождение армянства, Ереван, 2015.

няна, секретарем – Арт. Чилингаряна. От западных армян на заседаниях Национального совета по очереди участвовали Р. Каджберуни и Запел Есаян²⁶⁰. По свидетельству С. Мелик-Ёлчяна, в Бакинском национальном органе были Большой и Малый советы: в первом было 70 членов, и созывался он в чрезвычайных обстоятельствах²⁶¹. Они имел в виду Национальное собрание Баку и совет – в качестве законодательного и исполнительного органов.

Х. Дадаян в своем труде «Армяне и Баку», опираясь на сведения из книги Л. Бабаяна и В. Акопяна «Акоп Манандян», отмечает, что председателем Национального совета был Акоп Гукасян – из известной в Баку семьи нефтепромышленников²⁶².

На разных этапах деятельности почетным председателем Совета были предстоятель Шамахинской и Бакинской епархий епископ Баграт Вардазарян, управляющим делами – историк Акоп Манандян, секретарем – Бахши Ишханян, и возможно, на короткий срок и Акоп Гукасян – в качестве председателя, вполне возможно, даже председателем Национального собрания.

У Бакинского армянского национального совета были свои вооруженные силы – 2-й резервный пехотный полк, одна стрелковая рота и отряд Амазаспа Срвандзтяна²⁶³.

Из протокола заседания Особого комитета Армении от 14 февраля 1918 г. становится ясно, что Г. Бекзадян вместе с В. Тер-Оганяном в Бакинском национальном армянском совете представляли филиал Тифлисского особого комитета²⁶⁴.

После формирования Национальный совет обратился к армянской общественности с призывом: 1. Бакинский национальный армянский совет формирует отделение Тифлисского

²⁶⁰ См. Симон Врацян, Республика Армения, Ереван, 1993, стр.165 (на арм. яз.), а также – Рубен Дарбинян, Баку, 1918, по Ростом, К 60-летию кончины, Бейрут, 1979, стр. 317 (на арм. яз.).

²⁶¹ См. Мелик-Ёлчян С., Героическая оборона Баку, с. 115.

²⁶² См. Дадаян Х., Армяне и Баку (1850–е годы – 1920 г.), Ереван, 2006 (на арм. яз.), с. 107.

²⁶³ См. Дадаян Х., указ. соч., с. 107.

²⁶⁴ См. НАА, ф. 222, сп. 1, д. 24, II ч., л. 246.

национального совета. 2. Стремится к мирной деятельности со всеми народами Кавказа. 3. Будет мирно сотрудничать со всеми революционными, государственными и национальными органами; 4. Является выразителем интересов армянского народа. В качестве принципов были приняты следующие положения: а) созданный в результате межпартийного соглашения, орган может существовать столько времени, сколько действует это соглашение; б) партии–участницы должны внести все свои моральные и материальные возможности – ради деятельности Национального совета; в) Национальный совет не имеет никакого отношения с прежними аналогичными организациями (как, например, Армянское национальное бюро), следовательно, не должно интересоваться ни их финансовой, ни политической деятельностью; г) все принципиальные вопросы должны решаться не большинством голосов, а единогласием (консенсусом). По свидетельству А. Гюльханданяна, Национальный совет постепенно приобрел характер Армянского правительства Баку и в какой–то степени «в силу обстоятельств был вынужден заменить Тифлисский национальный совет»²⁶⁵.

19 февраля появился циркуляр Бакинского национального совета, направленный Национальным армянским комитетам Туркестана, Закаспийских областей, Северного Кавказа, Бакинской губернии и Дербендского района, где давалось обоснование именно этому: чтобы районы, временно прервавшие связь с Тифлисским национальным советом по причине прекращения железнодорожного сообщения Баку–Тифлис, наладили связь с бакинским филиалом Армянского национального совета. Считалось необходимым немедленное создание новых национальных комитетов. Они должны были заниматься тремя вопросами: а) финансовым; б) военным; в) изысканием оружия. Для регулирования денежного вопроса для всех армян вводилась обязательная пошлина – прогрессивный налог²⁶⁶. Во всем

²⁶⁵ См. Гюльханданян А., указ. соч., стр. 99–100.

²⁶⁶ См. Там же, стр. 101. В ноябре–декабре 1917 г. Ростом находился поочередно в Петрограде и Стокгольме. В Стокгольме должен был быть созван

этом особенно заметна была деятельность Ростом, и не случайно Арт. Чилингарян считал его реальным руководителем Бакинского национального совета²⁶⁷.

В качестве второй важнейшей проблемы следует выделить партийный фактор – в данном случае развитие отношений АРФД–большевики и АРФД–«Мусават». Если углубиться в суть событий, то в контексте многостороннего обсуждения переломных событий в Баку, на наш взгляд, внешне кажущаяся сугубо межпартийная борьба и даже стремление к власти отойдут на второй план.

Сколько бы мы ни искали причин, все равно в основе беспрецедентного сотрудничества «большевики–дашнаки» лежит главная цель – предотвратить и провалить, наконец, установление турецко–татарской или мусаватистско–младотурецкой военно–политической гегемонии как в Баку, так и в Закавказье. В итоге, хоть и временно, но удалось добиться именно этого. Особенно относительно партии «Дашнакцутюн» было очевидно одно: ее неприкрытое стремление завоевать доминантную роль в армянском обществе все равно не закончилось бы взятием власти в крае: у «Дашнакцутюн» таких намерений не было. А в отношении большевиков это был вполне реалистичный план, поскольку у «Дашнакцутюн» не было иного выбора, кроме как уповать на Бакинскую советскую власть – в первую очередь для противостояния пантюркизму, а также обеспечения безопасности армянского населения и, наконец, с целью разрешения Армянского вопроса».

В этом плане примечательна оценка члена Бакинского русского национального совета, юриста, кадета Г. Байкова, который с позиций государственника, в какой–то степени даже русской великодержавности, пытался объяснить причину армянской по-

съезд Социалистического Интернационала, и Ростом от имени АРФД должен был представить там армянские требования. Об этом он 2 декабря извещил ЦК АРФД в США, Вем – Париж, 1938, октябрь–декабрь, стр. 91–92 (на арм. яз.).

²⁶⁷ См. Дарбинян Р., Баку, 1918, стр. 318 (на арм. яз.).

зиции. Он отмечал: «Чем больше утверждался татарский сепаратизм, тем больше в армянских кругах начинала доминировать российская ориентация. В армянах говорил инстинкт самосохранения, который подсказывал им, что территориальная изолированность грозит им смертельной опасностью от мусульманских племен и турецких братьев. Эта психологическое состояние объясняет их готовность идти даже с большевиками. Армяне открыто говорили: «Мы с русскими – хоть и большевиками»²⁶⁸.

19-ое заседание Сейма 20 января отличилось проявлением активизации особенно мусульманских депутатов, что, в частности, относилось к проблеме сотрудничества большевиков и дашнаков в бакинских событиях.

Мы разделяем следующий подход А. Сафикурдского: он также считал большевизм не интернационалистическим, а сугубо великорусским явлением, который пытался восстановить территориальную целостность имперской России в новой ипостаси и даже возродить монархию – разумеется, в виде однопартийной диктатуры. В то же время невозможно согласиться с его выводом, когда в качестве доказательства он приводит следующий аргумент: таким образом большевики и все народы вышли против мусульманства, а потому необходимо незамедлительно осуществить дело самообороны мусульман и, естественно, покончить с большевизмом²⁶⁹.

Фальшь особенно четко звучит в высказывании Г. Расул-Заде. Якобы озабоченный растущей угрозой межнациональных столкновений в Баку, он мотивирует тем, что именно по этой причине «Мусават» избегает выступлений против Советской власти и Баку²⁷⁰. Один из главных организаторов похода на Баку был особенно озабочен совместными действиями большевиков и дашнаков и, как это уже было решено, умышленно идентифицировал понятия «армяне» и «большевики», тем самым нанося

²⁶⁸ Байков Б., указ. соч., стр. 116.

²⁶⁹ См. Закавказский Сейм, Стенографический отчет, заседание 19-ое, 20 марта, Тифлис, 1918 г., стр. 34–35.

²⁷⁰ См. там же, стр. 38–39.

удар и по «Дашнакцутюн», и по Ст. Шаумяну и по другим – особенно в контексте возможности захвата Тифлиса.

Ключевую роль играло то обстоятельство, что между многими армянскими руководителями – как дашнакскими, так и большевистскими, существовал стабильный дружеский, родственник и закаленный прошлым союз. Увы, это спонтанно выразилось на переходных, судьбоносных для армян этапах и носило подчеркнуто временный и меркантильный характер. Яркий пример – связь Ростова и Ст. Шаумяна, которые, как нам кажется, явно обогнали как своих коллег, так и свое время. Они были дальновиднее их и таким способом пытались подняться выше узкопартийных подходов. На этом историческом этапе Ст. Шаумяна, безусловно, следует считать национальным деятелем. Отсюда и соответствующая характеристика и оценка бакинских событий со стороны двух политических лагерей. Большевики преимущественно рассматривали это как «гражданскую войну», а дашнаки – «международным армяно–турецким столкновением», «героической борьбой», придавая последней признаки национально–освободительного движения.

Более основательные и разносторонние выводы будут сделаны, конечно, в результате анализа хода и развития событий в Баку.

Пока представим только мнение Арт. Чилингаряна относительно этого сотрудничества: «И хотя мы, дашнаки, с нашими идеями и политическими целями были антагонистичны Советской власти, однако, находясь перед турецкой смертельной угрозой, были вынуждены не вести борьбу против большевиков, тем более что в Баку или в кавказском Азербайджане армянство не могло преследовать особые, сугубо национальные политические цели. Там перед нами стояли только вопросы самообороны и поэтому мы старались сохранять нейтралитет в отношении и большевиков, и турецкой «Мусават», которые уже пребывали в глухой борьбе друг с другом. Однако вскоре стало ясно, что отныне мы не сможем удерживать предпочтительный для нас нейтралитет. Во–первых потому, что большевики в Баку

были слишком слабы и было неизбежно их поражение от турецкой «Мусават» – хорошо вооруженной и подкрепленной благодаря тюркским пленным. Во-вторых, после поражения большевиков, без всякого сомнения, «Мусават» стала бы сводить счеты с нами – армянами. И наконец, армянские массы не могли совершенно игнорировать ту борьбу, которую большевики вели против «Мусават» – тем более что они (большевики) не жалели ничего, чтобы привлечь армян на свою сторону»²⁷¹. Только в одном вопросе мы не можем согласиться с А. Чилингаряном – в том, что большевики в Баку были слабы, тем более в марте–апреле 1918 года.

В то же время нельзя игнорировать факт узкопартийных, непримиримых отношений бакинских большевиков и «Дашнакцутюн». Они проявлялись, в частности, в контексте развивающихся между ними контактов в составе Баксовета и Исполкома. На заседании Исполнительного комитета 6 февраля представители «Дашнакцутюн» выступили с протестом против большевистской газеты «Известия». На заседании 22 февраля руководитель фракции «Дашнакцутюн» в Совете С. Мелик-Ёлчян отметил, что редактор «Известий» Арташес Каринян показывает неприемлемую позицию в отношении «Дашнакцутюн», тем более что представляет официальный орган Бакинского совета.

После аргументации А. Кариняна, что это отношение – результат укоренившегося мнения большинства в Баксовете и что «его уполномочили вести борьбу с национализмом», представители «Дашнакцутюн» и даже «Мусават» покинули зал заседаний²⁷². Из большевистских историков Я. Ратгаузэр голословно утверждал, что накануне мартовских событий между двумя национальными советами шли переговоры относительно совместных действий. Понятно, что удар был нацелен на Бакинский совет. Здесь примечательно то обстоятельство, что даш-

²⁷¹ Дарбинян Р., Дни бури, Айрсник, январь, № 1 (264), Бостон, 1948, стр. 22, (на арм. яз.).

²⁷² См. Ратгаузэр Я., указ. соч., стр. 139.

накская фракция Совета фактически подтверждала «контрреволюционность их товарищей в Национальном совете», но одновременно объясняла это тем, что «советские» дашнаки, в качестве представителей рабочих «стоят намного левее» своих партийных коллег из Национального совета и якобы ведут против них борьбу. Руководители фракции Совета, бесспорно, поддерживали связь с Армянским национальным советами действовали под его руководством. Об этой связи свидетельствовал также С. Мелик-Ёлчян и руководитель эсеров С. Саакян. Последний добавлял, что члены фракции «Дашнакцутюн» выступают в Национальном совете против признания власти Бакинского совета²⁷³. Отметим также, что Армянский национальный совет провозгласил свой нейтралитет в тот момент, когда «Мусават» с марта 1918 г. предприняла широкомасштабную атаку на Совет.

Попытаемся выявить роль «Мусават» – в частности, метаморфозы их политики в отношении большевиков, что является одной из ключевых сторон мартовских событий.

По свидетельству А. Раевского, партия «Мусават» была сформирована в 1912 г. – во главе с Мамед-Эмином Расул Заде. Некоторые из ее создателей в 1905 г. являлись членами большевистской партии. Известно, что главной задачей и обязанностью партий всех эксплуатируемых народов была борьба с царизмом. Однако «Мусават» уже во время Первой русской революции выступила со «строжайшим указанием», адресованным своим членам: «Бакинский филиал «Мусават» со всей серьезностью запрещает своим членам, чтобы они воздерживались от открытой критики российского правительства и его агентов»²⁷⁴.

Необходимо подчеркнуть, что эту же самую практику партия продолжила и в ходе Первой мировой войны – умело лавируя и обходя непосредственные задачи и последствия войны, а затем и в контексте Февральской революции 1917 г. и особенно – большевистского переворота. Известно также, что в связи с ре-

²⁷³ См. там же, стр. 139–140.

²⁷⁴ См. Раевский, Партия Мусават и ее контрреволюционная работа, Баку, 1929, стр. 4, 6.

шением вопроса Карабаха в 1921 г. председатель Ревкома Азербайджана Н. Нариманов пригрозил Ленину и Сталину, что в случае проармянского решения этой проблемы его страна откажется от советской власти. Столь необычайную смелость, уверенность и практику политического шантажа татаро-мусаватисты (иногда и большевики-мусаватисты) приобрели с самого начала армяно-татарских столкновений 1905 г. и, оттачивая это «мастерство» в течение последующих лет, довели его до совершенства.

Впервые турецкая националистическая партия «Мусават» заявила о себе в начале мая 1917 г. – на состоявшемся в Баку Общемусульманском съезде России. В заявлениях мусаватистских ораторов уже звучали целевые и далекоидущие высказывания, как-то: не доверять «так называемым демократическим политическим течениям, которые, скрываясь под личиной империализма, пытаются нарушить целостность и благоденствие «братской» Турции». Раздавались и возгласы типа «долой Миллюкова и кадетов!»²⁷⁵ Хотя впервые столь открыто выдвигались и пантюркистские планы: как, например, политическое и территориальное объединение всех мусульман России (которых они с 22–24 миллионов довели до 35–40 миллионов) с мусульманами Турции, Ирана и Индии.

Председатель съезда, присяжный заседатель, член 1-й Государственной Думы Али Мардаш-бек Топчибашев, выражая волю присутствующих, положил начало идее ухода-отделения российских мусульман от России, что должно было быть реализовано вместе с Турцией²⁷⁶. В июне 1917 г., после объединения с партией турецких федералистов, «Мусават» (партия турецких федералистов-децентралистов) в феврале-марте 1918 г. добила такого представительства в органах власти Закавказья, какого не было ни у одной мусульманской партии ни в одном учреждении.

²⁷⁵ См. Байков Б., указ. соч., стр. 103.

²⁷⁶ См. там же.

Число единомышленников «Мусават» в Закавказском Сейме достигало 30 (из 33 депутатов), в Бакинской городской думе – 13, а в Бакинском совете – 16 депутатов. По определению специфика Бахши Ишханяна, «Мусават» была национально-демократической партией, которая «не украшает свое знамя столь обесцененным в наши дни названием “социалистическая”, она даже “революционной” себя не называет»²⁷⁷.

Пожалуй, проблема взаимоотношений «Мусават»–большевики наилучшим образом представлена в труде Б. Ишханяна «Контрреволюционное движение в Закавказье», вышедшем в свет в Баку в 1918 г. По его мнению, невозможно было показать ключевой вопрос, относительно которого «Мусават» выступил бы против точки зрения большевиков, однако вместе с тем было множество таких вопросов, относительно которых фракция «Мусават», защищая большевиков в Баксовете, боролась против других фракций – меньшевиков, эсеров и дашнаков. Вот некоторые случаи: 1) в ноябре 1917 г. в Баку – отказ «Мусават» в момент формирования антисоветского «Революционного комитета общественной безопасности» от участия в этой организации; 2) известна также резолюция «Мусават» в пользу большевиков, когда тактика демократии по изоляции большевиков считалась нецелесообразной. Резолюция, принятая 12 ноября на расширенном заседании Совета бакинских с. и р. депутатов, расформировывала Комитет общественной безопасности, который активно поддерживали мусаватисты²⁷⁸; 3) 21 января 1918 г. на заседании Баксовета «Мусават» одобрила политику по роспуску Учредительного собрания со стороны Совнаркома; 4) 1 марта при решительной поддержке мусаватистов прошла резолюция о Брест–Литовском договоре, предложенная большевиками и левыми эсерами²⁷⁹.

Какая идейная и военная связь могла быть между бекско–помещичьей националистической партией и большевистским

²⁷⁷ См. Ишханян Б., указ. соч., стр. 132.

²⁷⁸ См. Бакинский рабочий, Баку, 1917, 14 ноября, № 82.

²⁷⁹ См. Ишханян Б., указ. соч., стр.139–141.

пролетарским интернационализмом? Почему «Мусават» – как контрреволюционная организация с точки зрения большевиков, не примкнула к умеренным меньшевикам и правым эсерам, чтобы подавить радикально революционный большевизм? Во-первых, для «Мусават» как носителя мусульманского национализма, был приемлем и даже приветствовался большевистский принцип самоопределения наций – пока они были в стане оппозиции. Так, непримиримая борьба Украинской Рады против Советской России, равно как и финский сепаратизм, как это ни странно, в основном, вынужденную, но самую горячую защиту встречали со стороны большевиков, и было естественно, что эта тактика большевиков встречала поддержку всех национальных центробежных сил, в том числе и «Мусават». В той степени, в какой Временное правительство не отвечало стремлениям мусаватистов, в той же степени оно удостоивалось негативной и отрицающей критики со стороны последнего, и в глазах мусаватистов было не чуждо всех тех недостатков, которые большевики приписывали демократической власти. «Долой Керенского!» – писали взволнованные и возмущенные мусульманские националисты»²⁸⁰. В начале ноября 1917 г. «мусаватисты так далеко зашли со своими сомнительными «большевикофильскими» заявлениями и странным «большевикоподобным» мышлением, что нашли нужным в полемике против газеты «Баку» наивно высказаться, что они «не идеологи большевизма»²⁸¹. «Фарс, вопиющий фарс, – недоумевал Б. Ишханян, – кто с кем борется и кто с кем союзничает?!»²⁸² На основании всего этого Б. Ишханян приходит к главному выводу, а именно: «Образ действий большевиков щедро льет воду на мельницу агрессивных мусульманских националистов. Внутренняя (революционная) и внешняя (военная) политика большевиков – со всеми известными негативными последствиями и ссылками, была абсолютно выгодна с точки зрения внутреннего (контрре-

²⁸⁰ См. там же, стр. 148.

²⁸¹ См. там же, стр. 150.

²⁸² Там же, стр. 151.

волюционного) движения внешних (пантюркистских и панисламистских) тенденций»²⁸³.

Получается, что стабилизация большевистской власти в конце концов способствовала национально-сепаратистским тенденциям, что в Закавказье выразилось в виде грузино-татарского союза и, в частности, активизирующейся деятельности «Мусават». Этому немало поспособствовал и пресловутый ленинский декрет «Всем мусульманам России и Востока», который (с целью сохранить власть большевиков) давал всем мусульманам Кавказа право на самоопределение и тем самым провоцировал их на восстание. Не случайно идеологи «Мусават» называли его «занимательным и необычным» документом. Он фактически направил и дал гарантии мусульманам Кавказа, которые уже в ноябре 1917 г. созвали «Национальное Учредительное собрание закавказских тюрков и объединенных горцев Кавказа». В отличие от решений армянского национального совещания и грузинских национальных съездов (согласно которым решения хотя бы национальных центральных и первоочередных вопросов связывалось со Всероссийским учредительным собранием), «Мусават» в решении вопроса своего национального самоопределения надеялось на Национально-татарское Учредительное собрание, иными словами – выступала в качестве антигосударственно-антирусской центробежной силы. Это не состоялось, однако было совершенно ясно, что в случае его созыва последняя становилась вызовом Закавказской власти – Комиссариату и Сейму, то есть помимо антирусской позиции приобретала образ внутренней закавказской оппозиции. В то же время следует отметить, что для такого решительного удара у мусульманских руководящих кругов и «Мусават» не было соответствующей силы, потому и, как в Баку, они сталкивались с противодействием усиливающейся советской власти.

В качестве второго существенного препятствия выступал армянский фактор Баку и Бакинской губернии. Для мусульманс-

²⁸³ См. Ишханян Б., указ. соч., стр. 153.

ких националистов это приобретало двойное значение – в плане территориально–этнической и государственно–политической ориентации. Если теоретически первое препятствие еще можно было решить – в случае получения согласия «Дашнакцутюн» в вопросе территориального разграничения, то второе препятствие было намного труднее преодолеть. Идея объединенного федерального российского государства, особенно в контексте самоопределения западной Армении, привязывала Армению к идее «сильной России».

Не можем согласиться с точкой зрения Б. Ишханяна, который ставил знак равенства между армянским и грузинским подходами. Мнение видного деятеля можно оправдать только тем, что книга была опубликована в 1918 году. Можно согласиться с тем аргументом, что специфичный национальный деятель пытался в этом море кавказского мусульманства понадеяться на армяно–грузинское сотрудничество. 26 октября 1917 г., в разгар большевистского переворота, на съезде «Мусават» председатель ЦК партии М. Э. Расул–Заде в своей речи подчеркнул, что «идея тюркизма – это идея сохранения нации перед кровожадной Европой»²⁸⁴.

Таким образом, для «Мусават» становилось ясно, что создание Азербайджана возможно осуществить исключительно силой, да и то при поддержке Турции и пантюркизма. Именно об этом свидетельствовал Ст. Шаумян, когда говорил, что *«партия «Мусават» готовит восстание против советской власти не потому, что советская власть сама по себе ей неприятна, а потому, что в планах мусаватистов было провозгласить Баку столицей автономного Азербайджана»* (выделено мной – В. М.). Приводя в качестве доказательства «Шамхорскую историю», Ст. Шаумян был уверен, что татары «запланировали отделить Кавказ от России и объявить турецкий протекторат: они заявляли: «Посмотрим, вы опираетесь на армию, но войска уйдут. Когда уедут последние эшелоны, у вас не останется ни од-

²⁸⁴ См. Ишханян Б., указ. соч., стр. 176.

ной силы. Член Городской думы Ашуров мне сказал: «Я вам прямо говорю, что первым на Парапете повесим вас, господин Шаумян»²⁸⁵. В этом плане подход Б. Ишханяна весьма противоречив, когда в вопросе ответственности Сейма перед мусаватистами он обвинял только большевиков. Он фактически приравнивал политику Сейма и Баксовета – в плане того, что они смирились с присутствием в своих рядах мусаватистов²⁸⁶.

Действительно, намного легче заметить согласие «Мусават» и большевиков. 19 марта 1918 г. в письме Ст. Шаумяну и А. Джапаридзе В. Ленин писал: «Одно несомненно: надо укрепить Баку как в военном, так и в финансовом плане. Если мусульмане требуют автономии, ее надо дать им, вытянув из них безоговорочное признание советской власти в центре и на местах. Баксовету необходимо создать мусульманский отдел, развивать и популяризировать мусульманскую литературу... к вам с двух сторон идет помощь – из Ташкента и с севера, если захотите, то используйте их»²⁸⁷. Бакинские большевики были не против предоставления автономии, даже больше – Ст. Шаумян не раз подчеркивал в своих речах и статьях, что Советская власть верна своему лозунгу о самоопределении наций. Однако с точки зрения большевиков, в условиях гражданской войны и межнациональной напряженности «провозглашение автономии для азербайджанских турок означало бы передачу власти “Мусават”»²⁸⁸. Такова неоспоримая правда отправной точки большевиков, так становилось большевистско–дашнакское сотрудничество. В этом плане совершенно напрасно летописец этого вопроса Я. Ратгаузер критиковал А. Попова, который увидел в тактике большевиков политику сближения с национальными кругами и особенно с «Дашнакцутюн»²⁸⁹.

²⁸⁵ См. Шаумян Ст., ПСС, т. 4, с. 263.

²⁸⁶ См. Ишханян Б., указ. соч., с. 184.

²⁸⁷ Азербайджанский музей Революции (разрозненные документы) по Я. Ратгаузер, указ. соч., с. 176.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ См. Ратгаузер, указ. соч., с. 141.

«В этом причина того, что наши в Баку все больше и больше увлекались большевистским течением и становились некой опорой для большевиков, – подтверждает в свою очередь О. Каджазунни (будущий первый премьер–министр Республики Армения – В. М.), – точно так, как в Тифлисе мы невольно подпали под гегемонию грузинских меньшевиков, так же, как в Баку – под гегемонию русских. В обоих случаях нас сковывала только турко–татарская угроза»²⁹⁰.

Таким образом, в марте 1918 г., в условиях турецкого нашествия, в Баку крайне обострилась и четко обозначилась внутренняя борьба за власть. Особенно четко определились противостоящие лагеря, прояснились пути и тенденции контактов большевики–мусаватисты, большевики–дашнаки, мусаватисты–дашнаки, а также особенности тактики меньшевиков и грузинских деятелей этой партии.

6 марта 1918 г. Арам, обращаясь из Еревана к друзьям в Вана, отмечал, что «положение в Баку и Шуше тяжелое, столкновений пока нет, но начаться могут в любой день. Наши хорошо организованы»²⁹¹.

В середине марта 1918 г. стало ясно, что в Баку ожидается решительная борьба и схватка.

Генерал Кавказской армии А. Кулебякин в рапорте «Бакинские события» представлял точку зрения проармянски настроенного русского деятеля относительно намерений мусульман. «Турция напрягла все свои силы для углубления пропаганды панисламизма на Кавказе и с этой целью предприняла вооружение мусульман Кавказа – с перспективой возможной политической борьбы. Турецкие эмиссары и переодетые офицеры неустанно работали с горцами Кавказа, в районах русского Азербайджана и

²⁹⁰ См. Каджазунни О., «Дашнакцутюн» более нечего делать, Вена, 1923, стр. 20, (на арм. яз.).

²⁹¹ Арам Манукян, губернатор Вана в 1915 г., министр внутренних дел РА в 1918 г.

^{См.} Манукян А., События в Васпуракане, Вем, 1937, апрель–июнь, стр. 77, (на арм. яз.).

особенно – в Ереване, Елизаветполе и Баку. Приобретение и покупка оружия мусульманами происходит в лихорадочном темпе и в январе 1918 г. превратилось в настоящее неистовство»²⁹². Генерал увязывал с этим процессом и известные кровавые события, которые произошли в районе железной дороги Тифлис–Баку и Шамхора. Ненависть татар к русским, христианам и особенно армянам больше всех раздували всякого рода турецкие агенты, которых засылали для организации восстания закавказских мусульман²⁹³. Он считал, что после Шамхора исчезла последняя надежда на уравнищенность между мусульманскими и христианскими партиями, которые открыто подняли знамя борьбы за местную власть. Налицо было и опасное значение беспомощной, двуличной и слабой политики Закавказского комиссариата и краевого центра с. и р. депутатов. «Шамхорские события, – писал он, – вернее безнаказанность напавшей стороны, доказали вооруженному мусульманству преимущество их национального сплочения и силы»²⁹⁴.

Катализатором бакинских событий следует считать и то обстоятельство, что в конце января 1918 г. из Багдада в Северный Иран направился английский отряд генерала Денстервиля. На эту военную силу, которую англичане называли «Денстен форс» («Денстервиль форсез» – войска Денстервиля), возлагалась задача – взять Баку. Уже в феврале штаб Денстервиля расположился в Казвине, где скапливались и другие воинские подразделения²⁹⁵.

С середины февраля 1918 г., когда началось продвижение турецких войск в направлениях Трапезунд–Батум и Эрзерум–Александрополь, 4-й армейский корпус получил задание: сжать левое крыло Кавказской армии, захватить район Ван–Баязет,

²⁹² НАА, ф. 121. оп.1, д. 29, л. 3.

²⁹³ См. там же, л. 6.

²⁹⁴ См. там же, л. 10.

²⁹⁵ См. Токаржевский Е. А., указ. соч., стр. 43.

выйти на русско–персидскую границу, взять Гильян – с портом Энзели, и напасть на Баку²⁹⁶.

Для «Мусават» стало сверхзадачей – нейтрализовать сопротивление формирующейся армянской военной силы турецкому наступлению, а также помешать вход армянских частей, спешащих из России в Закавказье. В целом это находило поддержку у командования Кавказской армии, поскольку централизация армянских войск на Кавказском фронте должно было способствовать укреплению защиты фронта и таким образом – обеспечению русского присутствия. Этому вынужденно содействовала и закавказская власть.

В условиях турецкого нашествия, особенно после падения Эрзерума, по приказу Сейма были ликвидированы все армейские комитеты, и ограниченная власть перешла к командному составу, восстановилась дисциплина царского режима – вплоть до смертной казни. Вся власть в Закавказье была передана главнокомандующему Кавказской армии²⁹⁷. Закавказский комиссариат, в свою очередь, 21 марта принял решение по вопросу о назначении комиссара отряда, отправляющегося в Баку. Комиссар по министерству внутренних дел Н. Рамишвили доложил о необходимости формирования мобильных отрядов²⁹⁸.

В партийных кругах *процесс формирования Красной гвардии* начался после Февральской революции, когда Исполнительный комитет Тифлисского совета с. и р. депутатов взялся за это дело. У последнего были следующие цели: а) защита русской (Февральской – В. М.) революции; б) народная самооборона; в) борьба против контрреволюции. Инициатива исходила от с.–д. меньшевиков и социалистов–революционеров²⁹⁹. Развитие событий показывает: в Закавказье, как и во всей стране, эти гвардии не смогли противостоять большевизму и провалились. После большевистского переворота, в декабре 1917 г. объеди-

²⁹⁶ См. Лудшувейт Е. Ф., указ. соч., стр. 193–194.

²⁹⁷ См. НАА, ф. 4033, оп. 2, д. 916, л. 1–2.

²⁹⁸ См. НАГ, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 194.

²⁹⁹ См. НАА, ф. 4047, оп. 1, д. 124, л. 1.

ненное собрание центральных и местных комитетов АРФД посчитало необходимым создать подобную структуру для осуществления вышеуказанных целей.

17 декабря органы АРФД начали процесс переговоров с Исполнительным комитетом и с этой целью уполномочили члена Исполкома Арама Налчаджяна. Однако комиссия Красной гвардии, действующая в составе Исполкома, только после четырех слушаний разрешила «Дашнакцутюн» создать самостоятельную Красную гвардию – на следующих условиях: а) последняя должна быть подотчетна Тифлисскому исполнительному комитету; б) члены Гвардии должны получить право на ношение и хранение оружия; в) дашнакские представители Гвардии должны получать указания от Исполнительного комитета. Руководящий орган состоял из пяти человек, Гвардия должна была действовать в 7 районах Тифлиса. На этом этапе дашнакская гвардия во многом помогла участковым комиссарам – во время обысков, ночных дежурств и патрулирования, обеспечения порядка в городе, военных сборов. Процесс постепенного распада и расформирования начался с мая 1918 г., а с июля она перешла под контроль грузинского государства – вновь под руководством А. Налчаджяна³⁰⁰.

³⁰⁰ См. НАА, ф. 4047, оп. 1, д. 124, лл. 1–3.

ОБОРОНА БАКУ: СОЛИДАРНОСТЬ АРМЯНСКИХ ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

3.1. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЯ АРМЯНСКОЙ ВОЕННОЙ СИЛЫ В БАКУ И ВОКРУГ НЕГО

В рамках развития событий вокруг Баку (в организации армянской военной силы и героической обороны Баку) отличились кадровые военные – генерал–майор Акоп Багратуни³⁰¹, генералы Григор Корганян (Корганов) и Иван (Ованес) Сергеевич Баграмян (Баграмов), полковники Аветисов, Казаров, подполковники Срапион Егиазарян, Арутюнов и другие.

По предложению Ст. Шаумяна 2 декабря 1917 года Г. Корганян возвращается с Кавказского фронта в Баку и назначается комиссаром армии советской власти и командующим Кавказской Красной армии³⁰².

³⁰¹ С 30 августа 1917 г. – генерал–майор. 15 мая был командирован в ведение Военного комиссара России, а 23 июня – кабинета ВС. 7 июля был назначен исполняющим обязанности начальника штаба Петроградского военного округа. 27 августа был назначен начальником штаба военного губернатора Петрограда и района, 5 сентября – начальником штаба Петроградского военного округа. 25 октября на него возлагаются обязанности главнокомандующего войск Петроградского военного округа. С 25 октября до 15 декабря находился под арестом в Петропавловской крепости, в декабре был освобожден с должности начальника штаба Петроградского военного округа и переведен в подчинение начальника Генштаба. См. Армяне в Первой мировой войне (1914–1918 гг.), Москва, 2014, с. 432.

³⁰² См. Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, фонд Г. Левоняна, № 66/417.

По протоколу заседания исполкома Армянского военного союза от 5 декабря 1917 г., было принято решение назначить подполковника С. Егиазаряна командиром Бакинского армянского полка, поручив ему в согласованном порядке работать с бакинским филиалом Союза, одновременно попросив Армянский национальный совет Баку помочь подполковнику С. Егиазаряну³⁰³. По приказу Тифлисского национального совета и по решению Закавказского комиссариата С. Егиазарян прибыл в Баку – с целью объединить армянских военных, служащих в разных воинских частях Баку, получить военное имущество 279-го бакинского сторожевого полка и сформировать Второй армянский резервный полк. Солдатские органы Баку и Тифлиса стали действовать согласованно. Солдатским советом Баку руководил бывший военврач Тадевос Закарян, а штабом – Ханасори Вардан³⁰⁴. После формирования Бакинского национального совета работа пошла живее, С. Егиазарян реформировал Солдатский орган и занялся присвоением оружия и боеприпасов 279-го полка. Когда все законные методы были исчерпаны, по указанию Национального совета Тадевос Амирян вместе с 20-ю дашнакскими бойцами окружили казармы 279-го полка и от имени АРФД потребовали немедленно сдать оружие и ключи от склада. Деклассифицированные и деморализованные русские солдаты, скованные ужасом, выполнили это требование. Фактически этим решительным действием было положено начало формированию первого армянского гарнизона в Баку. В состав этого полка вошла и часть армянских солдат, вернувшихся с Западного фронта, и число солдатского контингента достигло около 1000 человек³⁰⁵.

О скоплении армянской военной силы на Кавказе свидетельствует и такой архиважный факт. 10 октября 1917 г. глава британской военной миссии при Верховном главнокомандующем Кавказской армии генерал-лейтенант Ч. Бартер сообщил

³⁰³ См. Армяне в Первой мировой войне (1914–1918), Москва, 2014, стр. 148.

³⁰⁴ См. Мелик-Ёлчян С., указ. соч., стр. 116.

³⁰⁵ См. Гюльханданян А., Героическая оборона Баку, стр. 102–103.

начальнику штаба Верховного главнокомандующего Русской армии Н. Духонину следующее: «Генерал Робертсон осведомлен, что на данный момент в русской армии служат около 150 000 армян, из которых 35 000 – на Кавказском фронте. Он предлагает, чтобы армянские солдаты были переведены только на Кавказский фронт – вначале заменив русскую пехоту в Северной Персии, а затем – в связи с Армянским вопросом»³⁰⁶.

Известно, что уполномоченные Армянского национального совета были командированы в крупные армянонаселенные районы и на разные фронты – с целью организации армянских добровольческих отрядов и отправки их в Западную Армению. Из Нового Нахиджевана (Ростов–на Дону) в Баку был командирован бывший командир отряда Хнуса, командир 3–го добровольческого отряда Амазасп Срвандзтян, который за короткое время набрал 3000 добровольцев из карабахских и зангезурских солдат и разделил их на 3 подразделения по 1000 человек в каждом³⁰⁷.

Еще 22 ноября 1917 г. в здании Армянской гимназии в Екатеринодаре состоялось многолюдное собрание, на котором Амазасп призвал «сделать последнее усилие и помочь новообразованному Армянскому корпусу в защите границ Армении». Становится известным и тот факт, что для усиления армянской милиции в Екатеринодаре был организован сбор пожертвований, и было собрано 60 000 рублей³⁰⁸.

По свидетельству Г. Корганяна, еще во время срыва железнодорожного сообщения Баку–Тифлис, то есть в период с декабря 1917 г. по январь 1918 г. в Баку находились следующие армянские вооруженные группы: 2–й Армянский резервный полк (700 человек), Отдельная добровольческая рота Амазаспа (800 человек), группа АРФД (50 человек), две пушки и 5 пуле-

³⁰⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 2003, оп. 1, д. 1246, 32 и об., по 6 Армяне в Первой мировой войне, стр. 127–128.

³⁰⁷ См. Мелик–Елчян С., указ. соч., стр. 116.

³⁰⁸ См. «Оризон», 1917, 13 декабря, № 281.

метов³⁰⁹. Еще одной конной сотней командовал Исаакян. В конце концов, армянская сторона довела численность своих вооруженных сил в Баку до 4000 – не считая стянувшихся в город еще 8000–10 000 армянских солдат, большую часть которых, к сожалению, не удалось сделать участниками боев. Проблема жилья и провианта для тысяч армянских солдат, собравшихся в Баку, становилась серьезной проблемой в Национальном совете и Гуманитарном обществе. И наоборот, Бакинский совет, назначив сравнительно более высокую зарплату (800 рублей плюс по 75 рублей на каждого члена семьи, с продовольственным обеспечением), стал привлекать армянских солдат в ряды Бакинской Красной армии³¹⁰.

Одной из первоочередных задач Бакинского национального совета стал вопрос присвоения боеприпасов, оставленных русскими частями Закаспия и Персии. Дашнакские деятели Закаспийской области за несколько месяцев до этого сообщали Центральному комитету АРФД Восканата (Баку) о возможности перевозки боеприпасов в Баку. С этой целью был командирован член Национального совета Карапет Парунакян. Не полностью, но все же его группе удалось, в конце концов, выполнить задание, в результате чего была вооружена большая часть как 279-го полка, так и полка Амазаспа. При действенном вмешательстве Бакинского совета, Ст. Шаумяна через Энзели и Решт–Казвин в Баку было перевезено российское оружие, находящееся в ведении генерала Баратова – в Тегеране, Хамадане, Керманшахе и других местах. Существенную роль сыграли дашнак Нерсес Джагетян и другие армянские офицеры. Вскоре закрылась железная дорога Баку–Петровск–Армавир, что окончательно провалило переброску скопившихся в Баку армянских воинских отрядов в Западную Армению³¹¹. Странно, что председатель ба-

³⁰⁹ См. Корганян Г., Участие армян на Кавказском фронте Мировой войны, Айреник, Бостон, 1928, апрель, № 6, стр. 112, (на арм. яз.).

³¹⁰ См. Гегамянц иерей Е. А., указ. соч., с. 115.

³¹¹ См. Гюльханданян А., указ. соч., с. 105, а также Врацян С., указ. соч., стр. 166.

кинского Армянского национального совета А. Гюльханданян на страницах своих мемуаров «Героическая оборона Баку» вовсе не упоминает главного организатора формирования армянских частей Акопа Багратуни.

Путь, пройденный видным деятелем, подробно и достойным образом представлен академиком НАН РА Грантом Аветисяном³¹². 23 октября 1917 г. был уволен Г. Полковников и главным-командующим Петроградского военного округа назначен А. Багратуни, а в начале декабря он был арестован по приказу В. Антонова–Овсеенко³¹³.

Согласно сообщению большевистской газеты «Известия», армянская община Петрограда, партия АРФД обращаются в ВРК с просьбой освободить генерала Багратуни – как комиссара, избранного Тифлисским армянским национальным съездом для организации армянских вооруженных сил. Делегация подчеркивала, что А. Багратуни арестовали не как армянского комиссара, а как генерала русской службы, как начальника штаба военного коменданта Петрограда, которому Временным правительством поручено было разработать план нападения на большевистский центр, расположенный в Смольном. Далее газета делала вывод, что генерал А. Багратуни – военнопленный, и поскольку началась гражданская война, то военнопленный, к тому же человек, возглавляющий юнкерские и ударные войска и действующий против советов, не может получить свободу. Большевики считали, что залогом освобождения может служить письменное заверение генерала в том, что он признает советскую власть, не будет участвовать ни в одном действии против нее. Имея в виду, что посреднические армянские организации также не могут выступать в роли гаранта, потому «ген. А. Багратуни не будет освобожден»³¹⁴.

³¹² См. Аветисян Г. А., Генерал Акоп Багратуни (1879–1943), Историко-филологический журнал (ИФЖ), НАН РА, Ереван, 1997, № 1 (145), стр. 41–56, (на арм. яз.).

³¹³ См. там же, с. 46–47.

³¹⁴ См. «Оризон», 1917, 24 ноября, № 251.

15 декабря 1917 г. А. Багратуни все же был освобожден из плена и спустя несколько дней вступил в должность Армянского военного комиссара.

Патриотическая деятельность А. Багратуни началась со свершением Февральской революции.

Временное правительство с весны 1917 г. приступило к созданию национальных военных подразделений, с одной стороны – для защиты Кавказского фронта, а с другой – для борьбы с большевизмом. Особо важным считалось скорейшее создание армянских сил, поскольку именно армянские части (как традиционно, так и в контексте ситуативных событий) внушали доверие и сохраняли боеспособность в вопросе защиты фронта.

И так, глава Временного правительства А. Керенский предлагает А. Багратуни взять на себя также оборону Восточного фронта и, в частности, сформировать армянский корпус из числа армянских солдат и офицеров, служащих в русских войсках.

Из собранных материалов становится ясно, что численность этого корпуса могла превысить 80 тысяч человек. А. Керенский и А. Багратуни приняли также решение, чтобы идея формирования армянского корпуса не исходила от имени армянского народа. А. Багратуни было поручено написать письмо члену ОЗАКОМа М. Пападжаняну. Он получил согласие и других армянских руководящих деятелей³¹⁵.

6 февраля 1918 г. из Генерального штаба в Баку прибыл генерал-майор А. Баграмов, а 7 марта – и Багратуни вместе с Ростомом Зорьяном³¹⁶. По приказу В. Ленина, А. Багратуни был предоставлен бронепоезд, на котором он сначала переехал в Закаспийский край, а затем с Ростомом вернулся в Баку³¹⁷. По мне-

³¹⁵ Особый Закавказский комитет – орган Временного правительства в Закавказье в период февральской революции (март–октябрь 1917 г.).

См. Гегамянц нерей Е. А., указ. соч., стр. 12–13.

³¹⁶ См. Аветисян., Генерал Багратуни, стр. 47.

³¹⁷ См. Гегамянц нерей Е. А., указ. соч., стр. 36–37.

нию Егише А. Гегамянца, этому (благоклонности Ленина – В. М.) способствовало также взятие турками Эрзерума³¹⁸.

На посту армянского военного комиссара А. Багратуни удалось вместе со своими коллегами отправить на Кавказ 30–40 тысяч армянских солдат (о чем свидетельствовало английское командование – В. М.), офицеров, несколько бронепоездов, автомобили, технические устройства стоимостью в десятки миллионов, и все это – исключительно для нужд Армянского корпуса. Основной целью было: в этих сложнейших условиях открыть путь к Ереванской губернии, а оттуда – в Западную Армению. Планировалось в начале апреля захватить путь Баку–Елизаветполь.

Вернувшись в Закавказье, А. Багратуни приступил к плану открытия железнодорожных путей. Это дело он завершил 14 марта 1918 г., но отложил открытие на один день – в связи с обедом, устроенным в его честь Армянским национальным советом и руководящими деятелями АРФД. Обед состоялся 15 марта в квартире Амазаспа Срвандзтяна. Вечером, в 21:00, возвращаясь в свой вагончик–временку на железнодорожной станции Баку, он подвергся теракту³¹⁹.

А. Багратуни был тяжело ранен тремя турецкими агентами, находящимися в засаде, потерял ногу, что и стало причиной провала судьбоносного плана соединения с Ереванской армией³²⁰. Однако даже прикованный к постели, генерал своими советами и указаниями принял действенное участие в защите Баку.

Густонаселенные армянами районы Баку А. Багратуни разделил на сектора, назначил там руководителей, установил сборные пункты для армянских солдат, в предместьях города наметил специальные тактические позиции для воинских частей и артиллерии, чтобы в случае столкновений бомбили дороги, ве-

³¹⁸ См. там же.

³¹⁹ См. Гегамянц иерей Е. А., указ. соч., стр.37.

³²⁰ Газета АНП «Народ» упоминает 18 марта. См. «Жоговурд» («Народ»), Ереван, 1918, 18 марта, № 46.

дущие из близлежащих татарских деревень в город и было остановлено продвижение мусульман в Баку³²¹.

По приказу «Мусават», татарский национальный совет также пытался организовать в Баку «турецкий полк». Лидер «Мусават» М. Расул Заде требовал от Исполнительного комитета Бакинского совета выдать татарам часть оружия и боеприпасов Сальянского полка. Он опирался на приказы Сейма – проводя соответствующие параллели с деятельностью армянских организаций³²². В Баку открылось офицерское училище, где татары изучали военное дело под руководством татарских и русских наемных офицеров русской армии.

Вернувшийся с западного фронта мусульманский добровольческий полк, называемый «Дикая дивизия», стал ядром для будущих татарских воинских объединений. Он был дислоцирован в Баку, Елизаветполе и Ленкорани.

Исполнительный комитет Баксовета, являвшийся коалицией социалистических партий, видел в деятельности «Мусават» серьезную опасность и катастрофу. С. Мелик-Ёлчян видел эту опасность, рассматривая ее таким образом: «Предвидел истребление «Мусаватом» христиан в границах Азербайджана, зачистку (этническая чистка – В. М.), а также упорное стремление захватить власть, нейтрализовать эти партии («Дашнакцутюн», большевиков, левых эсеров – В. М.), нанести смертельный удар революции (Февральской – В. М.), изгнать инородцев из Баку, отделить от революционной России и, соединившись с Турцией, стать инструментом в ее руках. *Исполнительный комитет предрекал столкновения, если турки сформируют собственные воинские части* (выделено мной – В. М.). Поэтому он решил отклонить просьбу тюрок и любыми уговорами предотвратить потери и смягчить исходящую от этих ополчений угрозу миру и согласию между народами, особенно в таком интерна-

³²¹ См. Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918–1920 гг., Сборник документов, Ереван, 2000 (на арм. яз.), стр. 260–263.

³²² См. Мелик-Ёлчян С., указ. соч., стр. 117.

циональном городе, как Баку»³²³. И наоборот, тот же Исполком не только благосклонно был настроен к плану создания армянских частей, но и оказывал им заметную помощь. Отметив это явление, С. Мелик-Ёлчян в то же время впадал в противоречие, когда обвинял Ст. Шаумяна в том, что «в связи с его прибытием в Баку и сильной антинационалистической политической борьбой, появилось враждебное отношение и стремление разрушить армянские военчасти»³²⁴. Дашнак С. Мелик-Ёлчян, участник событий, сильно преувеличивал действительность. Стремления и тем более планов разрушить армянские национальные части у Ст. Шаумяна не было, и лучшим доказательством этому является факт сотрудничества между большевиками и армянскими национальными деятелями этих частей – особенно в Гандзаке и Шамахе.

Речь идет о подчинении армянских национальных частей Бакинскому совету. «Что касается выдаче оружия дашнакам, – писал Ст. Шаумян И. Сталину 16 марта, – прошу организовать дело так, чтобы окончательное решение здесь зависело от меня. Я не жду перемен в их политике, но было бы лучше, если бы они на местах были сильно зависимы от нас»³²⁵. Понятно, что речь идет о пресловутой проблеме взаимодоверия, и руководитель Советской власти в Баку в первую очередь руководствовался большевистской тактикой. Однако последовательная политика Закавказского сейма, которая вела к отторжению края от России, а также ослаблению и краху армянского элемента, его и еще нескольких национальных деятелей в Баку заставляла максимально усилить местную проармянскую советскую власть.

На заседании 14 декабря Главнокомандующий Армянского корпуса, генерал Т. Назарбекян сообщил Исполнительному комитету, что формирование полка в Елизаветполе не разрешается, взамен согласны сформировать одну роту³²⁶. Согласно при-

³²³ Мелик-Ёлчян С., указ. соч., стр. 117.

³²⁴ См. там же, стр. 116.

³²⁵ Шаумян Ст., ПСС т. 4, стр. 175.

³²⁶ См. Армяне в Первой мировой войне, стр. 154.

казу главнокомандующего Кавказским фронтом генерал-майора Е. Лебединского от 10 января 1918 г., рота 2-го Армянского пехотного полка, дислоцированного в Елизаветполе, переименовывалась в Отдельную пехотную резервную роту³²⁷.

Из телефонного разговора А. Заврияна с представителями Эрзерумского комиссариата выяснилось, что армянский отряд из 300 человек, спешащий из Баку на Кавказский фронт, из-за шамхорских событий почти 10 дней не мог воспользоваться блокированной железной дорогой³²⁸.

20 февраля 1918 г. Ст. Шаумян прибыл из Тифлиса в Баку. 1 марта читает доклад на тему «Положение дел на Кавказе», описывает создавшуюся ситуацию и предполагает, что «возможно, нам даже придется пасть жертвами контрреволюции»³²⁹. Грузино-татарские депутаты Сейма призывали захватить Баку и уничтожить большевиков³³⁰. Необходимо принимать во внимание и то важное обстоятельство, что организацией вооруженных сил Баксовета руководил тоже армянский деятель. В феврале их число достигло 3500–4000 человек. Руководящим ядром бакинской Красной армии стал Военно-революционный комитет во главе с Г. Корганяном. Бакинский Армянский национальный совет 5 марта 1918 г. сформировал также Высший военный орган – Армянский штаб обороны, руководителями которого были назначены Ханасори Вардан и офицеры царской армии С. Казарян и Бахтамян³³¹.

В середине марта численность военных сил Баксовета достигла 6000 человек³³². Бакинские большевики понимали, что в

³²⁷ См. там же, стр. 219.

³²⁸ См. там же, с. 233. Отмечается также факт прибытия 5 марта. См. Шаумян С. Г., Политические деятели России, 1917, Биографический словарь, Москва, 1993, стр. 358.

³²⁹ См. Барсегян Х. А., Степан Шаумян, Ереван, 1968, с. 474, 485–486.

³³⁰ См. Гюльханданян А., Закавказье и бакинские события, Айреник, Бостон, 1967, № 1, январь, стр. 47, (на арм. яз.).

³³¹ См. Дарбинян Р., Книга моей жизни, Сочинения, Бейрут, 1972, стр. 236, (на арм. яз.).

³³² См. Искендеров М. С., указ. соч., стр. 194.

случае ожидаемых вооруженных столкновений большую роль мог сыграть и Каспийский военный флот. Поэтому была создана особая комиссия под руководством Ст. Шаумяна, который решил не расформировывать, а реорганизовать ее. Матросы Каспийского военного флота на общем собрании 11 марта приняли решение помочь Баксовету «против Сейма и содействующих ему турецких пашей»³³³.

3.2. ПОДГОТОВКА МУСАВАТИСТСКОГО МЯТЕЖА: БОИ ЗА БАКУ

Прелюдией к большому столкновению в Баку следует считать события в Петровске. «Петровские события вывели нас из кажущейся пассивности», – отмечал А. Джапаридзе 13 марта³³⁴. Дело было в том, что порт–Петровск, где власть осуществлялась группировкой социалистических партий, захватил имам *Наджимудин Гоцинский*. Его набег был продиктован из Елизаветполя и Тифлиса с целью окружить Баку и отрезать его от Северного Кавказа, иными словами – от непосредственной поддержки центральной советской власти. Из дневника Ал. Хатисяна также становится ясно, что 21 марта во время Трапезундских переговоров офицер Генштаба Готовцев сообщал, что большевистские части (говоря «большевистские части», Ал. Хатисян имел в виду блок социалистических партий) движутся из Петровска на Баку, и против них из Тифлиса направляются подконтрольные Сейму силы³³⁵. Этот шаг следует рассматривать в контексте событий на железной дороге Баку–Тифлис и в Елизаветполе, конечной целью которых было поддержать турецкое нашествие, подавить советскую власть в Баку.

Итак, «Мусават» готовилась к захвату власти в Баку.

³³³ См. Токаржевский Е. А., стр. 47.

³³⁴ См. Раггаузер Я., указ. соч., стр. 141.

³³⁵ См. Хачатрян Аствацатур, Восточно–армянские и турецкие дипломатические отношения, Ереван, 2010, с. 147, (на арм. яз.).

Помимо важнейших организационных задач, об этом свидетельствуют и публикации в партийной прессе на турецком языке. В то же время сказанное не проясняет вопрос о том, готовы ли были конфликтующие стороны начать военные действия 30 марта. Я. Ратгаузер считал, что события 30 марта были преждевременными для обеих сторон, и даже неожиданными – как для Баксовета, так и для «Мусават»³³⁶. Считаем необходимым подчеркнуть важное обстоятельство: в неармянской большевистской литературе, имеющей источниковедческое значение (Я. Ратгаузер, Е. Токаржевский), в основном исключается факт сотрудничества Совета с находящимися в городе подконтрольными «Дашнакцутюн» частями или даже их использования. Аргументация, на наш взгляд, довольно упрощенная: борьба большевиков против эсеров и дашнаков является лучшим доказательством сказанного. И наоборот, эти же самые авторы пытаются любой ценой обосновать даже факт переговоров и соглашения «Дашнакцутюн» – «Мусават» против Баксовета³³⁷. В качестве основания упоминается небезызвестная телеграмма, направленная Бакинским армянским национальным советом в Тифлис – о насилиях, творимых против армян по всей протяженности железной дороги Тифлис–Баку. Непонятно почему, но Я. Ратгаузер был уверен, что «тот факт, что эта телеграмма опубликована в прессе, дает основание полагать, что это результат переговоров с мусульманским национальным советом». Невозможно представить, что 13 марта – за 5 дней до нападения «Мусават», Армянский национальный совет мог не заподозрить и не похлопотать об отведении армянских подразделений. Этот шаг Национального совета может быть оценен благоразумным только в том случае, если бы была соответствующая договоренность с мусульманским советом. Заявление о нейтралитете, сделанное Армянским национальным советом, более чем подтверждает наше предположение, – писал автор³³⁸.

³³⁶ См. Ратгаузер Я., указ. соч., стр. 144.

³³⁷ См. там же, с. 142, а также Токаржевский Е., указ. соч., стр. 46.

³³⁸ См. Ратгаузер Я., указ. соч., стр. 142.

Добавим, что тот же Я. Ратгаузер признается, что «к сожалению, в нашем распоряжении нет архивов и резолюций ни Армянского национального совета и мусульманского национального комитета, ни “Мусават”»³³⁹. Более того, цитируя публикацию мусаватистской газеты, направленную против выступления Ст. Шаумяна по поводу Сейма, автор–большевик сам впадает в противоречие и устами «Мусават» подтверждает факт сотрудничества «Дашнакцутюн» и других антитурецких сил. «Большевики, – писала газета «Ачыг Сыз», – которые еще год назад с меньшевиками душили друг друга, эти же самые большевики сегодня сдаются кадетам, дашнакам и другим, капитулируют. Мы заключаем, что объединяться с кадетами большевики могут только по двум пунктам: первый – лозунг «война до победного конца», второй – национальная борьба. Голосовать с кадетами за продолжение войны, вместо мира, и воспевать межнациональные столкновения, вместо классовой борьбы, – это трагическое отступление демократии»³⁴⁰. Это опосредованное, но очень важное свидетельство еще раз подтверждает наш тезис о том, что возглавляемая Ст. Шаумяном борьба против «Мусават» во время мартовских событий преимущественно принимала содержание национальной и освободительной борьбы.

Мы не можем игнорировать также, что помимо большевистских авторов, о соглашении между Бакинским национальным советом и Советом мусульманских организаций свидетельствует сын Ст. Шаумяна – Сурен Шаумян, в своем труде «Бакинская коммуна»³⁴¹. После первых выстрелов Армянский национальный совет через прессу сообщил, что подконтрольные ему силы в боях не участвуют. По словам Сур. Шаумяна, в дальнейшем стало ясно, что в борьбе против большевиков Нацсовет обещал Совету мусульманских организаций поддержку и фактически спровоцировал последнего на антисоветское

³³⁹ Там же, стр. 139.

³⁴⁰ Там же, стр. 143.

³⁴¹ См. Шаумян Сур., Бакинская Коммуна, Баку, 1927.

выступление – при этом Армянский национальный совет заявлял о своем «нейтралитете». Сур. Шаумян был уверен, что Совет мусульманских организаций не прибег бы к оружию, если бы не покровительство «союзника», более того, он считает, что союзнические силы вмешались только в конце второго дня боёв, уже на стороне победителя – Баксовета, и это в том случае, что это вмешательство во многом ознаменовалось организацией погромов и поджогов. «Дашнакские части, – писал он, – почти испортили дело»³⁴². Во всех этих свидетельствах акцентируется одно обстоятельство: даже пришедшие к согласию дашнакские и большевистские силы не доверяли друг другу. Что касается соображений Сур. Шаумяна, то по нашему убеждению, они субъективны, персонифицированы и не отражают логику реального развития событий.

В перспективе получения цельной и сравнительно реальной картины и анализа, обратимся к хронике Мартовских событий.

24 февраля 1918 г. из Елизаветполя в Баку перебрался штаб Мусульманской дивизии – во главе с командиром «Дикой дивизии» генерал-майором Мирказим-беком Талышинским и генерал-лейтенантом Али-ага Шихлинским, который в районе Шамахинка проводил показательные учения. Следует отметить, что кроме генерала других мусульман в этом штабе не было. По приказу Исполнительного комитета Баксовета весь состав штаба был арестован на вокзале. Так вспыхнули первые страсти среди мусульман, усмотревших в этом приказе попрание прав мусульман. Было ясно, что одно только присутствие генерала Талышинского в Баку представляло опасность для Совета. Несмотря на это, Исполком согласился отпустить на свободу генерала – по ходатайству эсера Везирова и члена «Гуммет» Н. Нариманова³⁴³. Невольно напрашиваются параллели с образом действий грузинских большевиков, которые внутри Краевого комитета запретили подавление Комиссариата своим однопартийцем Ст. Шаумяном в Тифлисе.

³⁴² См. указ. соч., стр. 15.

³⁴³ См. Ратгаузер Я., указ. соч., стр. 145.

Я. Ратгаузер пытался обосновать, что Мартовские события носили стихийный характер. Уже одно это содержит в себе противоречие, поскольку у того же автора был основополагающий тезис – обосновать, что в Баку шла гражданская война, конечная цель которой являлся захват власти. Тем не менее большевистский хронист считал, что в начале столкновений, когда на массовых собраниях в бакинских мечетях звучали призывы к нападению, Ст. Шаумян обещал приложить все силы и решить проблему мирным путем. «Нет никаких оснований предполагать, что заявление Шаумяна было всего лишь маневром, – писал он, – поскольку вся деятельность Шаумяна отличалась правдолюбием, доходящим иногда до крайности»³⁴⁴.

Отношения Исполкома Баксовета и «Мусават» подходили к пику накала. Было очевидно, что татарские националисты готовились напасть на оружейный склад. Исполнительный комитет поручил председателю Военно-революционного комитета И. Сухарцеву помешать организации турецкого полка – предложив перенести этот процесс в Ленкорань. Как свидетельствует С. Мелик-Ёлчян, на этом этапе армянским национальным подразделениям также были даны гарантии в том, что «когда «Мусават» и турецкий Национальный Совет откроют дорогу, армянский полк и части отправятся в Армению»³⁴⁵ (Западную – В. М.). «Однако, не спрогнозировав свои дальнейшие шаги, – заключал автор, – «Мусават» приняла во внимание только продвижение турок в Закавказье. Поэтому она воспротивилась тому, чтобы армянские силы пошли против них. Она вообразила, что в один прекрасный день сможет завладеть армянским оружием и боеприпасами. Вот почему она не открыла дорогу и все время повторяла, что она бессильна что-либо сделать в этом направлении»³⁴⁶. Это умозаключение С. Мелик-Ёлчяна с полной уверенностью можно принять как трезвую оценку развития событий. В то же время между строк чувствуется, что действи-

³⁴⁴ См. там же.

³⁴⁵ См. Мелик-Ёлчян С., указ. соч., стр. 117.

³⁴⁶ См. там же, 117.

тельно, на соглашение «Мусават»–«Дашнакцутюн» возлагались определенные надежды, поэтому в этом контексте абсолютно излишни изумление дашнакского деятеля и обвинение «Мусават» в недалёковидности.

В качестве превентивных мер к развитию событий в середине марта ЦК АРФД, с разрешения Бакинского совета и при участии его представителей, вне пределов Баку – в Айкаванском поле, организовал парад войск, в котором участвовали батальоны Амазаспа и боевые отряды «Дашнакцутюн». А «Мусават», в данном случае – М. Расул Заде, представил протест в Исполнительный комитет, потребовав распустить армянские подразделения, а часть оружия передать им. В противном случае он угрожал тем, что «тюркство своими собственными силами осуществит свое желание, и тогда неминуемы «нежелательные погромы, ответственность за которые ляжет на Исполнительный комитет»³⁴⁷.

«Исполнительный комитет, – писал Расул-заде, – в лице большевистских руководителей – главным образом Шаумяна, проводит одностороннюю политику, проявляет пристрастность и защищает армян в ущерб туркам»³⁴⁸. За этим провокационным выступлением последовали ответы Ст. Шаумяна и И. Сухарцева. «Исполнительный комитет давно ждал такого заявления, – отмечал И. Сухарцев, – безнаказанные действия районов не дают покоя мусаватистам города (Баку – В. М.). Они желают уничтожения и разгрома трудящихся Баку, во имя чего Расул Заде наконец бросает перчатку. Стало быть, пришло время помериться силами. Но знайте, что всю ответственность за грядущий кошмар понесут те, кто его начали»³⁴⁹. Мусаватисты покидают заседание Исполкома, позже Расул-заде и Кязим-заде выходят из состава Исполнительного комитета, их заменяют другие, которые, по свидетельству С. Мелик-Ёлчяна, были

³⁴⁷ См. там же, с. 118.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Там же.

внедрены не для конструктивной деятельности, а с целью шпионажа³⁵⁰.

Между тем конечным сроком переговоров Совета и «Мусават» было назначено 18:00 часов 29 марта. Но не дожидаясь окончания этого срока, уже в 17:00 часов татаро–мусульмане, в рядах которых были, кстати, немецкие и турецкие офицеры и аскеры, бежавшие из плена с острова Нарген, атаковали первыми и развернули масштабные военные действия³⁵¹.

29 марта командующий татарскими войсками И.–х. Зиятханов телеграфировал со станции Кюрдамир, находящейся в 100 км от Баку, татарскому комиссару Комиссариата И.–б. Гейдарову: «По сей день не получил от вас никаких сведений и приказа – относительно отправки военной силы. Прибывающие из Гандзака эшелоны, которые направляются в Баку, тормозятся (имеет в виду силы Бакинского совета – В. М.). Почему Комиссариат не посылает никакой силы? Поговорите об этом с Комиссариатом. Говорят, в Евлахе два эшелона по сотне, которые ждут помощи из Тифлиса – прикажите, чтобы послали артиллерию. До сих пор нет грузинского полка. Прикажите, чтобы из Тифлиса в Кюрдамир послали 200 000 патронов для трехлинейных немецких «маузеров». На Баку движутся не менее 5000 человек. Пусть пришлют 50 000 патронов для турецких «маузеров»... вероятно, завтра в Шамхоре установится порядок, и власть будет захвачена у большевиков. Зиятханов»³⁵². Эта телеграмма лишний раз свидетельствует о подготовке похода на Баку и организации татаро–мусульманских волнений. Пока И.–х. Зиятханов расставлял свои силы, в Баку мусаватисты, в чем–то поторопившись, начали восстание³⁵³.

³⁵⁰ См. Мелик–Ёлчян С., указ. соч., с. 118.

³⁵¹ См. Погромы армян ..., с. 260–263.

³⁵² См. А–До, указ. соч., стр. 709.

³⁵³ См. там же.

Поводом для столкновения стало убийство 23-летнего сына Гаджи Зейналабдина Тагиева в Ленкорани и перевозка тела убитого 29 марта на пароходе «Эвелина» в Баку в сопровождении вооруженного конвоя из 48 татар³⁵⁴. В тот же день Исполкому стало известно, что на «Эвелине» собираются вооруженные татарские группы – во главе с офицером–татарином Асадулаевым, в основном из состава «Дикой дивизии». После похорон, когда татары возвращались на пароход, чтобы отправиться обратно в Ленкорань³⁵⁵, по приказу председателя ВРК И. Сухарцева, порт был окружен, пароход задержан, и туда был отправлен большевистский отряд Тадевоса Амиряна, который разоружил татарский конвой за то, что тот открыл в членов Комиссии огонь, в результате чего были жертвы³⁵⁶. Разоружение было проведено при посредничестве делегаций мусульманского и армянского национальных советов³⁵⁷. Следует отметить, что в речах, произнесенных во время похорон сына З. Тагиева, мусависты призывали покончить с бакинской властью³⁵⁸.

Понятно, что инцидент всколыхнул эмоции татар. Они решили затребовать оружие и добиться свободной организации и деятельности татарских сил в Баку.

29–30 марта в Исполнительный комитет обратились 25 представителей, среди которых Кази, 3–4 моллы, А. Марданбек Топчибашиев, Бейбут–ага Дживаншир, М. Хасан–Гаджинский, вице–градоначальник туркофил Джушуз Арутюнян и эсер Левон Атабекян. С целью усилить свои требования, татары приказали, чтобы десятки вооруженных групп организовали мусульманские выступления³⁵⁹.

³⁵⁴ Пароход «Эвелина» принадлежал братьям Аветян. См. Дадаян Х., указ. соч., стр. 109.

³⁵⁵ См. Искендеров М. С., указ. соч., с.196.

³⁵⁶ См. Корганян Г., указ. соч., с.113.

³⁵⁷ См. Мелик–Ёлчян С., указ. соч., с.119.

³⁵⁸ См. Ратгаузер Я., указ. соч., с.147.

³⁵⁹ См. Мелик–Ёлчян С., указ. соч., стр.119.

Степан Шаумян

Ростом
(Степан Зорьян)

Акоп Багратуни

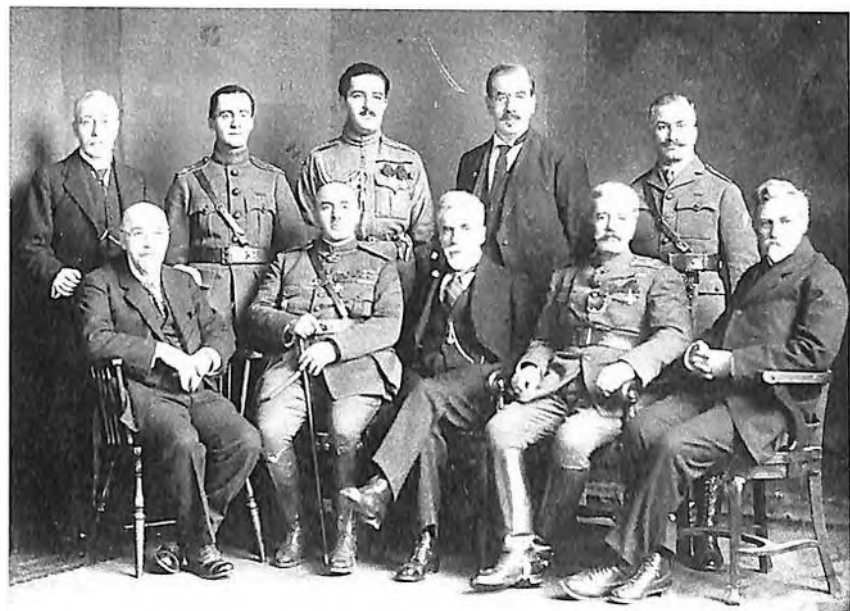
Амазасп
(Срвандзтян)

Григор Корганян

В центре: Егише Пахлавуни

В нижнем ряду слева второй А. Багратуни, далее:
О. Каджазунни и Андраник

Абраам Гюльханданян

Тадевос Амирян

Сергей Мелик-Ёлчян

Арам Манукян

«Дикая дивизия»

Ханасори Вардан

Наджимуддин Гоцинский

Леван Магалов

Гаджи Зейналабдин Тагиев

Ф. Хан-Хойский

А.-Б. Топчибашев

Х.-б. Хас-Мамедов

Н. Жордания

Е. Гегечкори

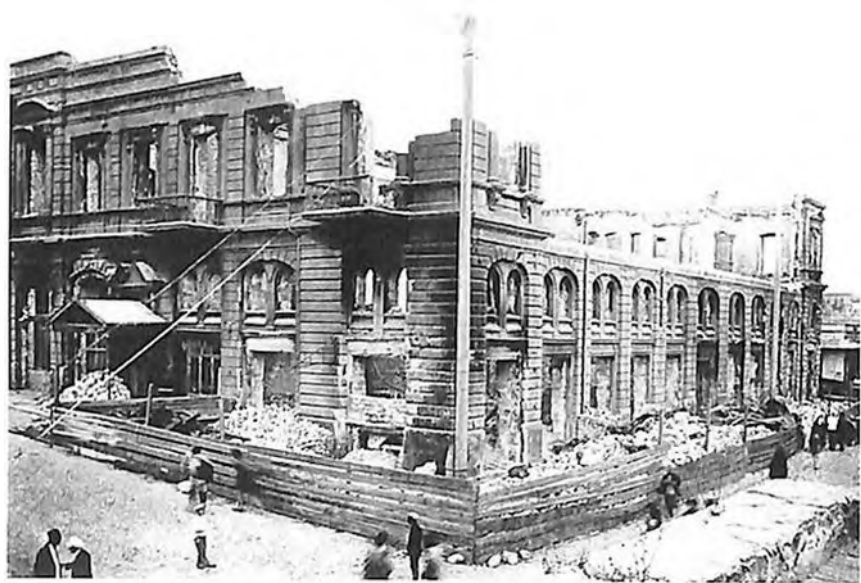
Ной Рамишвили

А. Чхенкели

Джавад-б. Шихлинский

Баку, март 1918

Весь день 31 марта в разных районах Баку проходили митинги. Днем, в 16:00 часов, в Исполком пришла вышеупомянутая делегация. Выслушав делегатов, председатель Исполкома А. Джапаридзе ответил, что он постарается получить обратно у ВРК оружие. В 17:15 часов он явился в Военревком, однако во время разговора все узнали, что в Шемахинке и на Татарской улице мусульмане открыли огонь по войскам Советов. В сложившихся обстоятельствах ВРК посчитал доклад Джапаридзе неуместным. В ту же ночь в Сурахане была разоружена Красная гвардия, которую заменили мусаватистскими подразделениями. По свидетельству азербайджанского автора М. Искендерова, в создавшейся ситуации 18 марта на квартире Н. Нариманова состоялось расширенное заседание коммунистической организации «Гуммет» с участием Ст. Шаумяна.

В стиле, присущем турко-татарам в их образе действий, представив на той же площадке поведение мусаватистов и дашнаков и их соучастие в развязывании межнациональных погромов, Н. Нариманов предложил урегулировать конфликт мирным путем. Основную долю вины списали на якобы своеволие «Дикой дивизии». В тот же день созвали также заседание ВРК Кавказской армии, в котором участвовали как большевики Ст. Шаумян, П. Джапаридзе, Г. Корганян и др., так и глава «Мусават» Махмед Эмин Расул-заде. Было решено с помощью «Гуммет» вернуть оружие эшелона мусаватистов, направлявшегося в Ленкорань. Однако, даже несмотря на это, как раз во время заседания мусаватисты подняли в Баку волнения³⁶⁰.

Создается Комитет революционной обороны (КРО) Баку и районов в следующем составе: *Ст. Шаумян* – Чрезвычайный комиссар Совнаркома по Кавказу (продовольственные вопросы), *Г. Корганян* – председатель ВРК Кавказской армии (воен-

³⁶⁰ «Гуммет» – малочисленная татаро-большевистская партия, которая не слилась с большевиками, исходя из тактических соображений, так как татарским массам на путь коммунизма могли наставить лишь большевики-мусульмане.

См. Искендеров М. С., указ. соч., стр.197–198.

но-морской отдел), *П. Джапаридзе* – председатель Бакинского совета с. и р. депутатов (международные вопросы, коммуникации, городские и санитарно-медицинские вопросы), *И. Сухарцев* – председатель Бакинского ВРК (юстиция и оборона города). Приглашенные члены – правый эсер С. Саакян, Н. Нариманов и член АРФД С. Мелик-Ёлчян. Хотя представительство национальных организаций было отклонено, однако примечательно присутствие С. Мелик-Ёлчяна, что было инициативой Ст. Шаумяна и Г. Корганяна. секретарем КРО был Н. Кузнецов³⁶¹.

31 марта КРО принял решение – открыть артиллерийский огонь, вовлекли также три корабля. В городе началась беспрецедентная паника: «Во всем городе была настоящая военная ситуация. На улицах образовались позиции, занятые крыши и окна домов напоминали крепости, и три дня подряд, не переставая ни днем, ни ночью, в городе происходили кровопролитные бои», – свидетельствовал А. Гюльханданян³⁶².

Как комментировала тогда пресса, картина «войны 30 Марта» была следующей.

В Баку и городских предместьях – на станциях в Черном городе, в Баладжаре, в Биби-Хейбате, в Сабунчи и Сураханы произошли кровавые столкновения, были сожжены рынки, часть нефтепромыслов, сотни домов. Численность противоборствующих сторон составляла около 20 000 человек, жертв – 3000³⁶³.

По свидетельству Г. Корганяна, потери армянских частей составили 6 офицеров и 60 убитых и раненых³⁶⁴.

Мусульманские волнения начались 30 марта, когда татарские части открыли огонь на Шемахинской и Татарской улицах. Линия соприкосновения конфликтующих сторон проходила по улицам Станиславского, Армянской, Балаханской, от площади

³⁶¹ См. Ашхатавор, 1918, 6 апреля, № 36.

³⁶² См. Гюльханданян А., Закавказье и бакинские события, стр. 47.

³⁶³ См. НАА, ф. 4007, оп. 1, д. 228, л.1–2.

³⁶⁴ См. Корганян Г., указ. соч., стр.113.

Парапет до Приморского бульвара. На улицах были вырыты окопы, свирепствовала интенсивная пулеметная перестрелка, стреляли отовсюду – из окон, с крыш домов.

Одновременно крупные мусаватистские силы атаковали Баилов–Бибихейбатское рабочее предместье, с целью укрепиться в военно–морском порту, однако тут они встретили мощный отпор Красной армии Баксовета и были отброшены назад.

31 марта большевистские силы при поддержке артиллерийского огня Каспийского флота перешли в решительное наступление по всей линии фронта и, заняв множество улиц, подошли к городской крепости. Здесь они стали обстреливать здание «Исмаилие», где располагался штаб «Дикой дивизии», и в результате тяжелых боев захватили его³⁶⁵.

Газета «Шаржум» («Движение») – орган Ахалцихского отделения «Дашнакцутюн», писала, что «на стороне большевиков многие народы, за исключением турок: все местное войско – за большевиков. Ни с одной стороны помощи большевикам не поступило. Турки сильно побиты. Противостоять они не в состоянии. По улицам фургонами собирают трупы. Говорят, убитых больше тысячи»³⁶⁶.

Мусаватистским восстанием главным образом руководил Сафар Алиев. Генштаб располагался в здании «Исмаилие». Основные события разворачивались на улицах Базарная, Николаевская, в районе Крепости, Дворца труда³⁶⁷. 21 марта газета «Кавказское слово» по прямой телефонной связи сообщила читателю, что «на данный момент большевики разоружают железнодорожную милицию, сгорел весь рынок, улица Николаевская превратилась в груды камней, сгорели здание «Исмаилие» и редакция газеты «Каспий». Кроме Николаевской, серьезно пострадали также улицы Сураханская, Чадровая, Бондарная, Армянская. В Кышлаге и Бюльбюли 4 тысячи татар попытались

³⁶⁵ См. Токаржевский Е. А., Из истории иностранной интервенции, стр.52.

³⁶⁶ «Шаржум», 1918, 29 марта, № 20.

³⁶⁷ См. Раггаузер Я., указ. соч., с.149.

оказать сопротивление. Против них выставили бронемашину, и с помощью гидропланов и бомб толпы были рассеяны»³⁶⁸.

Комитет революционной обороны в своем ультиматуме требовал: 1. Безоговорочное признание власти Бакинского совета и подчинение его приказам. 2. «Дикая дивизия», как и другие мусульманские и армянские воинские объединения должны быть выведены за пределы Баку или подчиниться Совету. 3. Незамедлительно открыть железнодорожные пути Баку–Тифлис и Баку–Петровск³⁶⁹. И если к 15:00 1 апреля не будет получено согласие «Мусават», Комитет революционной обороны воспримет это как военное положение, начатое мусаватистами, посему на них будет возложена вся ответственность за любые последствия. Представленный ультиматум был принят представителями мусульманских организаций, однако из-за плохой организованности мятежа стрельба в городе не прекращалась. 2 апреля были предприняты все возможные меры для прекращения военных действий. В ходе переговоров А. Джапаридзе изобличил роль «Мусават» и ее инициативу в развязывании мятежа. Эсер С. Саакян заявил, что хотя его партия не согласна с точкой зрения большевиков по многим принципиальным вопросам, однако когда «речь идет о защите Бакинского совета, то здесь вся демократия единодушна»³⁷⁰. Представители бакинского мусульманства, в том числе и «Мусават», выразили подчинение Комитету революционной обороны.

В то же время считаем уместным упомянуть мнение Б. Байкова о том, что на решение большевиков прекратить огонь во многом повлияло обращение двух российских пехотных полков. Они заявляли, что «если большевики не прекратят дальнейшее кровопролитие», то эти полки сами выступят против большевиков. Эта угроза была вполне реальна, поскольку в этих полках было 8000 бойцов³⁷¹.

³⁶⁸ Кавказское слово, 1918, 24 марта, № 67.

³⁶⁹ См. «Шаржум», 1918, 29 марта, № 20.

³⁷⁰ См. Раггаузер Я., указ. соч., сс.147–148.

³⁷¹ См. Байков Б., указ. соч., стр.121.

Таким образом, 30 марта–1 апреля в Баку и промышленных районах произошли жестокие столкновения, которые большевистская историография квалифицирует как гражданскую войну (между революционными и контрреволюционными силами).

Очевидно также, что посредством антисоветского мятежа мусульмане пытались спровоцировать также межнациональную вражду – между армянами и азербайджанцами³⁷². В формулировку «обе стороны» азербайджанцы всячески пытались искусственно втиснуть Красную гвардию и «Дикую дивизию»³⁷³, то есть полностью игнорировалось участие армянских национальных частей и самое главное – то, что эти части сотрудничали в действиях Бакинского совета.

3.3. АРМЯНСКИЙ ВОЕННО–ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В БАКУ

Впервые участие армянских национальных частей бакинская власть официально зарегистрировала 21 марта. В номере 1 «Бюллетеня» Комитета революционной обороны был опубликован призыв, подписанный Ст. Шаумяном и другими членами комитета, о защите советской власти в Баку от нападений «Му-сават»: «Мы призываем, – говорилось в нем, – армянскую и турецкую демократию в этот решительный момент однозначно и бесстрашно, с оружием в руках сплотиться под знаменем Комитета революционной обороны»³⁷⁴.

24 марта в Трапезунд прибыл Г. Расул–заде и представил делегации Сейма подробности бакинских событий. Он особо подчеркнул, что «в Баку дашнаки поддерживают какие–то связи с большевиками»³⁷⁵.

Исходя из накаляющейся тревожной ситуации, на заседании Бакинского национального совета 28 марта Ростом поднял сле-

³⁷² См. Искендеров М. С., указ. соч., стр.199.

³⁷³ Там же, стр. 201.

³⁷⁴ «Ашхатавор», 1918, 25 марта, № 31.

³⁷⁵ См. Хачатрян Аст., указ. соч.

дующие злободневные вопросы: «1. Всеобщему призыву подвергнуть всех достигших 45 лет. 2. Строгими и решительными мерами обеспечить нужное количество денег. 3. Отправить на фронт бóльшую часть наших вооруженных сил, ибо лучшая форма самообороны – это защита фронта. 4. Чтобы суметь сохранить тылы, всячески стараться стать хозяевами положения в Баку и Гандзаке, которые являются ключами тыла и важнейшими позициями врага»³⁷⁶.

Национальный совет дал согласие на предложения Ростом и решил объявить армянский призыв и отправить на фронт бóльшую часть находящихся в Баку армянских подразделений (программа осуществлялась совместно с А. Баградуни – В. М.), через армянских агентов Северного Кавказа заинтересовать казаков – в вопросах защиты фронта и вообще катастрофических последствий падения Баку. Было решено направить в Гандзак руководящих организаторов самообороны, а также обратиться в Бакинский совет – «против врагов Родины и Революции и опубликовать в связи этим призыв»³⁷⁷. На заседании 30 марта Национальный совет решил сформировать Верховный воинский орган – Армянский штаб обороны, который возглавляли Ханасори Вардан, полковники русской армии Бахтамян и Казарян³⁷⁸. Руководство обороной города было возложено на подполковника Арутюнова³⁷⁹.

Что касается роли Ростом, то армянские национальные круги именно его принимали как реального руководителя сопротивления.

По мнению Арама Алчуджяна Ст. Шаумян, А. Джапаридзе, Л. Атабекян и другие политические противники с восхищением говорили о нем и зачастую приходили к нему за советом³⁸⁰.

³⁷⁶ См. Ростом, К 60-летию кончины, стр.318.

³⁷⁷ См. там же, стр. 318–319.

³⁷⁸ См. там же.

³⁷⁹ См. НАА, ф. 1267, оп. 2, д. 94, л. 12.

³⁸⁰ См. Алчуджян А., Ростом в Баку, Айреник, 4 год, № 7, (365), июль, 1956, стр. 2–3.

Для С. Врацяна также было бесспорно, что грузины и турки в Тифлисе (Комиссариат, Сейм – В. М.) действуют мирно, слаженно и под антибольшевистской борьбой преследуют узконациональные интересы. Это подтверждала и мусаватистская деятельность в Баку и провинциях – что, с одной стороны, они стремились захватить власть, а с другой – разрушить до основания армянские районы»³⁸¹.

Деятельность Бакинского национального совета проявлялась в нескольких ключевых эпизодах.

Вечером 29 марта, когда началась перестрелка между «Дикой дивизией» и Красной гвардией, по этому поводу Национальный совет созвал чрезвычайное заседание и решил вмешаться в события – с целью остановить кровопролитие. Эсеру Л. Атабекову было поручено сообщить ВРК об этом, а также о решении Национального совета относительно соблюдения нейтралитета. По убеждению американского историка армянского происхождения Рональда Сюни, «было совершенно ясно, что та сторона, которая завоюет поддержку армян, получит позиционное преимущество и очевидным образом победит»³⁸².

Относительно «нейтральности» Национального совета наиболее нетерпимую и радикальную позицию выказывал особенно Сурен Шаумян. По его мнению, в борьбе против большевиков Армянский национальный совет обещал свою поддержку Совету мусульманских общественных организаций и, якобы провоцируя их на выступление, заявил о своем «нейтралитете». Автор утверждал, что Мусульманский национальный совет не прибег бы к оружию, если б не был уверен в вопросе союзника. Он также был уверен в том, что дашнакские части вмешались в бой на стороне победителя – Бакинского совета. Он даже впал в крайность, утверждая, что «из-за хулиганства дашнакских отрядов возникла серьезная угроза того, что столкновения примут характер межнациональных погромов»³⁸³. Голословное

³⁸¹ См. Врацян С., указ. соч., стр. 169.

³⁸² Suny R. G., p. 218.

³⁸³ См. Шаумян Сур., Бакинская Коммуна, стр. 15.

большевистское обвинение звучит и по другому вопросу: если бы провели частичное разоружение мусульманской стороны, то это значило бы подчеркнуть «армянский» характер Советской власти – чего, по мнению Сур. Шаумяна, не было³⁸⁴. Сразу же отметим, что мусульманские политические силы Баку придерживались совершенно противоположного мнения.

Считаем, что сын жертвы Бакинской коммуны – Степана Шаумяна, исходя из субъективно–психологического подхода, спустя 9 лет после событий должен был обвинить как раз дашнакских «шовинистов», доведя до крайности даже позицию своего именитого отца в отношении национальной демократической партии. Странно однако, что ему не был известен, или просто был предан забвению факт кратковременного сотрудничества партии «Дашнакцутюн» и Бакинского совета.

31 марта на заседании Национального совета было принято решение принять меры к самообороне армянского населения. Председателю Аб. Гюльханданяну, а также С. Араратяну, Н. Тер–Казаряну было поручено начать переговоры с ВРК относительно прекращения столкновений, а А. Атабекяну, Т. Исакханяну, Г. Тер–Микаеляну и А. Чилингаряну – с татарским комитетом. На заседании 20 марта было доложено о провале этой миссии, и подтвердился тот подход, согласно которому «ни один армянский солдат, подчиненный Национальному совету, не должен участвовать в боях, а армянские части должны остаться в роли самообороняющихся»³⁸⁵.

Добавим, что если С. Вращан днем принятия решения о нейтралитете считает 29 марта, то С. Мелик–Ёлчян упоминает 30 марта. Мы находим, что в контексте трехдневных стремительных событий приобретает важность даже эта деталь, поскольку именно с этим нюансом связан вопрос помощи армянской национальной военной силы, оказанной Баксовету.

Примечательно, что, с одной стороны, 2–му полку Амазаспа было дано указание не вмешиваться, и одновременно участни-

³⁸⁴ См. Шаумян Сур., там же.

³⁸⁵ См. Вращан С., указ. соч., стр 172.

ки заседания Баксовета С. Араратян, С. Мелик–Ёлчян, Л. Атабекян и С. Саакян сообщают, что в случае угрозы безопасности армянского населения они «выполнят свой долг»³⁸⁶.

Действительно, отряды «Дашнакцутюн» немедленно заняли позиции от прибрежной части до Айкавана. Более того, по свидетельству С. Мелик–Ёлчяна, решением Баксовета, принятым в тот же день, позиции заняли объединенные силы власти, которым было дано указание «не начинать никаких действий, пока не начнется турецкое наступление на армянскую часть»³⁸⁷. Кстати, участник событий С. Мелик–Ёлчян – единственный из современников, кто связывает турецкое наступление 31 марта с нападением на армянский квартал Баку. В нападении участвовали 20–25–тысячные мусульmano–татарские силы – как из города, так и из соседних районов, однако они «как волны морские, бьются в крепкую, как скала, грудь наших бойцов, рассыпаются и откатываются назад – бой становится чудовищным»³⁸⁸.

Об этом свидетельствовал и Б. Байков: по его мнению, если Армянский национальный совет всячески пытался оградить армянские массы, держать их подальше от столкновений, то комитет «Дашнакцутюн» решил принять активное участие. На тот момент к ним присоединились и собравшиеся в городе 8000 армянских бойцов. Вначале удача была на стороне татар, но уже на второй день стало ясно, что они проигрывают, даже больше – они стали в массовом порядке покидать город³⁸⁹.

Армянским штабом обороны руководили генерал И. Баграмов и генерал–майор А. Багратуни. Подполковник Арутюнов был назначен руководителем обороны Баку, начальником штаба

³⁸⁶ См. Мелик–Ёлчян С., указ. соч., стр. 120.

³⁸⁷ Там же, стр. 121.

³⁸⁸ См. там же.

³⁸⁹ См. Байков Б., указ. соч., стр. 121. А–До отмечает 200 человек, 2 пушки, 5 пулеметов, см. А–До, указ. соч., стр. 706. По свидетельству Б. Байкова, в атмосфере страха татары доводили эту цифру до 6000, позднее – до 15, 20 тысяч, что, по его убеждению, было откровенной фантастикой (Байков Б., указ. соч., стр. 121).

был штабс–капитан Саркис Мусаелян (один из руководителей Майского восстания большевиков 1920 г. – В. М.). Армянские силы составляли: 2–й армянский резервный полк (700 человек), 1–ый партизанский отряд Амазаспа (800 человек), рота АРФД (500 человек), 4 пушки, 5 пулеметов – под руководством Егише Пахлавуни и Исраела Тер–Казаряна.

Город был разделен на шесть оборонительных участков, которыми руководили штабс–капитаны Арам Довлатян, Лалаев, Амирджанов (Амирджан Нухеци – В. М.), поручик Крикорян, Серго Манучарян (помощник Амазаспа), Григорянц.

В итоге, благодаря сотрудничеству Баксовета и Армянского национального совета в течение 3–дневных боев мусаватистский мятеж был подавлен. Число убитых татар–мусульман достигало 2000, силы Бакинского совета и армянские части потеряли несколько сотен человек. По поручению А. Гюльханданяна, с помощью переписи, произведенной приходскими священниками армянских церквей Баку, стало ясно, что убитые – в основном из провинций Гандзака, Шуши, Зангезура, Нухи, Гёкча и Шемахи³⁹⁰. Во время миротворческой миссии был предательски убит Левон Атабекян³⁹¹. Большая часть мусаватистов сбежали из Баку, в составе совета остались около 10 татар – большевиков, меньшевиков³⁹². На заседании Закавказского сейма 6 апреля эсер Лордкипанидзе сообщил о смерти своего однопартийца Левона Атабекяна, и, по предложению председательствующего, собравшиеся минутой молчания почтили память павшего члена Сейма³⁹³. Из Еревана соболезнование выражали Ваан Навасардян, группа молодых дашнаков³⁹⁴.

В связи с мартовскими событиями Армянский национальный совет опубликовал развернутое заявление, в котором излага-

³⁹⁰ См. НАА, ф. 458, оп. 1, д. 330, лл. 1–9, по Степанян Г., Амазасп Срвандзтян, с. 432–433.

³⁹¹ См. Аветисян Г., Армянский вопрос в 1918, стр. 166.

³⁹² См. Гюльханданян А., Закавказье и бакинские события, стр. 48.

³⁹³ См. Закавказский сейм, Стенографический отчет, заседание 20–е, 24 марта, 1918, стр. 4.

³⁹⁴ См. «Ашхатавор», 1918, № 36, 6 апреля.

лось подробное описание столкновений. Из этого документа, равно как и из материалов персидского консульства в Баку становится ясно также, что по поручению Национального совета спасены около 14 000 татар, персов, горцев. С этой целью специфик Давид Ананун был назначен общим попечителем, и ему были даны полномочия на местах в безопасных условиях собрать мусульман. Они были размещены в театрах Маилянов (3500 человек) «Рекорд» (2690 человек), «Рамзей» (579 человек), в театре-цирке Ефимова (800 человек) и многих других общественных зданиях, в Айкаване, всего 11 726 человек. Еще около 1500 человек нашли прибежище в частных домах армян³⁹⁵. В течение дня Ростом несколько раз посещал общежития пленных. «Сотни пленных хватали и целовали руки Ростому, Абраму (Гюльханданян – В. М.)»³⁹⁶.

Интересно свидетельство М. Шатирияна, выполнявшего миссию примирения со стороны АРФД, согласно которому благодаря этой миссии те дни удалось сохранить жизни армян Шемахи, Нухи, Ленкорани, Кубы и Дербенда. Единственное компетентное лицо – персидский консул, в ответ на свой доклад получил от персидского шаха телеграмму с выражением одобрения и гарантий в безопасности персидских армян³⁹⁷.

Особое внимание «Дашнакцутюн» обращала тому, чтобы жизни некоторых влиятельных татарских деятелей и членам их семей ничто не грозило. Среди них были Гаджи Зейналабдин Тагиев, Муса Нагиев, князь Каджар, Мирза Асадуллаев и др., которые телеграфировали своим единоверцам, призывая их проявить хорошее отношение к армянам³⁹⁸.

Примирительная делегация (Г. Тер-Микаелян, М. Шатирян) сообщила татарским представителям о трех предложениях на-

³⁹⁵ См. Вращян С., указ. соч., с. 172, также Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918–1920 гг., Сборник документов, стр. 26–28.

³⁹⁶ См. Алчуджян А., указ. соч., стр. 4.

³⁹⁷ См. Шатирян М., Страница армяно-турецких столкновений, Айреник, 1923, сентябрь, № 11, стр. 97, (на арм. яз.).

³⁹⁸ Там же.

ционального совета – относительно обеспечения безопасности армян. «Полковник князь Каджар, – писал М. Шатирян, – со слезами на глазах, расчувствовавшись, поблагодарил за их освобождение и заботу о них, затем от имени всех торжественно дал слово свято выполнять поручение АРФД»³⁹⁹. Татарский деятель приписывал злодеяния разбойничьим бандам, против чего «яростно выступил Темур-бек Ашурбеков: «Это все ложь, не было никаких разбойничьих банд! За последний месяц я три раза приезжал в Гандзак, и при мне всегда была крупная сумма денег – никто меня не грабил, не оскорблял, и каждый раз на моих глазах из вагонов выволакивали несколько несчастных армян и в присутствии турок, русских и грузин, и прямо на месте, на станции резали их. Это и были организованные политические разбойники. У нас не было права вмешиваться. Сейчас хотя бы, когда эти люди, которые спасли нам жизнь, пришли пожелать нам доброго пути, будем честными и признаем свою вину»⁴⁰⁰ (выделено мной – В. М.). Даже после того как, по поручению Исполнительного комитета, большевики окружили «Дашнакский Дом» и требовали сдать «турок-буржуев», Национальный совет добился того, чтобы беженцы были освобождены⁴⁰¹.

Считаем необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что в лице М. Шатиряна и его эмоциональных описаний проявлялась глубинная тактическая позиция, в частности, антибольшевистская направленность и в какой-то степени – безосновательная уверенность в отношении татарских деятелей. Эти же самые добрые и искренние татары в сентябре того же 1918 года истребили в Баку более 30 000 армян, тем самым доведя дело до конца и выполнив основные цели мартовских событий в Баку, в частности – устранение армянского фактора. Такое же возмущение выражал и Борис Байков в 1923 году. Он писал: «Среди татар, спасенных армянами, были представители буржуазии,

³⁹⁹ Там же, стр. 99.

⁴⁰⁰ См. Шатирян М., указ. соч., стр. 97.

⁴⁰¹ См. там же.

общественные деятели и даже такие откровенные армянофобы, как инженер Бейбут–хан Дживаншир – организатор и руководитель сентябрьских массовых армянских погромов, когда Баку захватили турки и азербайджанцы»⁴⁰². Он отмечал также, что в дальнейшем не раз слышал мнения о том, как в «мартовские дни» 1918 г. «армяне безжалостно истребляли татар». «Истина заставляет меня признаться, что это – ложь», – свидетельствовал русский деятель⁴⁰³.

На страницах своих известных мемуаров «Очерки русской смуты» о мартовских событиях в Баку писал и А. Деникин.

Один из предводителей белого движения, генерал А. Деникин, понятно, оценивал события с антибольшевистских позиций. Он считал, что «в Баку шло состязание – между турецким фанатизмом, большевистской пропагандой, английским фунтом и немецкой маркой. В Баку, как и повсюду, издавна между татарским и армянским населением существовала вражда, которая особенно ужесточилась после большевистского переворота и получила внешние проявления: с одной стороны, между советской властью (на сторону которой перешли дашнаки и российский пролетариат), и с другой – турко–татарскими силами, к которым примкнула и русская интеллигенция – из чувства самосохранения»⁴⁰⁴. Квалифицируя бакинские события как переворот, и это вполне понятно и приемлемо в контексте вооруженного восстания в Петрограде, А. Деникин тем не менее осуждал события в рамках межэтнических столкновений и, опираясь на созданные позже азербайджанским правительством официальные данные, делал вывод, что «в городе уничтожен целый мусульманский квартал». В то же время он подчеркивал, во–первых, что число жертв не было зафиксировано, а также то, что эти данные «вероятнее всего преувеличены»⁴⁰⁵.

⁴⁰² См. Байков Б., указ. соч., стр. 122.

⁴⁰³ См. там же.

⁴⁰⁴ Деникин А. И., Очерки русской смуты, Москва, 1991, стр. 143.

⁴⁰⁵ Там же.

По поводу армянского гуманизма Г. Тагиев через прессу 10 апреля выразил армянам благодарность. В телеграмме, адресованной председателю Закавказского комиссариата Е. Гегечкори и Национальным советам Закавказья, он писал: «Бакинские события не носили характера армяно–татарских столкновений, в течение всех боев турки не трогали армян, проживавших в турецких домах и кварталах. А армянские подразделения спасли и дали пристанище более 14 000 мусульман, которых вернули обратно с помощью персидского консула»⁴⁰⁶.

3.4. ТАКТИКА СЕЙМА В ОТНОШЕНИИ НОВОГО МУСАВАТИСТСКОГО НАШЕСТВИЯ В АПРЕЛЕ 1918 г.

«Сломав хребет «Мусават», – писал С. Врацян, – Рабочий совет взялся за обуздание турко–мусаватистских интриг»⁴⁰⁷. Дело было в том, что лидеры «Мусават» стали формировать новые мусульманские отряды в Гандзаке и Ленкорани, Кубе и Тифлисе – с целью осуществить решительную атаку на Баку⁴⁰⁸. На этот раз походом против Бакинского совета руководил также Н. Рамишвили – главный поджигатель, один из лидеров фракции грузинских меньшевиков в Сейме и, в частности, мятежей на закавказской железной дороге. Он должен был «предпринять шаги правительства в вопросе Баку», иными словами – попытаться любой ценой свергнуть власть в Баку.

7 и 8 апреля председателю Сейма А. Чхеидзе поочередно посылали телеграммы председатель ЦК С.–д. меньшевистской партии Баку Айолло, депутат Сейма Г. Тер–Казарян и Бакинский ВРК.

Организация бакинских меньшевиков, независимо от тактического отношения к большевистскому большинству в Баксовете, сообщала председателю Сейма, что считает своей обязан-

⁴⁰⁶ «Оризон», 1918, 29 марта, № 66, также Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918–1920 гг., Сборник документов, стр. 21.

⁴⁰⁷ Врацян С., указ. соч., стр.174.

⁴⁰⁸ См. Искендеров М. С., указ. соч., стр. 203.

ностью оказать активное содействие Совету в его борьбе с контрреволюцией. «Продвижение дагестанцев, – отмечал Айоло, – мы считаем контрреволюционным делом и просим Сейм помочь Бакинскому совету сражаться против продвигающихся вперед дагестанцев. Их продвижение грозит многонациональному населению Баку неисчислимыми потерями»⁴⁰⁹.

В телеграмме, адресованной Н. Жордани, А. Чхеидзе, Е. Гегечкори и Н. Рамишвили, Г. Тер–Казарян подчеркивал то обстоятельство, что относительное затишье, установившееся в Баку с 1 апреля, может быть нарушено вследствие одновременно движущихся на город частей из Дагестана, Тифлиса и Гандзака и новых военных действий. Он уверял вождей грузинских меньшевиков, что у Баксовета достаточно сил и средств, не только для сопротивления, но и для ответного удара, что к Баксовету присоединились все социалистические, демократические и революционные партии.

Г. Тер–Казарян призывал меньшевиков «уладить дело без лишних столкновений и неизбежных жертв», так что предлагал немедленно остановить движущиеся из Тифлиса части и отозвать броневики. «Выступление Сейма нельзя позволить ни в коем случае, иначе последствия будут губительными для всего Закавказья. Предупреждаю: учитывая интересы мусульман и всего Закавказья, мусульманские партии не должны увлекаться идеей обескровливания сил Баксовета и революционных организаций Баку. Последние должны приложить все силы, чтобы преградить путь движущимся на Баку отрядам. Ждем ответа от вашего правительства. Если б была возможность прийти всему Сейму. Чтобы установить там мир, это было бы очень хорошо – учитывая всю серьезность положения»⁴¹⁰.

И наконец, 2 апреля к главе Сейма обратился ВРК Баку – в лице председателя совета А. Джапаридзе, лидера местных большевиков Нанейшвили и председателя партии левых эсеров И. Сухарцева.

⁴⁰⁹ См. Ван–Тосп, Тифлис, 1918, 1 апреля, № 10.

⁴¹⁰ См. там же.

Считаем необходимым представить содержание этой телеграммы полностью: «В городе произошли вооруженные выступления дикой дивизии, разбойничьих банд и других контрреволюционных офицеров против власти советов. Объединенными вооруженными силами Советов и находящихся в Баку частей контрреволюционное выступление подавлено. Мятеж не вышел за рамки гражданского противостояния. Жизнь промышленного района не нарушена. В городе ныне сохраняется спокойствие. Мусульманское население, за исключением его высшего слоя, объединяется и организуется вокруг совета, при котором создано бюро – из числа представителей социалистических партий. В ближайших селах царит спокойствие. Угрозу представляет только дагестанский полк, который находится в Хурдалане и, вопреки желанию и заявлению местного мусульманского населения, отказался уйти и сегодня начал военные действия. Согласно нашим сведениям, Сейм намерен встать рядом с врагами Советов. От имени бакинских рабочих, без национальных и партийных различий, предупреждаем вас – не идите на это преступление»⁴¹¹.

Среди руководителей, подписавших обращение, был и А. Гюльханданян⁴¹². 13 апреля к Сейму и руководству Закавказского правительства обратились члены Сейма С. Тигранян и Г. Тер–Казарян с просьбой «остановить вооруженные столкновения в бакинских районах»⁴¹³. Они призывали незамедлительно направить делегацию из Тифлиса в Баку и положить конец военным действиям.

На заседании исполнительного комитета Совета р. и с. депутатов 4 апреля к бакинским событиям обратились также Ф. Махарадзе и Зограбян.

Относительно позиции Закавказского правительства большевик Ф. Махарадзе считал: полагая, что в Баку идет межнациональная война, Сейм принял решение отправить туда смешан-

⁴¹¹ См. там же.

⁴¹² См. «Ашхатавор», 1918, 6 апреля, № 36.

⁴¹³ Там же.

ное воинское подразделение. Из выступления Ф. Махарадзе становится также ясной одна деталь: якобы Сейм, получив из Баку новые сведения, вернул с дороги обратно этот «смешанный отряд, случайно отправившийся вместе с «Дикой дивизией» Магалова»⁴¹⁴.

В свою очередь, Зограбян не принимал попытки выставить бакинские события как проявление межэтнической вражды – считая, что их следует рассматривать как «последствия обычных действий большевиков»⁴¹⁵. По его мнению, ситуация в Баку осложнялась тем, что с большевиками столкнулись не демократические, как это происходит везде, а реакционные силы, в данном случае – «Мусават». «Части, защищающие «Мусават», – говорил он, – это реакционные силы – дагестанские полки, посланное из Тифлиса мусульманское подразделение, которые поставили перед собой цель выдавить большевиков из Баку и утвердить там свою власть. Учитывая это, все революционные силы Баку сплотились вокруг совета. Таким образом, война идет между пролетариатом и реакционными элементами»⁴¹⁶.

Сказанное дополнил и председатель Бакинского ЦК АРФД А. Гюльханданян. 4 апреля он телеграфировал Сейму о том, что среди направлявшихся в Баку вооруженных сил есть броневик и подчиненные Сейму несколько подразделений. Он был уверен, что любое – в том или ином виде, участие Сейма в походе на Баку чревато разгоранием межнационального пожара, поэтому от имени ЦК требовал, чтобы отправленные подразделения были немедленно отозваны обратно и чтобы Сейм вообще отказался от идеи отправки вооруженных сил в Баку. К этому он добавлял также, что «мусульманские отряды разрушили все армянские и большую часть русских деревень Шеемахинского уезда, и 30–тысячный поток армянских и русских беженцев направляется в Баку»⁴¹⁷.

⁴¹⁴ См. «Оризон», 1918, 20 апреля, № 74.

⁴¹⁵ См. там же.

⁴¹⁶ См. там же.

⁴¹⁷ Там же, 19 апреля, № 73.

Думается, в сложившейся ситуации, когда началось сопротивление Баку, такое предложение совершенно не могло исходить из армянских интересов. Этот подход в большей степени был продиктован Трапезундскими переговорами, то есть порочным стремлением – дать преимущество только переговорам с турками.

На заседании Сейма 2 апреля стало ясно, что решением правительства сформирована делегация в следующем составе⁴¹⁸. Гайдаров, Тигранян, Ониашвили, Махмудов, Мелик-Еганов. Делегация должна была расследовать подробности бакинских событий и предотвратить «братоубийственную войну». Бакинский КРО, отвечая члену Сейма Исидору Рамишвили, не согласился с необходимостью визита делегации и попросил «не беспокоиться»⁴¹⁹. На заседании 6 апреля эсер Лордкипанидзе в связи с трагической смертью Л. Атабеяна и Денежкина обратился к бакинским событиям. С позиций социалист-революционной партии, но без учета мнения эсеровской фракции Баксовета, он охарактеризовал «выступление большевиков как провокационное»: отождествляя их действия как во всей России, так и в Баку, он пришел к выводу, что большую часть жертв составили рабочие и мусульмане⁴²⁰.

И вновь проявляется грузино-татарский союз – независимо от партийной и национальной принадлежности. Но тонкость вопроса состояла в том, что антибольшевистская позиция закавказской демократии в данном случае была ударом по Баку и тем самым – и по армянским интересам в крае. С другой стороны, акцентируя только факт «невинных» мусульманских жертв, грузинский представитель Сейма сам провоцировал, открыто

⁴¹⁸ См. Закавказский сейм, Сессия первая, заседание девятнадцатое, 20 марта, 1918, стр. 61.

⁴¹⁹ См. Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918–1920 гг., стр. 35–36.

⁴²⁰ См. Закавказский сейм, заседание девятнадцатое, 24 марта, стр. 4. См. Аветисян Г., Армянский вопрос в 1918, стр. 168.

выступая в пользу мусульмано–татарских депутатов, и тем самым – пантюркизма.

Исходя из логики обсуждаемого на заседании вопроса, командующим воинской части, движущейся на Баку, был назначен полковник турецкой армии Зеки–бей. По мнению видного участника армянской самообороны Егише Пахлавунни, наступление возглавлял не Леван Магалов (Магалашвили), как это принято и в историографии, а турецкий командир⁴²¹.

В борьбе с общим врагом – бакинской властью и армянскими боевыми силами, объединились все возможные пантюркистские силы края. Как свидетельствует азербайджанский автор М. Искендеров, «за спиной азербайджанских беков и ханов стояли турки и немцы»⁴²².

Это подтверждает заключенный в Константинополе позднее (27 апреля 1918 г.) тайный турецко–германский договор, призванный разделить Закавказье на зоны – германскую и турецкую. При этом, Турции доставались фактически все армянские территории, в том числе железная дорога Карс–Александрополь–Джульфа. Остальные закавказские территории становились зоной влияния Германии. Этому последовало подписание тайного турецко–мусаватистского договора, которым открывалась дорога из Турции в будущий Азербайджан и Баку.

Германо–турецкий конфликт по кавказскому вопросу грозил перерости в настоящую войну между «братьями по оружию», однако на это германские политики не пошли. Они решили урегулировать конфликт. С этой целью фон Кресс фон Кресенштейн 17 июля 1918 г. договорился в Стамбуле с турецким главным командованием об установлении деморкационной линии между железнодорожной охраной обеих сторон в районе Санаин–Караклис, которая исключила Баку из сферы турецкой

⁴²¹ См. Пахлавунни Е., Мемуары, Ереван, 2006, стр. 99.

⁴²² См. Искендеров М. С., указ. соч., с. 203, также Симонян Г., Из истории турецко–армянских отношений, Ереван, 1991, сс. 299–300.

окупации⁴²³. Все же взаимное недоверие оставалась, тем более, что у фон Кресса были неважные отношения с турецкими представителями. Однако, несмотря на существующие разногласия у германо–турецкого блока было полное единодушие, когда речь шла о борьбе против советской власти в Закавказье, и в частности, в Баку.

Установление Германией контроля над Грузией и намерение захватить Баку вызвали у Энвер–паши и его окружения крайнее раздражение.

Энвер–паша решил действовать не считаясь ни с кем, как можно быстрее, и опередить немцев. Турецкое главное командование намеревалось в конце мая 1918 г. предпринять наступление на Баку. С этой целью оно создавало группировки войск как в Тебризе, так и в Джульфе, Елизаветполе и Батуми, причем помимо Баку предполагалось захватить также побережье Каспийского моря от Астары до Петровска (Махачкала – *В. М.*), т. е. часть Дагестана и Владикавказ. Как указывал 25 мая 1918 г. Фон Лоссов, «глаза турок устремлены исключительно на Баку и Владикавказ»⁴²⁴. Официально поход на Баку и Владикавказ мотивировался моральным долгом анатолийских турок «помочь жившим по соседству с нами братьям», притом «общей религии и рассы». Энвер–паша заявлял германскому главному командованию, ссылаясь на угрозу распространения большевизма и «армянских зверств» над мусульманами в Закавказье, что Турция «не может дальше оставаться безучастным зрителем»⁴²⁵.

Сразу же после трехдневных боев в Баку сюда были направлены также подразделения, активно сотрудничавшие с горцами Дагестана – во главе с имамом Н. Гоцинским, которые 3 апреля дошли до Баладжара. С целью поднять боевой дух конного полка – дагестанского филиала «Дикой дивизии» (под командованием полковника Тарковского), Н. Гоцинский объявил газават

⁴²³ См. Авалов З., Независимость Грузии в международной политике, 1918–1921 гг., Воспоминания, очерки, Париж, 1924, с. 113.

⁴²⁴ См. Лудшувейт Е. Ф., указ. соч., ст. 207–208.

⁴²⁵ См. там же.

(священную войну)⁴²⁶. В посланной из Петровска телеграмме он угрожал наказать армян⁴²⁷.

Характерно, что накануне нового похода на Баку он получил от татарских богачей Тагиева и Асадуллаева письмо – с просьбой о помощи⁴²⁸.

Банды Н. Гоцинского под командованием полковника Джафарова дошли до станции Хурдалан – всего в 10 километрах от Баку. Одновременно татаро–мусульманские силы стали скапливаться южнее Баку – в Сальяне, куда и прибыли дислоцированные в Ленкорани части «Дикой дивизии». Тогда же 3 тысячи мусульман под руководством помещика И.–х. Зиятханова напали на Шемаху, и «нефтяной город» фактически оказался в окружении.

Е. Токаржевский не рассматривал наступательные действия Л. Магалова, Н. Гоцинского и других как отдельные, изолированные шаги. Он видел в них цепь единых, организованных действий против бакинской власти, сверхзадачей чего была подготовка к взятию Баку турко–германскими захватчиками⁴²⁹.

Было известно, что до падения царизма Н. Гоцинский был в тесной связи с властями Турции, младотурками и считался их агентом в Дагестане. При покровительстве Турции он стремился к достижению власти в Дагестане, а Энвер–паша имел намерение использовать Н. Гоцинского (и другое духовное лицо – помещика Тарковского) для привлечения Дагестана под влияние Турции, иными словами – осуществления целей пантюркизма.

Комитет революционной обороны Баку прямо указывал, что «банды Гоцинского действуют по указке феодальной Турции»⁴³⁰. В командном составе штаба Гоцинского было немало

⁴²⁶ См. Шаумян Сур., указ. соч., стр. 16.

⁴²⁷ См. Вращян С., указ. соч., с.174.

⁴²⁸ См. Разгон И., Мельчин А., Борьба за власть Советов в Дагестане (1917–1921), Махачкала, 1945, стр. 26, по: Токаржевский Е. А., Из истории иностранной интервенции, стр. 55.

⁴²⁹ См. Токаржевский Е. А., указ. соч., стр. 56.

⁴³⁰ См. там же.

количество турецких офицеров, посланных Исмаилом Энвером–пашой – членом ЦК партии «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс» – *В. М.*), военным министром и начальником генштаба вооруженных сил Османской империи. Гоцинский имел тесные связи с генералами белогвардейского корпуса, отступивших из Владикавказа под давлением большевиков и централизованных в Самуре. Во главе их стоял генерал–майор Фейзи Мирза Каджар⁴³¹.

10 апреля 1918 г. два дагестанских конных полка Н. Гоцинского и отряд в 500 человек захватили Петровск. Мародерство, бушевавшее в течение целой недели, сопровождалось погромами армянского населения. Взятие Петровска отрезало Баку от хлебных районов Северного Кавказа. В начале апреля против Баксовета он послал из Петровска и Темир–Хан–Шуры (Буйнакск) сформированный из состава «Дикой дивизии» дагестанский конный полк под командованием генерал–майора К. Талышинского. По пути к ним присоединились отряды крупных татарских землевладельцев из Кубы, пантюркистов Алибека Зизикского и Гамдуллы–эфенди Эфендизаде, и они вместе продолжили поход⁴³².

Силы Н. Гоцинского насчитывали 1500 человек и несколько пушек. 8–10 апреля у Хурдалана произошли жестокие бои, Гоцинский потерпел поражение, железная дорога – до станции Ялама́ перешла к армии Советов, и таким образом была обезврежена опасность, угрожавшая Баку с севера. Оставшиеся дагестанцы в панике заполнили вагоны в Сумгаите и вернулись в Петровск⁴³³.

Примечательно, что 7 апреля им навстречу вышла делегация мусульман Баку и попросила во избежание кровопролития удалиться, однако горцы открыли артиллерийский огонь по бронемашине Баксовета⁴³⁴. «Миролюбие» бакинской делегации, что

⁴³¹ Степанян Г., Амазасп Срвандзтян, Ереван, 2016, сс. 440–441.

⁴³² См. там же.

⁴³³ См. Шаумян Сур., указ. соч., стр. 17.

⁴³⁴ См. Искендеров М. С., указ. соч., стр. 204.

скорее было проявлением страха, следует объяснить именно организованностью армянской военной силы и уже одержанной победой.

В направлении станций «Волчьи врата», Хурдалан и Сумгаит двинулись отряды Красной гвардии – Т. Амиряна, С. Казаряна, А. Каграманяна (300 солдат)⁴³⁵. Депутаты «Мусават» в Сейме попросили военной помощи.

На заседании 2 апреля гандзакский землевладелец А. Сафиюрдский потребовал неотложных мер для уничтожения бакинской власти. Было решено взять Баку и восстановить там власть Закавказского комиссариата. Для объединенного турко-грузинского похода Сейм выделил 5 тысяч рублей, спецотряды, 2 аэроплана, бронепоезд, большое количество оружия и боеприпасов. Дивизия Талишханова (Талышинского) и бронепоезд Сейма под командованием Л. Магалова направились в Баку по железной дороге Евлах–Кюрдамир⁴³⁶. Им было предоставлено 5-тысячная «Дикая дивизия» и грузинская конница (а также 800 солдат и 2 турецких полка)⁴³⁷.

В конце марта эти подразделения под командованием Исмаил Хана Зиятханова дошли от Гандзака до Гаджи Кабула⁴³⁸. С целью противостояния объединенным мусульмано-грузинским силам Сейма при Армянском национальном совете Баку был создан штаб обороны – во главе с подполковником Арутюновым. Авторами плана обороны вновь стали генералы О. Баграмян и А. Баградуни. сопротивление врагу оказали набранные в Баку армянские отряды – около 3000 человек, среди которых был 2-й добровольческий батальон Амазаспа, а также руководимый С. Мусаеляном 2-й бронепоезд.

По свидетельству Г. Корганяна, из-за нехватки сил, в направлении Гаджикабула были посланы только добровольцы Амазаспа – около 500 солдат, 2 пулемета, 1 пушка и бронепоезд.

⁴³⁵ См. Шаумян Сур., указ. соч., стр. 17.

⁴³⁶ См. Искендеров М. С., указ. соч., стр. 204.

⁴³⁷ См. там же.

⁴³⁸ См. Байков Б., указ. соч., стр. 127.

Спустившись к станции Дуванны и перейдя в наступление, армянские солдаты после 8-часового боя захватили вражеские позиции – с целью отбить Гаджикабул. Армяне укрепились здесь – в одном из главных опорных пунктов обороны Баку. В ходе этих столкновений армянская сторона потеряла только 7 бойцов, 22 раненых, отбила у врага несколько десятков паровозов, сотни вагонов.

Г. Корганян был уверен, что эти успешные действия на станциях Хачмас и Гаджикабул (первый – в 160 км от Баку, второй – в 100 км) устранили опасность, непосредственно угрожавшую Баку. Эти победы заметно укрепили силу и влияние Баксовета. Именно после этого Каспийский флот перешел на сторону большевиков⁴³⁹.

7 апреля силы Талышинского подошли к станции Хурдалан, однако отряд полковника Назаряна разгромил их, отбросил к горам и, продвинувшись вперед, даже занял станцию Гудермес (на Владикавказской ж/дороге)⁴⁴⁰.

В течение 10–20 апреля бои шли в направлении Гаджикабула. Дислоцированные в Аляты антимусульманские советские силы нанесли контрудар по татаро-меньшевистским частям (2000 солдат, 4 пушки, бронепоезд) и 20 апреля, после 4 часов боев завоевали Гаджикабул и отбросили Л. Магалова назад, к Кюрдамиру⁴⁴¹.

Жаркие бои, проходившие в течение 1–8 апреля, закончились победой армянских частей⁴⁴².

Успех окрылил армянских бойцов, и Ростом, А. Гюльханданян, М. Шатирян поручили главе обороны южной части Баку Е. Пахлавуну (отклонив кандидатуру Амазаспа) и Л. Зарафяну с помощью отборного полка в 1500 человек прорвать фронт и дойти до Карабаха. Предполагалось, что на месте они должны

⁴³⁹ См. Корганян Г., указ. соч., стр. 113–114.

⁴⁴⁰ См. там же, стр. 113.

⁴⁴¹ См. Бюллетень Комитета Революционной обороны г. Баку и его районов, № 5 от 8 апреля, 1918 г., по: Токаржевский Е. А., указ. соч., стр. 56.

⁴⁴² См. Аветисян Г., указ. соч., стр. 169.

были взять на себя военно–административную власть. В том числе и по этой причине Национальный совет решил объединить армянские части и подчинить единой власти – с этой целью начались переговоры с ВРК. Здесь появилась взаимное недоверие между армянским национальным органом и советской властью Баку. В ответ на заявление Армянского национального совета, 8 апреля ВРК объявило о роспуске национальных частей и национального совета⁴⁴³. Последний отказался подчиниться этому приказу, но потом был вынужден это сделать. Почему: в том числе и потому, что 9 апреля Бюро Бакинского АРФД посетил Ст. Шаумян и, обосновав ненадежность карабахского плана, предложил направить в Шемаху усиленный отряд (500 русских солдат, 120 всадников – под командованием Амиряна) – с целью подавления мусаватистского мятежа, а также предотвращения нашествия Нури и Мурселя пашей. 10 апреля, вдохновленный достигнутой договоренностью, Ст. Шаумян сообщает важную новость Г. Корганяну и А. Джапаридзе⁴⁴⁴. Полномочным командующим этих провинций Бакинский совет назначил Е. Пахлавуни. В случае удачного хода событий он должен был реализовать карабахский план Ростома.

13 апреля КРО Баку и национальный совет на совместном заседании решили реформировать армянские части и включить в состав создающейся Красной гвардии. На следующий день, 14 апреля эти органы (Ст. Шаумян, Г. Корганян, А. Гюльханданян, И. Тер–Оганян и С. Тер–Казарян) подписали соглашение⁴⁴⁵, согласно которому: «1. 2–й Армянский полк и батальон Амазаспа распускаются: одна часть входит в состав Закавказской стрелковой бригады Амазаспа, остальные – в состав Советских красных батальонов. 2. Батальоны Амазаспа реорганизуются, полностью подчиняются Советской власти и входят в состав Красной гвардии под названием «16–й и 17–й

⁴⁴³ См. Вращян С., указ. соч., стр. 175–176.

⁴⁴⁴ См. Пахлавуни Е., указ. соч., стр. 99.

⁴⁴⁵ См. НАА, ф. 121, сп. 2, д. 94, л. 14. Подполковник Арутюнов свидетельствовал, что копия протокола, состоящего из 4 пунктов, находилась у него.

батальоны». 3. Главкомандующим 16-го и 17-го батальонов назначается Амазасп, командиром 16-й роты – Серго Манучарян, 17-й роты – Чилингарян. 4. Батальоны Амазаспа планировали в ближайшее время начать военные действия в западном направлении»⁴⁴⁶, то есть – в направлении Гандзак–Ереван. Как отмечает Симон Врацян, «армянские части перешли в руки большевиков». Их число достигало 10 000–12 000, примерно с 50-ю пушками. В их числе считались и боевые группы АРФД и социалистов–революционеров, которые фактически находились в руках руководящих органов этих партий. Дашнакские боевые части состояли из 600–700 отборных бойцов – под общим командованием Г. Балаяна⁴⁴⁷. «Только знамя было большевистское, – писал подполковник Арутюнов, – на деле 95 процентов солдат и почти 100 процентов офицеров были армяне. И поскольку наши с большевиками цели совпадали – против общего врага, все мы с удовольствием поступили к ним на службу. Они обеспечили нас ружьями, пулеметами, всеми видами оружия и боеприпасов, которые получали из Астрахани»⁴⁴⁸. Три армянские роты вошли в состав одного корпуса: во 3-ей роте Амазаспа было 6000 солдат, в 1-й роте подполковника Бек–Зурабова – 4000, в 4-й роте полковника Арутюнова – 5000 солдат, всего – 15 000 человек. Общее командование корпусом поручили полковнику Н. Казарову (Казаряну), начальником штаба был полковник Аветисов⁴⁴⁹. По свидетельству подполковника Арутюнова, южнее Евлаха также были армянские части, и в этой связи Ростом предложил Ст. Шаумяну сформировать серьезную воинскую часть в направлении Гандзака⁴⁵⁰.

Советская власть Баку согласилась, считая, что «необходимо разгромить контрреволюционных турок, эмиссары которых в

⁴⁴⁶ См. НАА, ф. 121, сп. 2, д. 94, л. 14, также Врацян С., указ. соч., с. 175, также Шаумян Сур., Бакинская Коммуна, с. 86, также А–До, указ. соч., стр. 716.

⁴⁴⁷ См. Врацян С., указ. соч., стр. 175.

⁴⁴⁸ НАА, ф. 121, оп. 2, д. 94, лл. 14–14а.

⁴⁴⁹ См. там же, л. 23.

⁴⁵⁰ См. там же, л. 14.

Елизаветполе вновь подняли на ноги татар и двинулись к Баку. Теперь уже в их рядах были русские, грузинские офицеры и отдельные грузинские части⁴⁵¹. Об этом свидетельствовал этнический состав пленных.

Это войско должно было двинуться к Гандзаку на 2-й день Пасхи, однако этот план не осуществился: в районе Дербента начались столкновения с лезгинами и чеченцами, в результате чего, понеся большие потери, часть была направлена в Петровск⁴⁵².

В дальнейшем корпус был переименован в Кавказскую армию, которая была разделена на два крыла – правое и левое. Левым командовал подполковник Арутюнов, правым – полковник Казаров. Вначале командармом был полковник Бичерахов, позднее – полковник Аветисов, а еще позже, в октябре – командующий морским флотом и войсками города и района Баку генерал Докучаев⁴⁵³.

Вместе со всем этим оценка С. Врацяна была следующей: «Опьяненные мартовскими успехами, большевики настолько распоясались, что стали задумываться о том, чтобы убрать с арены Национальный совет и “Дашнакцутюн”»⁴⁵⁴. На самом деле все так и было: ясность в вопрос вносит доклад непосредственного участника событий, подполковника Арутюнова.

По его словам, на созванном заседании бакинский Армянский национальный совет колебался. Особенно недовольствовал генерал О. Баграмов, мотивируя тем, что «слабый не может подчинить сильного», поскольку, как он считал, «если только захотим, можем за один день покончить с большевиками – во главе с Баксоветом»⁴⁵⁵. Об этом говорят и заметки Ст. Шаумяна, к которым мы обратимся ниже. Однако и здесь есть противоречие, в котором оказался именно С. Врацян. Речь идет о подчи-

⁴⁵¹ См. там же.

⁴⁵² См. там же, стр. 104–105.

⁴⁵³ См. там же, стр. 56–61.

⁴⁵⁴ См. Врацян С., указ. соч., стр. 174.

⁴⁵⁵ См. НАА, ф. 121, оп. 2, д. 94, л. 14.

нении дашнакских частей Бакинскому совету, где позиция Ст. Шаумяна была предельно открытой и прямой. С другой стороны, содержание соглашения (а именно – сохранение дашнаков Амазаспа, С. Манучаряна и других на постах командующих подразделениями, и особенно совместный план продвижения к Еревану и Западной Армении) свидетельствует о том, что стратегия была национально–армянская. Проблема была в первостепенности руководства, что в контексте захвата власти в крае не позволяла армянским большевистским деятелям уступить, тем более что их силы на данном этапе превосходили армянские национальные силы. Об этом свидетельствует и Бакинский национальный совет, который относительно решения о расформировании отмечал, что «Бакинское отделение Армянского национального совета было создано в основном во имя обороны фронта. Оно не является органом власти и не претендует на это»⁴⁵⁶. Необходимо подчеркнуть также то обстоятельство, что соглашение от 13 апреля подписали исключительно армянские деятели.

После формирования Бакинской коммуны С. Врацян сам признавался, что «косвенным образом Армянский национальный совет продолжает оказывать влияние на текущие дела и армянские подразделения». В целом состав и руководство войска не претерпели изменений: военным делопроизводителем и общим командующим был большевик Корганян, начальником штаба – полковник Аветисян, начальником армянских подразделений – Амазасп, командующим фронтом – полковник Н. Казаров, интендантом, начальником снабжения армии – М. Тер–Погосян и др.»⁴⁵⁷

В итоге соглашение состоялось, и 15 апреля названные силы прибыли в Шемахи. 18 апреля начинаются военные действия, в том числе оборона станций Кюрдамир, Гаджикабул на железной дороге, тянущейся по берегу речки Агсу. В тот же день

⁴⁵⁶ См. Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918–1920 гг., стр. 36.

⁴⁵⁷ См. Врацян С., указ. соч., стр. 175.

председатель Бакинского комитета АРФД А. Гюльханданян телеграфировал председателю Сейма и Тифлисскому бюро АРФД о немедленном отзыве мусульманских частей, подчиненных Сейму. Особо подчеркивалось, что в Шамахинском уезде они разрушили все армянские и русские деревни, 30-тысячное население которых движется в сторону Баку⁴⁵⁸.

Потерпев поражение в Баку, «Мусават» развернула деятельность в провинции, имея целью спровоцировать там погромы, беспорядки, смуту. Весной 1918 г. от организованных татаро-мусульманами грабежей, разбоев и погромов больше всего пострадали сёла Кубинского уезда – армянское село Хачмас, русские села Михайловка, Еленовка, Александровка, Алексеевка, Тиривановка, Павловка⁴⁵⁹.

Татарские разбойничьи банды, помимо Кубинского уезда, организовали погромы русского населения также в Джаватском и Ленкоранском уездах, разграбив и разрушив 25 деревень.

Факту армянских, русских и еврейских погромов обратились в том числе и русские авторы. Ал. Безугольный писал: «В Шамахинском и Кубинском уездах весной 1918 г. совершены массовые погромы армян, русских и горских евреев (таты – В. М.)»⁴⁶⁰. 4–7 апреля прошли грабежи и погромы армянского населения Дербенда, армян и других национальностей – пассажиров железнодорожного пути Дербенд–Петровск–Баку, в апреле–мае в отношении армян Кубы совершены вандализм и зверства⁴⁶¹.

27 апреля состоялось большое сражение между: с одной стороны армянскими, а с другой – подразделениями Назим-бея и

⁴⁵⁸ См. Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918–1920 гг., стр. 33.

⁴⁵⁹ См. «Арев», 1918, 13 апреля, № 76.

⁴⁶⁰ Безугольный А., Генерал Бичерахов и сго Кавказская армия (1917–1919), М., 2011, стр. 51, по Степанян Г., Амазасп Срвандзтян, стр. 464.

⁴⁶¹ См. подробнее – Степанян Г., указ. соч., стр. 468–493. Тадевоса Амиряна, у которого были конфликты почти со всеми деятелями, в том числе и со Ст. Шаумяном, Ростом отправил обратно в Баку. Примечательно, что в эти дни Е. Пахлавуни лично вылечил Ростом.

Л. Магалова, двигавшимися к Кюрдамиру. Отряд последнего (800 человек) был наголову разбит, и противник бежал в Гандзак. Позже, 28 мая сражение повторилось, противник вновь был разбит, а Л. Магалов окончательно отошел в Грузию. В дальнейших военных действиях участвовали также Ростом, Амазасп, Т. Амирян, Н. Казарян, Павли-бек (брат Никола Думана), Тер-Закар, Мкртич и многие другие⁴⁶². «Пирушкой, организованной по случаю выздоровления Ростом от эпидемии, мы завершили наше хорошо начатое дело в обширном Шемахинском уезде и других провинциях, однако конец был печальный – из-за зависти, раскола, заговора и военного авторитета, отсутствия общего командира. Воображаю, что только могло произойти, если бы там не было Ростом»⁴⁶³.

12 (25) апреля в Баку был сформирован Совнарком – Бакинская коммуна во главе со Ст. Шаумяном. «Большевики укрепили свою власть, когда стала ясна необходимость жесткого и крепкого государственного органа», – писал генерал А. Багратуни⁴⁶⁴. Конечно, «Мусават» мусульманские организации «во всех грехах» обвинили армян – назвав развязанный ими бакинский мятеж «делом рук армянских дашнаков» – в качестве дашнаков представив большевиков С. Шаумяна, Г. Корганяна, А. Авакяна, эсеров С. Саакяна, Л. Атабекяна. Даже больше – большевизм в Закавказье представлялся как «армянское явление» и антитурецкое движение. Впрочем, в этом вопросе татаро-мусульманская сторона не ошибалась и, к сожалению, придется отметить, что это обстоятельство, хоть и временно, почти не использовалось армянскими фракциями Закавказского комиссариата и Сейма, а также Армянским национальным советом Тифлиса. Одной из причин провала поднимающегося в Баку общенационального плана следует считать не только отсутствие помощи, но и их узкую и недалновидную политику, проводи-

⁴⁶² См. Пахлавунни Е., указ. соч., стр. 99–158.

⁴⁶³ Там же, с. 141.

⁴⁶⁴ См. НАА, ф. 121, оп. 2, д. 94, л. 105.

мую против Советской власти Баку в составе Закавказской власти – в контексте идеологии независимого Закавказья.

3.5. ОЦЕНКА АРМЯНСКИХ ПАРТИЙ И ДЕЯТЕЛЕЙ БАКИНСКИХ СОБЫТИЙ И ДАШНАКСКО– БОЛЬШЕВИСТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Считаем необходимым обратиться и к отношению и оценкам других армянских партий и деятелей.

В первую очередь следует упомянуть письмо Запел Есяян западноармянскому рамкавару (либерально–демократическая партия) Аршаку Чопаняну, написанное 5 мая 1918 г. в Тегеране. Во–первых, из содержания письма становится ясно, что видный армянский общественно–политический деятель Запел Есяян во время мартовских сражений находилась в Баку и активно участвовала в боях. Характерна ее формулировка, согласно которой бакинские бои предстают как общенациональное дело и победа. «Вы даже представить не можете, – пишет Есяян Чопаняну, – то воодушевление, ту храбрость, благодаря которым нам удалось за короткое время разгромить врага»⁴⁶⁵.

Примечательно, что западноармянский деятель, увязывая с «беспорядками в тылу» решение Армянского вопроса, извещал об этом своих коллег, в частности – Погоса Нубара. На волне всеобщего воодушевления он пришел к заключению, что «сейчас мусульмане Кавказа постепенно будут сдерживаться благодаря большевикам и армянам. Наше отношение к большевикам стало меняться. *На Кавказе, во всяком случае, большевики не такие, как в России, и одно только то обстоятельство, что они враждебны туркам (как внутренним, так и внешним), сподвигло нас помогать им* (выделено мной – В. М.). Нам надо было выбирать между турками и большевиками, и естественно, мы должны были пойти с последними. Что бы ни было с Рос-

⁴⁶⁵ См. МЛИ им. Е. Чаренца., ф. Ар. Чопаняна, папка № 1778.

сией, наконец нам выдалась возможность освободиться от ненавистного турецкого ига на самом Кавказе»⁴⁶⁶.

Непосредственный участник событий Б. Байков, исходя из позиций кадетской партии, любопытным образом комментирует позицию армянскую, и в частности, АНП. По его мнению, «Мусават» считала Баку своей национальной вотчиной (до обретения независимости в 1918 г.), потому и партия стремилась занять там руководящую позицию. К этому же стремились и большевики. Армяне в большинстве своем склонялись на сторону России.

«Характерно, – отмечал он, – что даже у нас – в кадетском комитете, правоверные армянские кадеты стояли на том убеждении, что на Кавказе большевики осуществляют “русское дело”»⁴⁶⁷ (выделено мной – В. М.).

Верный соратник Ст. Шаумяна Г. Корганян полностью разделял точку зрения французского автора П. Ла Шесна. В содержательном плане она представляет собой всеобъемлющее резюме, а также взгляд о стороны, посему считаем нужным привести мысли автора полностью.

«Советский режим, – писал Ла Шесна, – жидился на странном, но судьбоносном компромиссе. С одной стороны, отрицалась власть умеренных русских (имеются в виду эсеры и меньшевики – В. М.), с которыми союзничали армяне (дашнаки – В. М.), а с другой – считалась неприемлемой власть татар, поскольку это предполагало вступление Баку в Закавказскую республику, которая на тот момент только формировалась. Председателем Совета был армянин – большевик Ст. Шаумян.

Однако трудно представить себе структуру более парадоксальную по своей сути, большевистская политика которой принципиально не признавала никаких уклонов от линии органов власти. *Бакинский совет был большевистским только по названию* (выделено мной – В. М.), поскольку в нем были представлены все господствующие мнения. Большевистское направ-

⁴⁶⁶ См. там же.

⁴⁶⁷ См. Байков Б., указ. соч., с.122.

ление было, без всякого сомнения, сильнее, но и оно не смогло установить абсолютную власть»⁴⁶⁸.

Г. Корганян добавлял, что «армяне, не имевшие цели захватить страну, стремились удержать район Баку, поскольку взятие его турко-татарами неминуемо привело бы к потере десятков тысяч мирных армян. Кроме этого, оборона Баку, отвлекая часть сил врага, облегчила бы положение Армении, обессилевшую от неравной борьбы, которая велась на протяжении последних месяцев против окружавших ее врагов. Только большевики, имевшие в своем подчинении Каспийский флот и сильный оплот в Аштархане (Астрахань), могли снабжать армян продовольствием, оружием и боеприпасами, которые были столь необходимы для формирования новых частей и продолжения борьбы»⁴⁶⁹.

Историк А. Ю. Безугольный считает: «Бакинские большевики сами вольно или невольно смешивали понятия «русский» и «советский». «Единственное спасение Баку, – доносил в Москву коммунар Б. Шеболдаев, – это присылка немедленно не менее 4000 красноармейцев... надежных в смысле партийном и, в крайнем случае, в смысле крепкой русской советской ориентаций»⁴⁷⁰. Очевидно, Шеболдаев не очень доверял войскам местной «советской ориентации».

Армянские вооруженные формирования были включены в состав Кавказской Красной армии, хотя фактически продолжали контролироваться Армянским национальным Советом.

В газете «Мшак» свое мнение высказал член АНП И. Амирян. Безоговорочно считая большевизм в центре России исключительно «дезорганизирующей силой» – особенно в вопросах межнациональных отношений, И. Амирян открыто выражал восхищение относительно того явления, что «с большевиками объединились все революционные элементы». По его мнению,

⁴⁶⁸ P. G. La Chesnais, *Lespeuples de la Transcaucasie pendant la guerre et devant la paix*, с. 80, по Корганян Г., указ. соч., с.114–115.

⁴⁶⁹ См. Корганян Г, указ. соч., стр.115.

⁴⁷⁰ Безугольный А. Ю., *Генерал Бичерахов и его Кавказская армия*. Москва, 2011, с. 59.

«это заслуживает нашего самого глубокого и серьезного внимания»⁴⁷¹. «И действительно, то, что произошло в Баку, – это недопустимо, это фантазия, это бред для всей России до сих пор. С первого дня революции с большевиками боролись все социалисты, а после октябрьского переворота между этими лагерями продолжается жесточайшая и кровопролитнейшая политическая борьба. А в Баку создана коалиция между всеми – не только социалистами, но и демократами. *Понятно, что бакинское движение принимает характер народного*»⁴⁷² (выделено мной – В. М.). Поистине к неожиданному и смелому выводу приходит «Мшак» в лице И. Амиряна: «Возможно, мы еще будем свидетелями того, что наша власть (имеет в виду Сейм – В. М.) под влиянием Баку станет наконец однородной и крепкой. Однородной не в том смысле, что только социалистической или несоциалистической, в том, что ее платформой станет борьба страны против внешнего врага и анархии»⁴⁷³. Как видим, в основу этого заключения также ставится содержание «панарменизма», конечная цель которого – защита «страны», то есть не только Восточной, но и Западной Армении. Армянская народная партия косвенным образом увязывала решение общенародной проблемы с антитурецкой борьбой и властью Баку, руководимой армянскими деятелями. Подчеркиваем: в данных обстоятельствах «мшаковских» армянских деятелей совершенно не волновала проблема активной роли «Дашнакцутюн» – их политического противника, не говоря уже о большевиках.

Точку зрения спецификов развивает еще один антибольшевик и оппонент дашнаков Давид Ананун. В качестве единственного варианта окончательного решения проблемы он предлагал политический консенсус, согласие и сотрудничество разных национальных органов. «Если бы начатое бакинскими рабочими нашло отклик в Тифлисе и оттуда протянули руку помощи Баку, то «Мусават» ушла бы из Азербайджана, и таким образом был

⁴⁷¹ См. «Мшак», 1918, 30 марта, № 67.

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Там же.

бы отпилен острый клык Турции (как видим, он подчеркивал именно «Мусават», а не решающий фактор татарского населения – В. М.). Но события пошли по-другому. Позиция Тифлиса в отношении Баку стала намного нейтральнее»⁴⁷⁴, – сокрушался Д. Ананун. Подчеркивая роль Тифлиса, он имел в виду политику одновременно и революционного краевого центра, и закавказского Сейма, и, конечно, позицию армянской фракции Сейма. Пожалуй, самый острый политический вопрос поднимал специфик Д. Ананун: фактически он косвенным образом давал одобрение программе Ст. Шаумяна, то есть советизации края путем объединения революционно-социалистических организаций Тифлиса и Баку и даже, со своей точки зрения, решить вопрос власти, и таким образом – общенациональную проблему. В противном случае, что означало выражение Д. Анануна «протянуть из Тифлиса руку помощи Баку»? Вся проблема состояла в том, что в связи с шаумяновским планом взятия Тифлиса, против него дружно выступили как закавказская власть, так и краевой меньшевистский центр – и даже его большевистские деятели.

В связи с бакинскими событиями, теперь уже к ним присоединилась также дашнакская фракция Сейма, которая, прикрываясь «тыловой политикой», выступала против решительной тактики своей же партии. 24 марта в переговорах в Трапезунде мусаватистский лидер делегации Сейма Расул-заде раскрыл некоторые подробности, и особенно то, что «дашнаки в Баку поддерживают какую-то связь с большевиками»⁴⁷⁵. В этой связи примечательно также и отношение историка Лео (Аракел Бабаханян), что с одной стороны, выявляет позицию части руководства АРФД относительно мартовского сражения в Баку, а с другой – проясняет то нереалистичное и предвзятое мнение, что выступить против «Мусават» и тюркизма в Баку в любом случае бессмысленно и опасно. «Мы от всей души желали, –

⁴⁷⁴ Ананун Д., Общественное развитие русских армян, т. 3, (1901–1918), Венеция, 1926, стр. 670.

⁴⁷⁵ См. Хачатрян Аст., указ. соч., стр.148.

писал он как участник трапезундских переговоров, – чтобы оба дашнакских делегата опровергли слова докладчика и доказали, что «Дашнакцутюн» непричастна или хотя бы ничтожно причастна к тем кровавым событиям. И что они могли сказать, если ничего не знали? Потом пусть прояснится какое угодно обстоятельство, пусть события предстанут в каком угодно свете. Что толку? Дело в том, что уже сложился такой настрой, что все знают, как армяне в Баку резали турок. Во время обеда мусаватист М. Гаджинский с горечью сказал: «В Баку у меня шестеро детей, пусть всех их убьют, но в Баку не останется ни одного армянина. Могу сказать, что именно здесь, в Трапезунде, был предрешен сентябрьский чудовищный погром армян в Баку»⁴⁷⁶. Вначале выяснилось, что Лео в свою очередь не знал о развитии событий в Баку, и то, что он тоже однобоко судил о дашнакско–большевистском сотрудничестве, полностью носило отпечаток влияния грузино–татарской правящей коалиции в Сейме, а именно – безоговорочное выполнение всех требований Турции.

Ничем не отличалась от Лео позиция лидера армянских меньшевиков Г. Караджяна (С. Аркомед). Он считал, что как бы ни учитывали действия бакинских большевиков высокие цели революции, избранные в данной ситуации средства и методы борьбы могут послужить не революции, а контрреволюции – «внутренним и внешним врагам нашей страны». «Если это правда, что в Баку большевизм и «Дашнакцутюн» рука об руку действуют против турок, то в этом случае нетрудно понять, что ждет всю страну»⁴⁷⁷. Именно сомнение армянского меньшевистского деятеля свидетельствует о том, что этот союз состоялся, что, понятно, приводило в ужас даже армянского деятеля и доказывало, судя по его озабоченности, что грузинский меньшевизм не мог смириться с таким сотрудничеством.

По его мнению, прощупав в этом вопросе слабое место большевиков – фактор «гражданской войны», С. Аркомед сам впал в противоречие: «Согласно полученным данным, больше-

⁴⁷⁶ Лео, Из прошлого, Ереван, 2009, стр. 351–352, (на арм. яз.).

⁴⁷⁷ См. «Пайкар» («Борьба»), Тифлис, 1918, 24 марта, № 62, (на арм. яз.).

вики и дашнаки едины в этом деле: любопытно узнать – какую роль играют “во время политической войны” дашнакские национальные войска»⁴⁷⁸. Меншевика Аркомед на самом деле тревожила одна сверхзадача, и это, конечно, оправдано в контексте содержания переворота. Это то, что «если правда, что большевизм и «Дашнакцутюн» хотят завоевать Закавказье и установить здесь власть советов, пресловутый режим Ленина–Троцкого, от которого изнемогает и стонет вся Россия, это чудовище сегодня хотят навязать на шею нашему Закавказью»⁴⁷⁹.

Курьез, но в данном случае именно армянский меньшевистский деятель выступал как радикальный консерватор, даже дашнак, и в своем теоретическом демократизме не пытался даже в неожиданном и непонятном для себя сотрудничестве увидеть общенациональную выгоду – то, что прекрасно получалось у грузинских меньшевиков и татарских мусаватистов. Намного более странно было то обстоятельство, что председатель Бакинского комитета с.-д. меньшевистской партии Г. Айолло более трезво подходил к развитию событий, и борьбу, которую большевики Баку вели против «контрреволюции», считал антитурецкой борьбой. 7 апреля он телеграфировал председателю Сейма Чхеидзе: *«Бакинская с.-д. (меньшевистская) организация, вне зависимости от своего отношения к тактике большинства Бакинских советов (выделено мной – В. М.) считала и считает своим долгом оказать активное содействие советам в их борьбе против контрреволюции. Нападение дагестанцев мы считаем контрреволюционным и просим Сейм помочь Бакинским советам»* (Имеется в виду и Армянский национальный совет – В. М.)⁴⁸⁰. Как известно, помощь Сейма против Баксовета состояла в вооружении татаро–грузинских частей и подталкивание их к решительным действиям, к тому же – под знаменем пантюркизма. Отклик тифлисской организации партии эсеров на события в Баку был следующим: «Мы не боимся

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ «Пайкар», 1918, 29 марта, № 66.

записаться в большевистские ряды и открыто заявляем: в этой борьбе мы против реакционного панисламизма, мы против «Мусават», с социалистами восточного толка наши пути расходятся»⁴⁸¹. Следует иметь в виду, конечно, что в лице Баксовета местные немусульманские элементы все еще видели присутствие русской государственности – особенно в антитурецкой борьбе. В те дни к отношениям «Дашнакцутюн»–большевизм обратилась также газета «Ашхатавор» – орган тифлиских дашнаков, в редакционной статье «Дашнакство и большевизм». Понимая всю серьезность бакинских событий, автор статьи всячески пытался оправдать поведение «Дашнакцутюн», поскольку меньшевистские газеты «Борьба» и «Известия» «метали молнии против «контрреволюционного» большевизма и его союзника – дашнакства»⁴⁸². Первая большая уступка состояла в том, что меньшевизм характеризовался «националистическим», а большевизм – «интернационалистическим». Это радует в том плане, что дашнакский деятель наконец–то принимал национальный характер – ошибочно распространив этот подход на весь меньшевизм. Осуждая идеализм, утопизм большевизма, его одержимость социалистической революцией, не прощая им в вопросах роспуска Учредительного собрания и примирения, автор отступал также в том, что «никогда не сомневались в их честности и революционности»⁴⁸³. Делая выбор между большевизмом и меньшевизмом, автор выразил свою симпатию к большевикам: «В отношении меньшевизма мы предпочитаем большевизм»⁴⁸⁴.

Этим сказано главное: в лице газеты «Ашхатавор» хотя бы какая–то часть АРФД в Баку выступала в пользу этого сотрудничества, и кроме того – именно в победе бакинских большевиков видела серьезный залог борьбы, в данном случае – против вражеского меньшевизма. 12 мая 1918 г., вновь озаботившись

⁴⁸¹ См. Ратгаузер Я., указ. соч., стр.152.

⁴⁸² См. «Ашхатавор», 1918, 25 марта, № 31.

⁴⁸³ См. там же.

⁴⁸⁴ Там же.

судьбой Баку, редакционная статья газеты «Оризон», под влиянием угрозы реальной опасности турецкого вторжения, защищала местный большевизм. «Закавказская демократия не должна терпеть, чтобы какая-то внешняя сила, турецкая армия, вторглась в сердце страны, распорядилась бы нашими внутренними делами и пыталась нас поработить», – писала газета. – Баку и его, скажем так – мятежное поведение, никоим образом не создавали для страны безвыходного положения или реальной всеобщей угрозы разрушения. Иное дело, если бы большевизм распростер свои черные крылья от Кавказских гор до морей и других границ»⁴⁸⁵.

В середине мая 1918 г., говоря об объединении Закавказской демократии против Турции, а иными словами – о настроенности к провозглашению независимости, Ростом из Баку телеграфировал Х. Карчикяну. Он выражал надежду, что возглавляемая Х. Карчикяном делегация восстановит для армян железнодорожное сообщение. Особенную важность он придавал тому факту, что «Советские войска заняли Кубу, Дербенд, Петровск, Темирхан–Шуру, Ленкорань и Сальян. Есть надежда, что железнодорожная связь с севером будет восстановлена»⁴⁸⁶.

Можно прийти к выводу, что хотя бы до середины мая 1918 г. «Дашнакцутюн» и Бакинская коммуна в лице Ст. Шаумяна действовали совместно, иначе говоря – Ростом продолжал связывать успех армянской антитурецкой борьбы с советскими военными частями.

Даже в контексте Брест–Литовского договора, когда потеря Западной Армении была очевидной, Я. Завриян осмелился заявить: «Я только молюсь о том дне, когда большевики на Кавказе настолько окрепнут и усилятся, что у нас будет возможность выйти из унижительного положения танцующих под дудку мусаватистов и меньшевиков, свободно развернуть нашу программу деятельности и физической силы, смело и беспрепятственно перейти на сторону центрального Российского правительст-

⁴⁸⁵ «Оризон», 1918, 12 мая, № 87.

⁴⁸⁶ См. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 36, л. 124.

ва»⁴⁸⁷. В подходе Заврияна преобладает, конечно, переоценка доверия к Советской власти и деятелям, равно как и склонность к ошибочному отождествлению большевизма с российскими государственными интересами. Это исходило из того, что Я. Завриян сам был российским прогосударственным деятелем, и свои близкие отношения с А. Керенским вынужден был распространять и на большевистских деятелей, а это были совершенно несовместимые и несравнимые вопросы.

Редакционная статья «Оризон» не видела ничего «невероятного и непонятного» в том, что в Баку под знаменем большевизма собрались все слои городского населения, все революционные партии. «Только слепой, легкомысленный и коварный недоброжелатель, – писала газета, – может безоговорочно утверждать, что в Баку было армяно–турецкое столкновение, или же вообще случившееся было всего лишь межнациональным конфликтом под руководством большевиков»⁴⁸⁸.

В контексте бакинских событий вопросы, содержащиеся в статье «Дашнаки и большевики», опубликованной в националистической газете грузинских социал–федералистов «Сахалхо Сакме» (№ 201), в каком–то смысле являются поводом к тому, чтобы один из идеологов «Дашнакцутюн» В. Хорени выступил в партийной прессе с максимально открытым текстом.

Утверждения «Сахалхо Сакме» следует считать в основном оторванными от реальности и пронизанными духом межнациональной конфронтации: с одной стороны, они преследовали протурецкие цели, а с другой – пытались скопрометировать как «Дашнакцутюн», так и Ст. Шаумяна.

Так, газета непререкаемо и однозначно утверждала, что «как «Дашнакцутюн» является армянской партией, так и большевики являются великорусской партией России. В будущем, если не положить конец большевистским практикам, армяне страстно полюбят большевиков. Полюбят особенно потому, что большевизм в значительной степени следует в антитурецком и

⁴⁸⁷ См. Хуршудян Л., указ. соч., стр. 65.

⁴⁸⁸ «Оризон», 1918, 27 марта, № 64.

антигрузинском направлении. Те, кто на стороне большевизма, любят Россию... В Закавказье сегодня большевистская политика – это политика армянская»⁴⁸⁹.

В статье «Что происходит?» В. Хорени приходит к весьма ценным умозаключениям и, с одной стороны, в каком-то смысле раскрывает подходы определенной части «Дашнакцутюн», с другой – некоторые заблуждения армянской национальной партии и ее скороспелые, недолгосрочные выводы, сделанные под влиянием момента. Считаем уместным представить этот важнейший материал с некоторыми сокращениями. «Бакинские события, – писал В. Хорени, приобретают чрезвычайно большое значение для нас. Здесь события принимают такой порядок, что могут иметь для нас роковое значение. Баку может стать нашей обителью или могилой нашей свободы. Можно сказать более смело: Баку должен решить вопрос – быть нам или не быть. Если на минуту принять, что в Баку побеждает контрреволюция (имеет в виду татаро-турецкий союз – В. М.), то волна контрреволюции и национализма немедленно победно распространится через Гандзак до Батума и Еревана. Победа Баку означает победу революции и свободы. Вот с этим простым и правильным осознанием надо раз и навсегда положить конец неуместным тревогам и партийным амбициям, и увидеть порядок вещей в Баку в реальном свете и масштабе. Уже ясно, что это движение – не чисто большевистское и не чисто националистско-шовинистическое, а в целом демократическое и преимущественно революционное. Меншевикам уже ясно, что в движении участвуют «все без исключения революционные и социалистические партии». Эсеры определенным образом изменили свое предвзятое антибольшевистское и антидашнакское отношение к Баку. Меншевизм должен признать свою ошибку и отрезвиться. Движение революционного пролетариата в Баку не нужно подавлять – именно из интересов Закавказья. Какое бы мнение мы ни имели относительно большевизма, как бы ст-

⁴⁸⁹ «Оризон», 1918, 28 марта, № 65.

рого ни судили тактические ошибки большевиков, все же недопустимо вооружать и натравливать одну часть демократии против другой. Бакинское движение – это не обыкновенное «большевистское» движение. *Это «вандея» антиреволюционного Дагестана и Гандзака, руководствующихся турецкой ориентацией, которая стремится поджечь и сровнять с землей единственный закавказский очаг революции* (выделено мной – В. М.). Это чисто кавказское здоровое революционное движение. Ведь на Кавказе еще не было революций... Давайте услышим голос Баку, будем реалистами и придем в себя – пока не поздно»⁴⁹⁰.

На деятельность «С.–Д. партии Гнчакян» в Баку в каком–то смысле проливают свет воспоминания Григора Егикяна. В результате переговоров Ст. Шаумяна с гнчаками, стороны пришли к согласию в следующих пунктах: а) филиал партии сохранит независимое существование; б) мирно будет работать с большевиками; в) в свою очередь, большевики будут содействовать в укреплении организации и материально помогут в вопросе печатного органа. Г. Егикян свидетельствует, что после мартовских событий 1918 г. гнчакисты почувствовали себя более защищенными, стала издаваться газета «Мер орер» («Наши дни»), главным редактором которой был Саак Мурадян.

Ст. Шаумян даже предлагал Г. Егикяну должность представителя Бакинской коммуны в Персии. Последний отказался, мотивировав свой отказ тем, что «действия вашей партии (большевики – В. М.) мне не нравятся, посему не имею желаний участвовать в деле, которое считаю антисоциалистическим»⁴⁹¹.

На наш взгляд, весьма примечателен и актуален ответ Ст. Шаумяна, и впервые публикуя его, желаем сделать его достоянием общественности.

«Будучи большевиком, я армянин, – говорил он, – а вы, считающиеся марксистами, кичитесь тем, что многие годы труди-

⁴⁹⁰ «Оризон», 1918, 31 марта, № 68.

⁴⁹¹ См. Егикян Г., Из воспоминаний, Гнчакяны и их попытки объединения с большевиками, Айреник, 1939, январь, № 3, стр. 163–164, (на арм. яз.).

лись во имя обездоленных, но сейчас избегаете работы во имя освобождения тех же обездоленных, хотя вам открывается более широкая перспектива – благодаря тому, что правительство в России частично в наших руках. И даже этого недостаточно – вы критикуете нас, обвиняете в тысячах ошибок, утверждаете, что мы окружили себя авантюристами. Вы забываете, что для того чтобы руководить такой огромной страной и вести борьбу с могущественным мировым капитализмом, нам нужны люди. *Такие, как Вы, не приходят, а мы даем место тем, кто приходит – не выбирая, потому что у нас нет времени выбирать. В свое время, когда наша власть окрепнет, мы проведем строжайший отбор и очистим свои ряды от нежелательных элементов... нас окружает много авантюристов, может и просто преступников, они разделяют нашу власть и зачастую оказывают вредное влияние на рабочих и заставляют их выдвигать нам неуместные требования, а мы обязуемся удовлетворять их требования. Да, порой толпа ведет нас туда, куда нам идти не хочется, но мы обязаны идти»*⁴⁹² (выделено мной – В. М.)...

Считаем необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что даже после последнего – чрезвычайно жесткого диалога, гнчакист Г. Егикян, к его чести, был убежден, что Ст. Шаумян, «будучи большевиком, был хорошим армянином и в его деяниях была определенная истина»⁴⁹³. Вывод один: большевик Ст. Шаумян пытался поставить большевизм на службу интересам армян.

Таким образом, главные демократические силы армянского политического поля, кроме армянских меньшевиков, пожалуй, впервые в своей партийной деятельности большим достижением и победой назвали создание в Баку армянской национально–политической коалиции, не осуждая совместное присутствие в этом сотрудничестве «Дашнакцүтюн» и большевиков. В лице триединства Ст. Шаумян–Ростом–А. Багратуни, по

⁴⁹² Егикян Г., указ. соч., стр.164–165.

⁴⁹³ См. Ишханян Б., указ. соч., стр. 205–206.

большому счету, закладывалось начало тому общенациональному политическому тандему, который действительно мог вывести армянство Закавказья из положения побежденного, уступившего и в дальнейшем решить Армянский вопрос.

Остановимся также на *проблеме «гражданской войны» в Баку*, которая напрямую соотносится с вопросом власти.

Специфик Б. Ишханян дифференцировал обобщенное российское понятие «гражданская война» и бакинские события. Он называл это явление не гражданским, а антигосударственным сепаратистским движением или контрреволюционным реакционным восстанием. По его мнению, движение было антигосударственным, поскольку было направлено против основ российского государства, и опиралось на иностранную силу – поддержку Турции. А контрреволюционным – потому что было направлено против революционной власти – хранителя и защитника завоеваний революции. Примечательно, что видный деятель–специфик, известный своей антибольшевистской позицией, характеризовал Баксовет как орган революционной власти, даже в том случае, когда после победы он превратился в Коммуну, то есть – однородное большевистское правительство. Б. Ишханян был убежден, что исходя из антигосударственного содержания движения, события в Баку нельзя считать гражданской войной. «Борьба мусульман–пантюркистов–националистов иного рода: она направлена не только против данного правопорядка, а вообще против государственного господства русского элемента в нашей провинции – руководствуясь принципом самоопределения и ориентации на иностранное государство»⁴⁹⁴. Добавим к этому, что она была устремлена и против армянского элемента. «Вот почему, – писал Б. Ишханян, – бакинские события по их прелюдиям и откликам нельзя назвать гражданской войной – в обычном понимании идеи». Он был принципиально против придания этим событиям «характера

⁴⁹⁴ См. там же.

армяно–турецких этнических столкновений или борьбы»⁴⁹⁵ и в этом вопросе полностью разделял точку зрения Ст. Шаумяна.

В мае 1919 г. Б. Ишханян, имея в виду сентябрьские события, совершенно справедливо охарактеризовал их – уже как армянские самооборонительные бои против турецкой интервенции⁴⁹⁶.

Трудно не согласиться со Ст. Шаумяном в следующем: «Что было бы, если бы власть принадлежала меньшевикам? Нас всех поубивали бы»⁴⁹⁷. В связи с меньшевистской антиармянской политикой он был уверен: «Ни для кого не должно быть неожиданностью, если скажу, что армянские массы кровно заинтересованы в том, чтобы политика изменилась коренным образом (имеет в виду Сейм – В. М.), поскольку, если эта политика продолжится, то армянское население ждет поголовное уничтожение, которое постигло его в Турецкой Армении»⁴⁹⁸.

Особая важность придается *политике Ст. Шаумяна и Баксовета по отношению к «Дашнакцутюн»*.

На первый взгляд, складывается впечатление, что в течение всего этого процесса царила атмосфера взаимного недоверия. Об этом особенно свидетельствуют письма Ст. Шаумяна, адресованные И. Сталину и Совнаркому. В первом письме, от 16 марта, он писал: «Что касается выдаваемого дашнакам оружия, прошу оформить дело так, чтобы окончательное решение зависело от меня. Исходя из конъюнктуры, мы все решим тут. Я не жду перемен в их политике, но будет лучше, чтобы на местах они больше зависели от нас»⁴⁹⁹. То же настроение царило и в письме от 13 апреля: «Ничего не обещайте и ничего не давайте партии «Дашнакцутюн», хотя она нас пока защищает. Отныне их усиливать не стоит»⁵⁰⁰. Газета «Бакинский рабочий» добав-

⁴⁹⁵ Там же, стр. 206–207. В тот период он был председателем Анкетной комиссии Армянского национального совета Баку.

⁴⁹⁶ См. Ишханян Б., Великие ужасы Баку, Тифлис, 1920, (на арм. яз.).

⁴⁹⁷ Шаумян Ст., ПСС, т. 4, стр. 264.

⁴⁹⁸ Там же, т. 5, с. 19.

⁴⁹⁹ См. там же, стр. 174.

⁵⁰⁰ Там же, с. 204.

ляла, что «в борьбе против контрреволюции, не отвергая помощь партии «Дашнакцутюн», на данный момент – весьма ценную для нас, мы тем не менее не должны терять из внимания историческую перспективу, не забывать националистическую сущность этой партии»⁵⁰¹. В то же время часть «Дашнакцутюн» также была пронизана порочным, но закономерным политическим недоверием: «Наше отношение к сложившейся ситуации предельно ясно и определено, мы не верили ни «советским» благам контрреволюционеров типа шаумянов–джапаридзе, – писала в мае газета «Ашхатавор», – ни всяким расулам–заде, ни «революционным» порядкам, установленным тюркскими жандармами»⁵⁰². Невозможно проигнорировать, конечно, тот факт, что армянские части, подчиненные «Дашнакцутюн», внесли национальные черты в борьбу Совета против мусаватистского мятежа. Хотя большевистские деятели, а затем и историки, опровергают национальный характер сражения 30 марта и рассматривают его как гражданскую войну за власть, тем не менее его глубинная суть все же была национальной. По мнению российского историка А. Шубина, в сложившейся ситуации армянские националисты, вовсе не поддерживавшие большевистские идеи, согласились на установление Советской власти, чтобы протостоять с ее помощью азербайджанской общине и турецкой угрозе. Тем более, что советская форма представительства давала дашнакам своего рода политический «контрольный пакет», которым они еще воспользуются. Правящее большинство в Совете опиралось на большевиков, левых эсеров и дашнаков, согласившихся на этом этапе поддержать Шаумяна, за спиной которого стояла Россия – традиционная защита от турецкой экспансии в Закавказье⁵⁰³. Одним из ярких проявлений этого было отношение властей Тифлиса к Баксовету. На заседании Закавказского правительства 16 апреля обсуждался

⁵⁰¹ См. Ратгаузер Я., указ. соч., стр.151.

⁵⁰² «Ашхатавор», 1918, 14 мая, № 43.

⁵⁰³ См. Шубин Александр, Старт Страны Советов, Революция, октябрь 1917 – март 1918, Москва, 2017, с. 351–352.

«Бакинский вопрос». Председатель зачитал присланную из Елизаветполя Хас–Мамедовым и Джафаровым телеграмму, из которой стало известно, что среди мусульман проводится активная агитация против правительства, которое обвиняется в неприменении насилия против бакинских большевиков. Грузино–мусаватистское правительство не преминуло вынести решение: а) предложить военным и внутренним дел министрам, чтобы были предприняты все меры для пресечения бакинских событий – с целью захватить Баку; б) направить необходимую помощь. Спустя 2 дня, вернувшись к обсуждению «Бакинского вопроса», стало ясно: опираясь на резолюции, принятые в разных провинциях Елизаветпольской губернии, считать необходимым содействовать продвижению турецких войск к Баку. Хан–Хойский считал проблему Баку вопросом жизни и смерти для уже провозглашенной Азербайджанской республики»⁵⁰⁴.

В 1919 г., когда власть в Азербайджане представляла «Мусават», была создана комиссия по расследованию мартовских событий. Многочисленные свидетельства были столь безосновательны, что даже мусаватисты не согласились опубликовать эти материалы. В связи с шемахинскими событиями Ст. Шаумяна и А. Авакяна называли «настоящими дашнаками»⁵⁰⁵.

⁵⁰⁴ См. Ратгаузер Я., указ. соч., стр.155.

⁵⁰⁵ См. там же, стр. 157.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения как современников, так и современных научно–политических комментариев, мартовские события в Баку могут вызвать противоречия, разночтения, особенно в аспекте внешнего описания. Если же к вопросу подойти с точки зрения вовлеченности и участия национальных сил в мартовских битвах, то становится очевидным, что с одной стороны сражались русские и армяне, с другой – турки. На деполитическом уровне происходили армяно–татарские столкновения, если принять, что бакинские большевики – в лице Ст. Шаумяна представлялись в качестве проармянских сил. Как свидетельствуют факты, вопрос представлялся в Сейме именно в таком ключе.

Однобоким и поверхностным является и подход большевиков, которые квалифицируют эти события как гражданскую войну, начавшуюся в результате классовой борьбы. Она не была гражданской, поскольку борьба шла в основном не столько за немедленный захват власти, а именно за взятие Баку. Хотя борьба против Баксовета направлялась со стороны Сейма, то есть политической властью, соперничающей с Советом, однако тон в походах на Баку, тем не менее задавали «Мусават», мусульманские организации и Турция.

С точки зрения бакинских большевиков, особенно Сур. Шаумяна, мартовскими событиями завершился «этап безвластия»⁵⁰⁶, в том смысле что в состав нового правительства, сформированного в апреле, вошли уже исключительно большевики. Разнообразные и согласованные турко–татарские действия, разворачивавшиеся в Восточном Закавказье, в районе железной дороги

⁵⁰⁶ См. Suny R. G., указ. соч., стр. 232–233.

Тифлис–Баку и Ереванской губернии с ноября–декабря 1917 г. до февраля–марта 1918 г., привели к главному, ключевому моменту этого этапа – плану взятия Баку. Сформировались два противоборствующих лагеря – турко–татарский и армяно–русский, причем без прямого вмешательства российского государства. Эта конфронтация вобрала в себя все проблемы: с одной стороны, межнационального столкновения, с другой – власти. Для армянского населения Бакинской губернии и города Баку эти столкновения вылились в процесс подчеркнутой самообороны, сохранения нации. Более того, на наш взгляд, бакинские события следует рассматривать в контексте Армянского вопроса – в том смысле что, кроме Баку, бакинские армянские вооруженные силы преследовали другую, более жизненную сверхзадачу – помочь самообороне Западной Армении, тем самым остановив турецкое нашествие как на Западную Армению, так и на Баку.

Как в марте–апреле, так и в июне–сентябре 1918 г. шла геополитическая борьба за Баку, главными участниками которой вначале были Советская Россия, Германия, Турция, а также Англия. Другие акторы, вовлеченные в битву за Баку – армяне, татары, горцы, и русские военные части, в основном играли роль обслуживающего элемента. Это было вызвано также международными процессами развития причин этих переломных событий. Брестский мир для германского блока и Турции стал возможностью начать поход на Восток. Открылось истинное лицо пантюркизма. Этот фактор напрямую связан с Бакинскими процессами в том плане, что местные татаро–мусульманские силы в одиночку – без помощи Турции и горцев Северного Кавказа, не могли захватить власть Баку. Пожалуй, новостью стало то, что к пантюркистским силам присоединились и грузины, что было не случайным эпизодом частичного сотрудничества, а результатом последовательного грузино–татарского и грузино–турецкого сотрудничества, которые в походе на Баку поддерживали Закавказскую власть – на уровне Сейма и Комиссариата. В конце концов, этот союз принес свои плоды, и Бакинс-

кая коммуна пала. Однако на этом этапе победа в марте–апреле 1918 г. была явной: в качестве важного итога следует отметить то, что «Мусават» была вытеснена из Баку. Вместе с тем своей кульминации достигла борьба за власть в крае, которая в послеоктябрьский период шла между Тифлисом и Баку. Тот временный национальный характер, который приняла борьба за Баку в марте 1918 г., вновь вернулся к своей прежней и приоритетной задаче – проблеме взятия власти. Позднее она получила признаки интервенции против Советской власти, если иметь в виду проблему до странности пассивного участия центральной большевистской власти, в частности – В. Ленина и И. Сталина, что, впрочем, представляет собой тему для специального изучения. Тактика мартовской конфронтации в Баку в 1918 г. свидетельствует о том, что Ст. Шаумян и его ближнее окружение (в том числе и армянские национальные круги) проводили самостоятельную политическую линию. Хотя на первый взгляд, она преследовала цель содействовать процессу советизации края и в этом смысле использовалась только поддержка армянства, однако факт, что Ст. Шаумян, Г. Корганян и другие в определенном смысле дистанцировались от односторонней и антинациональной тактики Петрограда. Это подтверждает и Р. Сюни, отмечавший: «Расчеты Шаумяна после мартовских дней были достаточно верны»⁵⁰⁷. Из множества документов, обосновывающих этот тезис, приведем один: в мае, в адресованной В. Ленину телеграмме Ст. Шаумян подчеркивал: «Жду указаний в связи с персидскими силами. *Не получу вовремя эти указания – начну действовать по собственному усмотрению*»⁵⁰⁸ (выделено мной – В. М.).

Противоречивые проявления самостоятельной политики Ст. Шаумяна отмечал и Д. Ананун: «Нередко случалось так, что он прилагал усилия, чтобы быть самостоятельным, действовать по собственному усмотрению, но приходила директива В. Ле-

⁵⁰⁷ См. R. G. Suny, указ. соч., стр. 232–233.

⁵⁰⁸ См. Шаумян Ст., т. 4, с 291.

нина, и он тут же склонял голову перед лидером партии»⁵⁰⁹. В то же время в деятельности Бакинской советской власти и Ст. Шаумяна специфик Д. Ананун усматривал национальные черты. Будучи уверенным, что большевистская власть в Баку работает на Россию, он писал: «Без Баку Россия превратится в одну большую деревню», – так писал Ленин Шаумяну. Последний не раз заявлял председателю Рабочего совета, что «Интересы одного народа (намек на армян) не занимают большевиков. Однако самооборона Баку, по нашему глубокому убеждению, косвенным образом спасла многое для армян Закавказья. И поскольку одним из важнейших лиц этой самообороны был С. Шаумян, его политика в определенных условиях соответствовала интересам и России, и армян (выделено мной – В. М.). Таким образом, интернационализм не ведет в бездну потерь, а спасает. Интернационалист Шаумян мечтал осчастливить всех, чтобы был счастлив родивший его народ. Пусть в ряду павших сынов этого народа незабвенной останется имя его и память о нем»⁵¹⁰.

На последнем заседании Баксовета 30 июля 1918 г. Ст. Шаумян обнародовал, по его собственному выражению, исторический документ: «Под документом стояла подпись главнокомандующего турецкой армии Шефкета паши», – писал он, – к нему прилагаются копии, направленные Исполкому Совета и Армянскому национальному совету Баку. Пакет адресован уездному комиссару Мешади беку Азизбекову: «Товарищи, волею Божьей, мы, регулярные турецкие войска, без национальной дискриминации и с целью объединения всех народов, ведя борьбу с варварами, подошли к Баку»⁵¹¹.

Ранее, 23 июня Ст. Шаумян писал В. Ленину: «В связи с немцами есть некоторые противоречивые сведения. Несомненно, Вы лучше информированы о положении Западного Закавказья и о планах немцев. Прежде всего, мы знаем, что у них особые – отличные от турецких, планы насчет Закавказья. Понимая их

⁵⁰⁹ НАА, ф. 1022, оп. 7, д. 96, л. 45, 54.

⁵¹⁰ НАА, ф. 1022, д. 7, 96, р. 54.

⁵¹¹ НАА, ф. 1437, оп. 1, д. 252, л. 1–2.

общую политику, мы полагаем, что они непременно пойдут на Баку, но учитываем также стоящие перед ними определенные трудности. Если появление 217-ой дивизии в Батуми было правильным, то относительно их желания двигаться на Баку сомнений даже быть не может»⁵¹².

Данная логика отражена и в реалистичной оценке, данной Шааном Натали: «Они (армяне – *В. М.*) знали о трагедии, которая происходила по ту сторону границы – об истреблении миллиона армян, знали и о трагедии Эрзерума. Знали также о том, что Энвер движется к Баку – чтобы расправиться со всем армянством»⁵¹³.

Приближалось новое бедствие Баку... катастрофа.

⁵¹² Пипия Г. В., Политика Германии в Закавказье 1918 году, стр. 46.

⁵¹³ Шаан Натали, указ. соч., стр. 65.

SUMMARY

“The events in Baku did not include any Armenian–Tatar clashes: during the entire fight Turks did not touch Armenians who lived in the Turkish districts and homes. And Armenian military units rescued and sheltered over 14,000 Muslims, whom they returned with the help of the Persian Consul.”

Hajji Zeynalabdin Taghiyev

One of the key targets of the massive anti–Armenian propaganda by the authorities of the modern Azerbaijan Republic is the events in Baku in March 1918.

The 1917 February Revolution and the 1917 October Bolshevik Uprising in Russia on the one hand and the unprecedented activation of Pan–Turkism in Transcaucasia, caused by these revolutions, on the other hand, are the root political causes of the problem.

The aim of this paper is, first and foremost, to fully cover the development of the military–political events in Baku in March–April 1918, as well as to highlight the interrelated and specific nature of several movements simultaneously occurring within this process. They are as follows:

1. the development of the struggle for power in Baku after the October Revolution;
2. following Turkish invasion, the conversion of the internal political struggle or, in some ways, that of the civil war to resistance against foreign aggression;
3. for the Armenian population and parties in Baku, the conversion of the war into a national liberation, self–defense movement;
4. the unique and unprecedented combination of the national interest of not only local but also Transcaucasian Armenians during the whole process, with the primary purpose of struggle for power in the region.

Freeing themselves from the centuries-long Russian dominance, the Tatar nationalists in the Caucasus, mainly in the great tribal environments, from the spring of 1917 the idea of creating a Turkic or Muslim, national independent state has begun. It was directly fed and supported by Ottoman Turkey and was regarded as the first and foremost scene for the implementation of Pan-Turkism. Since after the Bolshevik Revolution the leaders of the Musavat Party were actively involved in the Transcaucasian Commissariat which did not acknowledge the Soviet authorities, so having the status of the ruling party and later that of the Sejm (Parliament) faction they also facilitated the speedy involvement of religiously cognate and congenial Turkey in the solution of the Transcaucasian internal national and political issues. The decisive factor of cooperation with the leadership of the Georgian Social-Democratic Menshevik Party also greatly contributed towards this policy the ultimate goal of which was separation from Russia, as well as weakening of the Armenian element in Transcaucasia and later its elimination in the context of pan-Turkism.

As following the Bolshevik Revolution the advocates of the idea, the ruling actors of Musavat, were actively engaged in the form of Transcaucasian Commissariat which did not recognize the Soviet regime, and thus in the ruling party, and directly contributed to the urgent engagement of tribal and religious peer of Turkey in the solution of inner national and political issues of the Transcaucasia. This policy was largely supported also by the decisive factor of collaboration with the Georgian social-democratic Menshevik Party's ruling authorities the final aim of which was separation from Russia as well as weakening of the Armenian presence in Transcaucasia, and within the context of Pan-Turkism also its elimination objectively.

That Caucasian Tatars were unable to realize their "national" goals unaided, without any support, is clear. In the given military and political situation when the only real obstacle on the way of Turkish invasion to Transcaucasia, Tsarist Russia, no longer existed when, by analogy of Krylov's well-known fable, in regional united

governments the three national parties of the united Transcaucasia were trying to solve quite separate and at times conflicting issues and especially those of Armenians and their main national-democratic party, Dashnaksutyun, the Georgian-Tatar tandem guided once again by Turkish politics was forming and gaining strength, new opportunities to invade Transcaucasia, to conquer Tbilisi and Baku were emerging.

Within the context of Pan-Turkism Baku was gaining new significance. The oil-rich city was now not only in the center of Ottoman Turkey and Caucasian Tatars, but also of the Soviet Union's regime. Bolsheviks regarded it as the main means to sovietize the region, in other words, to bring back imperial Russian territories in this way. For Musavat the city was turning into a collective center of "national ideal". At this crossroad the interests of Pan-Turkism and those of Soviet regime crashed. And as the Soviet authorities of Baku, i.e. Stepan Shahumyan and others, and starting from April the Commune as well were regarded as a pro-Armenian - national factor by the Turkish-Tatar-Georgian triangle, the fight for Baku in March-April of 1918 was also acquiring a national coloring and for Armenians it was taking on that of a struggle for survival.

In terms of the geography of the development of Baku's events, it should be mentioned that apart from the city of Baku, the regions of Baku, Elizavetpol (Gandzak), as well as Northern Caucasus, Iranian Atrpatakan, the main transportation route of Transcaucasia, i.e. the railroad Tbilisi-Baku, the regions of Shamakhi, Nukhi, and Karabakh were actively involved as well.

What comes to the chronology of the problem, then by saying events of "March 1918", one should consider the period from December 1917 to April 1918. The following should be seen as a prelude of the big fight for Baku: anti-Russian and anti-Armenian violence organized by the Commissariat in December 1917 to January 1918 along the Transcaucasia railway, Shamkhor's crime, anti-Armenian Turkish and Kurdish conflicts of the region of Armenia, Armenian killings of Atrpatakan, Russian, Armenian-Jewish ethnic cleansings of eastern Transcaucasia and, the last but

not the least, the multi-level and unyielding struggle for power in Transcaucasia, the problem of conquering Tbilisi.

The problem of March conflicts of Baku has more than ever been politicized by Soviet historiography. The representatives of the latter, namely Ye. Tokarzewski⁵¹⁴, S. Surguladze⁵¹⁵ and others, take the central issue of civil war as the starting point of interpretation of Baku's events and hence the issue of separation of parties to conflict, that is to say, from one side the Soviet Union and from the other, the Musavat Party forces and "Savage Division".

Where the decisive starting point of the interpretation of events is the conflict between German-Turkish imperialism and the Soviet regime, it is clear that the role of the Armenian factor of Baku and Eastern Transcaucasia is completely ignored, the more so the fact of collaboration between Bolsheviks and Dashnaktutsyun. The authors are highlighting this very factor, and not the joint actions of the treaty signed between the influential national Democratic Party's famed leaders and the authorities of Baku's Council, particularly S. Shahumyan, and their joint actions. This is understandable as the artificial paradigm of historiography where the phenomenon of Dashnaksutyun-Bolsheviks collaboration, the position of S. Shahumyan as a national political figure in this case, the problem of self-defense of the Armenian population of Baku and adjacent regions and others do not fit in. Thus the question of suppressing seemingly Armenian-Tatar ethnical cleansings by Dashnaksutyun was pushed to the foreground.

Baku events as a merely inter-ethnic clash was later granted an interpretation by foreign authors: English, French, German and Turkish among who were M. Larshe, I. Poljankovsky, Ryushtu, W. Allen and others⁵¹⁶.

⁵¹⁴ Ye. Tokarzewski, *From the History of Foreign Intervention and Civil War in Azerbaijan* (Baku, 1927), [in Russian].

⁵¹⁵ A. Surguladze, *Transcaucasia in the Struggle for the Victory of the Socialist Revolution* (Tbilisi, 1971), [in Russian].

⁵¹⁶ See Ye. Tokarzewski, *From the History of Foreign Intervention and Civil War in Azerbaijan* (Baku, 1927), 51-53 [in Russian].

The events of March 1918 are being politicized these days as well. On Azeri websites, Azeri, Turkish and other “like-minded” historians T. Atayev, A. Eyvaz, A. Balayev, A. Igolkin, E. Ismailov, M. Smith, Z. Alizade and others attempt at presenting “all the afflictions that the Azeri nation suffered from”⁵¹⁷ alongside inner political developments of Baku.

Given the anniversary of the events of 1918, in March 2011 mass media of Azerbaijan, Azerbaijan’s Embassy in the Russian Federation and other organizations held another shameless and misleading campaign. The Israeli journalists and politicians invited to Baku were sold the idea that in March and May 1918 Dashnaksutyun, alongside with the Bolsheviks, carried out not only a massacre of Azeri but also of Jews in Baku. Since 1998 that day, March 31, is considered a national mourning day in Azerbaijan⁵¹⁸.

In his work called “Black Garden” English journalist and researcher Thomas de Waal highlights the essential factor that the association of the term “Genocide” with the date March 31, 1918 “suggested, however, that the commemoration was less about the past than about present-day politics. The message was, if Armenia could have a Genocide Day, then why should Azerbaijan not have one too?” the author mentions⁵¹⁹. In terms of the further development of events T. de Waal comes to a completely sound conclusion by mentioning that “By using the term, Aliev had initiated a duel of the martyred nations.”⁵²⁰

Official Azerbaijan’s deranged imagination has come to an extent that according to “Turan” agency, H. Orujev has put into circulation a stunning number of Azeri “genocide” victims, as if “2.5 million

⁵¹⁷ See M. Hovhannisyan, Relationships between Armenian Revolutionary Federation and Bolsheviks in Transcaucasia in 1917–1918, (Yerevan, 2009, PhD dissertation abstract), 14–15, [in Armenian].

⁵¹⁸ See *Novoye Vremya*, Yerevan, March 29, 2011, № 1997; March 31, 2011, № 1998; April 5, 2011, № 1997 [in Russian]; see also Thomas De Waal, *Black Garden* (Yerevan, 2007).

⁵¹⁹ Thomas De Waal, *Black Garden*, 146.

⁵²⁰ *Ibid.*, 146–147.

Azeri were victims to the Genocide conducted by Armenians in the XX century”⁵²¹.

During the 1918 events of March the religious celebration of Muharram or the famous Shahsey–Vahsey has become a model of Azeri nationality. It has contributed to the process of recognition of their historical identity by Baku’s Muslim Tatars, political consolidation and a formation of new national society. For the followers of the Musavat Party it became one of the main elements of the construction of Azeri “tragic identity”, which is consistently exploited today⁵²².

In the same year of 2011, in October, in response to S. Tarasov’s series of articles on the Internet, professor Eldar Ismailov of Baku State University, wrote an essay entitled “How Shahumyan was Intentionally Misleading Lenin” where he blamed S. Shahumyan in that in failing to enforce the decree “On Turkish Armenia” together with Lenin, he came to Baku and “in order to turn it into a new Armenian city, he organized a Bacchanalia of the Azeri population.”⁵²³ By faking both the chronology of the events and the facts, and by even putting an equation mark between the events of March and August 1918 with his each step the fake historian notes that “during the bloody events of Baku Shahumyan has been fired from the position of Commissar Extraordinary for the Caucasus” and it is validated by Stalin’s letter of April 1, 1918⁵²⁴. We would only like to claim that on April 1 S. Shahumyan was still at the peak of his career and on April 12 (25) he was the head of the Baku Commune.

The material by the researcher of the Institute of History of Azerbaijan’s Academy of Science Zahida Alizade “Political Relations between Azerbaijan and Armenian from 1917–1918”

⁵²¹ Ibid., 147.

⁵²² See A. Kazinyan, Poligon “Azerbaijan” (Yerevan, 2011), 269, [in Russian].

⁵²³ E. Ismailov, How Shahumyan was Intentionally Misleading Lenin, <http://regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1447229.html#ixzz1ZF69ayGO>; the word “Bacchanalia” may be translated as “unrestrained revelry, rakishness, drunken celebrations”.

⁵²⁴ E. Ismailov, *ibid.*

published on the Internet should be considered another vivid example of Azeri faking.

It should first be mentioned that the ambitious title does not at all correspond to the material and the statement of purpose and then, in the period that the author is interested in, the fact of considering Armenia the same as the artificial “Azerbaijan” notion is itself an instance of faking. At times through outwardly “objective” formulations the author aims at several important goals: to fake the causes and consequence of 1918 Baku events, “to substantiate” the prerequisites of the formation of the state of Azerbaijan, to regard Baku as that state’s “capital city”, and, eventually, to blame Armenians and Bolsheviks in “Azeri” massacre.

Z. Alizade, mentioning that “Baku was Bolshevik’s dream city”, tries to outsmart the reader by pushing forward the delirious dream of the very Azeri, the idea of “Azeri’s capital city”⁵²⁵. By constantly highlighting the fact of cooperation between Bolsheviks and Dashnaksutyun, clearly implying S. Shahumyan, the author for some reason forgets to mention Bolsheviks of Tatar–Azeri origin, “Hummet” Bolshevik Party, M. Azizbekov, N. Narimanov and a dozen other politician figures.

Seemingly honest Z. Alizade writes: “The huge extremes of Azeri in March of 1918 allowed Bolsheviks and Dashnaks to come to power in Baku for some time. The factors were against them and their political prospects in the region were gone. The agreement between Dashnaks and Bolsheviks never reached its strategic aim, and, as a result, the Azeri national movement was formed.”⁵²⁶

First, the Dashnak Party did not come to power in Baku and never pursued such an aim. Essentially, the young researcher simply cannot hide happiness regarding the failure of the agreement, but the author conceals what is the most important, i.e. that Baku fell as a consequence of a Turkish campaign and in September 1918 Turks

⁵²⁵ A. Zakhida, Political Relations between Azerbaijan and Armenia in 1917–1918, see www.ca-c.org/c-g/2008/journal_eng/c-g-2/14.shtml,

⁵²⁶ A. Zakhida, *ibid.*

and their religiously cognate and congenial Tatar–Azeri exterminated a population of 30,000 Armenians.

What comes to the fake fact of the seeming massacre of 12,000 Tatars by Armenians and Bolsheviks in March 1918, then we highly recommend this and other Azeri authors remember the words of gratitude expressed by their remarkable compatriot Z. Taghliev to the Armenian population of Baku and its national organizations.

The events of March 1918 were brought about by Musavat conflict and pursued the aim of abolishing the power of democratic socialist council, conquering the city and declaring it the capital city of the artificially made Tatar Republic.

After the Armenian–Tatar clashes of 1905–1907, Baku events of March 1918 could in fact be considered a second stage of weakening and eliminating the Armenian presence. In the given context the unprecedented phenomenon of harmony and interaction of all Armenian movements and parties to act jointly took place.

We do not share the opinion that it was only the Baku Armenian National Council and the Party of Dashnaktsutyun that were interested in ensuring the physical security of the Armenian population of Baku and that, even more, they did not pursue any political aims.

Tsar’s General H. Bagratuni, one of the organizers of the self-defense of Baku, presented this glorious heroic act from the national, Armenian angle on February 17, 1919. “Baku’s defense had a huge significance for Russian borders, but especially it had an exceptional importance for Armenians. It was clear for me, – the dedicated Armenian political figure wrote, – that by conquering Baku, Turks (with all potential consequences for Armenians) would govern the freed Armenian territories, Karabakh, and then Yerevan which would mean a complete annihilation, physical destruction for our people. That is why I have always supported the idea of necessity to defend Baku merely from the Armenian perspective (the vast majority of Baku’s defenders were Armenians, after all), to not let Turks eventually destroy Armenians. Baku’s heroic and glorious defense (in the context of army’s incomplete organization, its weak

governance, unregulated supplies) played a huge role in saving the remaining part of the Armenian nation.”⁵²⁷

Baku events of March 1918 had a large and a game-changing political significance for Transcaucasia. The idea was not only to disarm the “Savage Division”, to suppress the Musavat riot, but, first and foremost, to stop the decisive attack of Pan-Turkism. The big clash was a testimony to an unyielding struggle for power in the region and the problem of sovietizing Transcaucasia. It was confirmed later. After conquering Baku on September 15, Nura Pasha immediately delivered a brief speech where he threatened Armenians of Karabakh, and a week later the Turkish brigade consisting of 6,000 people entered Shushi.

This process continued in 1989–1993 when the process of dearmenialization of Baku and the Armenian regions of eastern Transcaucasia was completed by notorious Sumgait events, by January 1990 massacres and alike.

In the view of both contemporary and modern scientific interpretation, March 1918 events in Baku may cause controversies and debates, especially in terms of the perception of the external image. If we consider the question from the position of the involvement of national forces and their participation in the March fights, then it is obvious that, on the one hand, there were Russians and Armenians fighting and, on the other hand, Turks. At the non-political level there was an Armenian–Tatar clash if we accept that Bolsheviks in Baku, through Stepan Shahumyan, were presented as pro-Armenian forces. As evidenced by facts, the question was presented at Seym in this light.

Bolshevik approach was also one-sided and superficial since it interpreted the events as a civil war in the result of class warfare. It was not civil as the fight was not so much to directly take over the power, but rather to just conquer Baku. Even though the fight against Baku Commune was guided by Seym, that is by the political force that was opposing the Council, those who were stirring the campaign

⁵²⁷ See National Archives of Armenia, archive 121, list 2, case 94, number 49.

against Baku were, nevertheless, Musavat, Muslim organizations and Turkey.

The events in Baku, in our opinion, should also be discussed in the context of the Armenian question since Baku's Armenian forces, apart from Baku, had another, a more vital archgoal: to support the self-defense of Western Armenia and to thus stop the Turkish campaign to both Eastern Armenia and Baku.

Both in March–April and June–September of 1918 a geopolitical fight was taking place for Baku the main participants of which were first Soviet Russia, Germany, Turkey and later England. The other actors involved in the fight for Baku—Armenians, Tatars, Highlanders and Russian forces, played a predominantly secondary role. This also stemmed from the cause of international developments of the game-changing events. The Brest Treaty created an opportunity for German reunification and for Turkey to campaign to east. Pan-Turkism became real threat. This factor was directly associated with the events in Baku only in that the local Tatar–Muslim forces could not overthrow Baku authorities unaided, without the support of Turkey and Highlanders of Northern Caucasus. The real news was probably that Georgians also joined Panturkish forces which was not a mere instance of coincidence and partial participation, but a result of consistent Georgian–Tatar and Georgian–Turkish cooperation that supported the campaign against Baku at the level of Transcaucasian authorities, Seym and Commissariat.

In the long run, the treaty yielded its results and the Baku Commune fell. However, during this stage, in March–April 1918 the victory was obvious; as a major result, it should be mentioned that the Musavat Party was expelled from Baku. Alongside with this, the process of fighting for power in the region reached its peak, taking place between Tbilisi and Baku in the post–October stage. The temporary national image that the fight for Baku took up in March 1918 returned to the realization of its initial and primary problem, that is the issue of obtaining power.

Later it would come to be seen as an intervention against the Soviet regime if we also consider the weirdly passive participation

of the Bolshevik central government, particularly that of Lenin and Stalin which is a matter of additional study. The strategy of Baku 1918 March conflict testifies that S. Shahumyan and his immediate surroundings, including Armenian national circles, were conducting a relatively independent political strategy. Even though at first glance it had the aim of contributing to the process of sovietization of the region and only Armenian support was used in this respect, S. Shahumyan, G. Ghorghanyan and others had somewhat distanced themselves from the one-sided and antinational strategy of Petrograd. Among the many arguments substantiating this thesis, we will cite one: in a telegram sent to V. Lenin in May, S. Shahumyan highlighted that “I am waiting for instructions against forces of Iran. In case I do not receive these instructions at the right time, I will act on my discretion. (author’s note – *V. M.*)⁵²⁸.

On July 30, 1918, at the last meeting of the Baku Council, Stepan Shahumyan published a document which he called historical. “The document is signed by Shafkat Pasha, the Commander of the Turkish Army,” he noted, “There are copies to the Executive Committee of the Council and the Armenian National Council of Baku attached to it. The package is addressed to provincial commissar Meshadi Bek Azizbekov. It read, “Friends, by the will of God, we, the regular Turkish troops, without national discrimination have approached Baku aiming to unite all the peoples and fighting against barbarians.”⁵²⁹

This logic is also reflected in Shahan Natali’s assessment. “They [the Armenians] knew about all the events that were happening on the other side of the border, they were familiar with the massacre of one million Armenians and the tragedy of Erzurum. They also knew Never came to Baku to finally dispose of all Armenians.”⁵³⁰

Another disaster in Baku was approaching...

⁵²⁸ See S. Shahumyan, *Complete Works, Volume 4* (Yerevan, 1978), p. 291, [in Armenian].

⁵²⁹ Armenian National Archive, archive 1437, list 1, case 252, number 1–2.

⁵³⁰ Shahan Natali, *Turkism from Ankara to Baku and Turkish Orientation*, Yerevan, 1992, p. 65.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВЫ

1. А–До (Ованес Тер–Арутюнян), Рождение Армении, рукопись. Музей истории РА, Отдел новой истории, вспомогательный фонд, № 1590, папка 839/1957.
2. Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца (МЛИ)
 - а) Фонд Левоняна Г., п. № 66/417,
 - б) Фонд Чопаняна Ар., п. № 1778

Национальный архив Армении (НАА)

3. НАА, ф. 103, оп. 1, д. 119, лл. 1–2, 18, 23, 26, 31.
4. НАА, ф. 103, оп. 1, д. 113, лл. 1–3, 12, 16, 66, 71, 72, 117.
5. НАА, ф. 103, оп. 1, д. 113, лл. 1–3, 12.
6. НАА, ф. 121, оп. 1, д. 29, л. 6.
7. НАА, ф. 121, оп. 2, д. 94, л. 105.
8. НАА, ф. 121, оп. 2, д. 94, л. 14.
9. НАА, ф. 121, оп. 2, д. 94, л. 49.
10. НАА, ф. 121, оп. 1, д. 29, л. 3.
11. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 36, л. 124.
12. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24 II ч., л. 246.
13. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24 II ч., лл. 237–238.
14. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24 II ч., лл. 271–276.
15. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24 II ч., лл. 182, 232–236.
16. НАА, ф. 1022, оп. 7, д. 96, л. 45, 54.
17. НАА, ф. 1267, оп. 2, д. 94, л. 12.
18. НАА, ф. 1437, оп. 1, д. 252, л. 1–2.
19. НАА, ф. 4007, оп. 1, д. 228, л. 1–2.
20. НАА, ф. 4033, оп. 2, д. 916, л. 1–2.
21. НАА, ф. 4047, оп. 1, д. 124, лл. 1–3.

22. НАА, ф. 4047, оп. 1, д. 213, лл. 26–27.

Национальный архив Грузии (НАГ)

23. НАГ, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 194.

24. НАГ, ф. 1, оп. 2, д. 12, л. 11.

25. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 12, л. 51.

26. НАГ, ф. 1831, оп. 1, д. 1, л. 40.

27. НАГ, ф. 1838, оп. 2, д. 68, л. 108.

28. НАГ, ф. 1844, оп. 2, д. 67, л. 155.

29. НАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 1, л. 487.

Российский Государственный Военно–исторический архив (РГВИА)

30. РГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1127, л. 39.

31. РГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 485, л. 112.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

1. «Ашхатавор» («Трудящийся»), Тифлис, 1918.

2. «Арев» («Солнце»), Баку, 1918.

3. «Жоговурд» («Народ»), Ереван, 1918.

4. «Оризон» («Горизонт»), Тифлис, 1917.

5. «Оризон», Тифлис, 1918.

6. «Мшак» («Труженик»), Тифлис, 1918.

7. «Шаржум» («Движение»), Ахалцих, 1918.

8. «Пайкар» («Борьба»), Тифлис, 1918.

9. Ван–Тосп, Тифлис, 1918.

10. Бакинский рабочий, Баку, 1917.

11. Знамя Труда, Баку, 1918.

12. Известия совета рабочих и солдатских депутатов гор. Тифлиса, Тифлис, 1917.

13. Кавказский рабочий, Тифлис, 1917.

14. Кавказское Слово, Тифлис, 1918.

15. Новое Время, Ереван, 2011.

16. «Арарат», Св. Эчмиадзин, 1918, январь–март, № 1–3.

СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ

1. Армяне в Первой мировой войне (1914–1918 гг.), Москва, 2014.
2. Беленький С., Манвелов А., Революция 1917 г. в Азербайджане (Хроника событий), Баку, 1927.
3. Борьба за победу советской власти в Грузии, Документы и материалы (1917–1921 гг.), Тбилиси, 1958.
4. Германские оккупанты в Грузии в 1918 г. (Сборник документов и материалов), Тбилиси, 1992.
5. Закавказский Сейм, Стенографический отчет, Тифлис, 1918.
6. Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 году, (составитель Х. А. Бадалян), Ереван, 1970.
7. Пипия Г. В., Политика Германии в Закавказье 1918 году, Сборник документов, Тбилиси, 1971.
8. Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918–1920 гг., Сборник документов, Ереван, 2000.
9. Сеф С. Е., Революция 1917 г. в Закавказье (Документы и материалы), Тифлис, 1927.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии, статьи, интернет-сайты

1. Alizade Zakhida, Political relations between Azerbaijan and Armenia in 1917–1918, mh u <http://www.ca-c.org/c-g/2008/journal-eng/c-g-2/14.shtml>
2. Ronald Grigor Suny, The Baku Commune 1917–1918, Class and nationality in the Russian revolution, 1972, Princeton, New Jersey.
3. Swietochowski T., Russian–Azerbaijan. 1905–1920. Cambridge, 1985.
4. Авалов З., Независимость Грузии в международной политике, 1918–1921 гг., Воспоминания, очерки, Париж, 1924.
5. Аветисян Г., Армянский вопрос в 1918, Ереван, 1997, (на арм. яз.),
6. Аветисян Г., Генерал Акоп Баградуни (1879–1943), Историко-филологический журнал (ИФЖ), НАН РА, Ереван, 1997, № 1 (145), (на арм. яз.).
7. А–До, Рождение Армянства, Ереван, 2015, (на арм. яз.).
8. Алиев Г. З., Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.), Москва, 1972.
9. Алчуджян А., Ростом в Баку, Айреник (Родина), Бостон, 4 год, № 7, (365), июль, 1956, (на арм. яз.).

10. Ананун Д., Общественное развитие русских армян, т. 3, (1901–1918), Венеция, 1926, (на арм. яз.).
11. Арам, Айреник, Бостон, № 2, 1951, (на арм. яз.).
12. Арзуманян М. В., От бедствия к возрождению, Ереван, 1968, (на арм. яз.).
13. Арутюнян А. О., Турецкая интервенция в Закавказье в 1918 г. и бои самообороны, Ереван, 1984, (на арм. яз.).
14. Байков Б., Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.), Архив русской революции, изд. И. В. Гессеномъ, т. IX, Берлин, 1923.
15. Барсегян Х., Степан Шаумян, Ереван, 1968, (на арм. яз.).
16. Безугольный А. Ю., Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Москва, 2011.
17. Ваал де Томас, Черный сад, Ереван, 2007.
18. Врацян Симон, Республика Армения, Ереван, 1993, (на арм. яз.).
19. Гегамянц Е. А., иерей, Турки на Кавказе и падение Баку, т.1, Баку, 1919, (на арм. яз.).
20. Гюльханданян А., Героическая оборона Баку, Айреник, Бостон, 1941, июль, (на арм. яз.).
21. Гюльханданян А., Закавказье и бакинские события, Айреник, Бостон, 1967, № 1, январь, (на арм. яз.).
22. Дадаян Х., Армяне и Баку (1850–ые – 1920 гг.), Ереван, 2006, (на арм. яз.).
23. Дарбинян Р., Дни бури, Айреник, № 1 (264), Бостон, 1948, № 1, январь, (на арм. яз.).
24. Деникин А. И., Очерки русской смуты, Москва, 1991.
25. Дубинский – Мухадзе И., Шаумян, Москва, 1965.
26. Егикян Григор, Из моих воспоминаний, Гичакяны и их попытки объединения с большевиками, Айреник, Бостон, 1939, январь, № 3, (на арм. яз.).
27. Жордания Н. Н., За два года, Доклады и речи, Тифлис, 1919.
28. Зареванд, Турция и Пантуранизм Париж, 1930, Ереван, 1991.
29. Зограбян Э. А., Межнациональные столкновения в Ереванской губернии в 1918 г., Ереван, 2000, (на арм. яз.).
30. Искендеров М. С., Из истории борьбы коммунистической партии Азербайджана за победу советской власти, Баку, 1958.
31. Исмаилов Э., Как Шаумян преднамеренно вводил Ленина в заблуждение, <http://regnum.rU/news/fd-abroad/armenia/1447229.html#ixzz1ZF69ayGO>

32. Ишханян Б., Контрреволюционное движение в Закавказье, Баку, 1918, (на арм. яз.).
33. Каджазнуни О., «Дашнакцутюн» более нечего делать, Вена, 1923, (на арм. яз.).
34. Казинян А., Полигон “Азербайджан”, Ереван, 2011.
35. Кариби, Красная книга, Тифлис, 1920.
36. Князьян Д., Кавказская политика Азербайджанской демократической республики в 1918–1920 гг., Ереван, 2008, (на арм. яз.).
37. Корганян Г., Участие армян на Кавказском фронте Мировой войны, Айреник, Бостон, 1928, апрель, № 6, (на арм. яз.).
38. Лео, Из прошлого, Ереван, 2009, (на арм. яз.).
39. Лудшувейт Е. Ф., Турция в годы Первой Мировой войны 1914–1918 гг., Военнополитический очерк, Москва, 1966.
40. Манукян А., События в Васпуракане, Вем, 1937, апрель–июнь, (на арм. яз.).
41. Мелик–Елчян С., Героическая оборона Баку, Айреник, Бостон, 1925, 3 год, № 7, май (на арм. яз.).
42. Меликян В. Г., Грузино–татарские антироссийские мятежи в районе Закавказской железной дороги и армянская позиция (ноябрь 1917 – март 1918), Историческое пространство, № 1, Москва, 2010.
43. Меликян В. Г., Проблема власти в Закавказье: деятельность Закавказского комиссариата и армянская действительность (ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.), Ереван, 2010, (на арм. яз.).
44. Меликян В. Г., Февральская революция 1917 г. и Армения, Ереван, 1997, (на арм. яз.).
45. Меликян Г. С., Октябрьская революция и Кавказская армия, Ереван, 1970, (на арм. яз.).
46. Микоян А. И., Так было. Размышления о минувшем, Москва, 1999.
47. Назарян А., Формирование армянских войсковых частей (1914–1918), Ереван, 1999 (на арм. яз.).
48. Натали Шаан, Тюркизм от Анкары до Баку и турецкая ориентация, Ереван, 1992, (на арм. яз.).
49. Оганисян М. С., Отношения АРФД–большевики в Закавказье в 1917–1918 гг., автореферат кандидатской диссертации, Ереван, 2009, (на арм. яз.).
50. Пахлавунни Егише, Мемуары, Ереван, 2006, (на арм. яз.).
51. Пирумян Р., Армения в сфере отношений между АРФД и большевиками (1917–1921), Ереван, 1997, (на арм. яз.).

52. Раевский, Партия Мусават и ее контрреволюционная работа, Баку, 1929.
53. Разгон И., Мельчин А., Борьба за власть Советов в Дагестане (1917–1921 гг.), Махачкала, 1945.
54. Ратгаузер Я., Революция и гражданская война в Баку, ч. I, 1917–1918 гг., Баку 1927:
55. Рзаева Г., Революция в Закавказье (1917–1918 годы), Віче № 6, 2010.
56. Ростом, К 60–летию кончины, Свидетельства, Дарбинян Р., Баку, 1918, (на арм. яз.).
57. Рубен, Воспоминания армянина–революционера, т.7, Тегеран, 1982, (на арм. яз.).
58. Саргсян Е., Ереван в 1917 году, Айреник, Бостон, 1950, № 9, сентябрь, (на арм. яз.).
59. Симонян Гр., Из истории армяно–турецких отношений, Ереван, 1991, (на арм. яз.).
60. Степанян Г. С., Армяне Бакинской губернии во второй половине XIX века. Историко–демографическое исследование, Ереван, 2010, (на арм. яз.).
61. Степанян Г., Амазасп Срвандзтян, Ереван, 2016, (на арм. яз.).
62. Степанян Г., История армян города Баку, Ереван, 2011, (на арм. яз.).
63. Сургуладзе А. Н., Закавказье в борьбе за победу социалистической революции, Тбилиси, 1971.
64. Токаржевский Е. А., Бакинские большевики в борьбе против германо–турецких интервентов в Азербайджане в 1918 году, Труды, IV, Баку, 1947.
65. Терьян Э.–Г., Ваан Терьян, Неизданные и неизвестные страницы, Ереван, 2014, (на арм. яз.).
66. Токаржевский Е. А., Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане, Баку, 1927.
67. Туршян Г. Г., Героическая оборона Сардарапата, Ереван, 1965, (на арм. яз.).
68. Хачапуридзе Г. В., Борьба за пролетарскую революцию в Грузии, Очерки, 1917–1921, Тбилиси, 1936.
69. Хачатрян Аствацатур, Восточноармянско–турецкие дипломатические отношения, Ереван, 2010, (на арм. яз.).
70. Хондкарян Аршам., Оппозиция в Республиканской Армении, Вем (Камень алтаря), Париж, 1933, № 2, ноябрь–декабрь, (на арм. яз.).

71. Хуршудян Л. А., Советская Россия и Армянский вопрос, Ереван, 1977, (на арм. яз.).
72. Церцвадзе М. В., Революционное движение в Грузии в 1914–1917 гг. часть II (1917 г.) Тбилиси, 1960.
73. Шатирян М., Эпизоды из недалекого прошлого, Айрсник, Бостон, 1923, № 7, май, (на арм. яз.).
74. Шаумян С. Г., Политические деятели России, 1917, Биографический словарь, Москва, 1993.
75. Шаумян Ст., ПСС, т. 4, Ереван, 1978.
76. Шаумян Сур., Бакинская Коммуна, Баку, 1927.
77. Шубин Александр, Старт Страны Советов, Революция, октябрь 1917 – март 1918, М., 2017.

Ваан Генрихович Меликян
БОРЬБА ЗА БАКУ
(ноябрь 1917 г. – апрель 1918 г.)

Vahan H. Melikyan
STRUGGLE FOR BAKU
(November 1917 – April 1918)
(In Russian, Zangak Publishing House, Yerevan, Armenia)

Վահան Հենրիկի Մելիքյան
ՊԱՅՔԱՐ ԲԱԲՎԻ ՀԱՄԱՐ
(1917 թ. նոյեմբեր – 1918 թ. ապրիլ)
(ոուսերեն, «Ջանգալ» հրատ., Երևան)

Перевод с армянского
Перевод резюме
Набор

Երանուի Սետրոսյան
Մարինա Մելիկ-Ադամյան
Աիդա Թոնոյան

Директор издательства
Обложка
Верстка

Էմին Մկրտչյան
Մարիամ Կանայան
Գրիգորիյ Արուտյունյան

Печать офсетная. Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Объем 13,5 + 0,5 п. л. Гарнитура Times New Roman

Издательство «ЗАНГАК»

РА, 0051, Ереван, пр. Комитаса 49/2, тел.: (+37410) 23-25-28
Эл. почта: info@zangak.am, эл. сайты: www.zangak.am, www.book.am
Страница в Фейсбук: www.facebook.com/zangak

[400099]

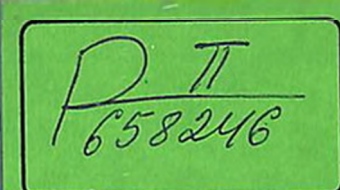
ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0559672

ВАН ГЕНРИХОВИЧ

Родился в 1961 г. в Ереване. Предки были выходцами из известного нахарарского рода Мамиконянов, ветвь которого происходила из Хнусской области Западной Армении (Турция). После русско-турецкой войны 1828—1829 гг. часть из них переселилась в Восточную Армению, в современный Маралик, участвуя в основании этого селения. Дед матери, брат именитого писателя Дереника

Демирчяна — Геворг Демирчян, был одним из тех национальных военно-политических деятелей, которые после советизации Республики Армения были убиты большевиками в Ереванской тюрьме в январе 1921 г.

Доктор исторических наук, профессор В. Г. Меликян автор 9 монографий, 90 научных статей, сборников документов и т. д. Он представляет научное направление политической арменистики. Круг научных интересов охватывает период с 1914—1921 гг., в частности, вопросы, связанные с Российскими революциями 1917 г., политическими партиями, Армянским вопросом, проблемами власти, политической и гражданской истории Закавказья, процессом отпадения края от большевистской России и образования независимых национальных государств.

С 1988 г. В. Г. Меликян работает в институте истории НАН РА в должности ведущего научного сотрудника.

В 2002 г. он непосредственно участвовал в деле основания и до 2013 г. руководил кафедрой Мировой политики и международных отношений Российско-армянского (Славянского) университета, в 2010—2012 гг. занимал должность декана факультета политологии. С 2013 г. по сей день В. Г. Меликян руководит кафедрой общественных наук Ереванского государственного медицинского университета им. М. Гераци.

В. Меликян является членом-основателем международной организации “Конгресс западных армян” (Париж), а также членом Западноармянского национального совета.

На обложке здание Бакинского совета (1917—1918).

ЗАНГАК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

www.zangak.am
www.book.am